
Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2012

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир КРУПИН. Святое поле	3
Сергей БАТЧИКОВ. Хлеб и зрелища как средства тотального контроля	8
Михаил ЛЕМЕШЕВ. Извечная война с русским миром	121
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	159
Геннадий СТАРОСТЕНКО. Оклеветанный гений	200
Эмма МЕНШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	208

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Стяжатели. Роман	21
Владимир СМЫК. Короткие рассказы	185
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Лугин и бесы. Рассказ	191

ПОЭЗИЯ

Александр МОРИН. С любовью жить	152
Галина РУДАКОВА. Посеяны под зиму семена	156

ПОДВИЖНИКИ

Эдуард СКОБЕЛЕВ. **Из породы русских офицеров** 230

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир ЮДИН. **Рухнувшие планы «господина мира».**
К 200-летию Бородинского сражения 235

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Сергей ЧЕПРОВ. **Луны дрожащий след.** Стихи 243

Владимир ХОМЯКОВ. **Сквозь бесконечные границы.**
Стихи 247

Евгений АРТАМОНОВ. **Рассекая тьму.** Стихи 251

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Татьяна КАСАТКИНА. **Достоевский о всемирности
и всечеловечности русского человека** 254

ИСКУССТВО

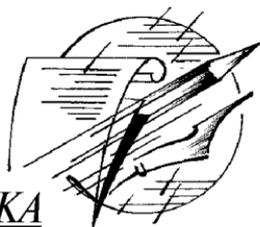
Нина БОЙКО. **Рассказы о художниках** 268

СВЯТОЕ ПОЛЕ

Состояние, которое испытываешь на этом поле, когда остаешься с ним наедине, — светлая печаль. Здесь столько обрвалось русских жизней... Нет, не случайно, что битва произошла тогда, когда день равен ночи. Именно в этот день решалось, быть ли Отчизне, будет ли спасен мир. Давным-давно заметили старики, что в этот день природа повторяет то, что было в том роковом дне.

Теплая туманная ночь переправы через Дон медленно переходит в туманное утро. Уже по эту сторону Дона князя Дмитрий и Владимир сходят с коней и слушают голос земли. «Брат, — говорит Владимир, — слышу, в татарской стороне воют волки и лисицы твякают, а в русской плачут вдовы и матери...»

Туман долго стоит над полем, скрывая подход русских войск от Дона и Непрядвы к речкам Смолке и Нижнему Дубику. Хоронится в дубовом лесу Засадный полк. Дмитрий надевает доспехи простого воина и становится в пеший строй Передового полка. На прощание, на последнее прощание, обнимаются во-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ины, меняются нательными крестами, становятся названными братьями. «Умрем аки братья умре», — говорят воины.

По древнерусскому счету время считалось от рассвета. В пять, то есть по-теперешнему примерно в десятом, часу передовые полки сошлись. Дмитрий знал тактику Орды — ударять в лоб и обходить на флангах, а также занимать высокое место. Главная высота Куликова поля — Красный холм занят ставкой Мамай, но сама природа закрыла наши фланги речками Нижним Дубиком и Смолкой. Мамай решает проломить сопротивление русских в центре, посылает сюда свою гвардию генуэзцев.

Поднимается юго-восточный ветер, осеннее неяркое солнце слепит глаза. Громадный воин, любимец Мамай Челубей вызывает на поединок соперника.

Из наших рядов выехал монах Пересвет. В прекрасной и всем нам с детства известной картине М.Авилова «Поединок Пересвета с Челубеем» всё верно, кроме одного — Пересвет не был в доспехах, на нем была только монашеская грубо тканая рубаха. Еще недавно Пересвет был в числе знатных брянских людей, был знаменитым воином. Легенда говорит, что он полюбил княжну и получил отказ. Дав зарок остаться одиноким, он пришел в Троице-Сергиев посад к игумену Сергию Радонежскому и принял постриг. Перед походом Сергей благословил его и предсказал победу.

И вот — пришла минута. Они поскакали навстречу. Пересвет и Челубей...

Идешь по полю, по тропинке среди пшеницы и ячменя, видишь, как пылит быстрый колесный трактор, думаешь, почему не оставлено поле в том виде, когда на нем росла горькая серебристая полынь и блестящий ковыль? Уж не обеднем мы, если десять гектаров хотя бы того места, где был поединок, где погиб Пересвет, убивший Челубея, где началась битва, останется незасаженным.

...Смят Передовой полк, ранен Дмитрий. Вошел в битву Большой полк. Подрублен княжеский стяг, Мамай вводит все новые тысячи в бой. С дикими, звериными криками, разжигая себя, несутся татарские конники.

«Час настал. Дерзайте!» — скомандовал князь Боброк. И застоявшиеся, дрожащие от ожидания кони вынесли ратников. Ударили, оттеснили от Дона ордынцев и, заворотив туда, откуда они пришли, погнались. Увидел это Мамай. Вскочил на арабского скакуна, кликнул охрану и поскакал. Мог бы Мамай, как Дмитрий, встать простым воином в свои передовые полки? Кто знает? Не встал. Могли бы русские князья бросить поле битвы и бежать, как убежал Мамай? Не побежали!

В маленьком музее в левом притворе храма-памятника экскурсовод К.М. Алексеева говорит: «После удара Засадного полка произошел перелом в битве, появление свежих русских сил поразило врагов. И они, как говорит летопись, «розно бегоша неготовыми дорогами».

Два солдата, два молодых парня, рассматривают доспехи, тихонько толкают друг друга — хочется примерить. Откуда эти парни? Вот и в них от этого часа будет отзвук Куликовской битвы. Он, слабее или сильнее, в каждом из нас...

Солнце стоит, как и стояло тогда, над огромным полем, освещает его бескрайность. Ускакал в погоню Засадный полк, а оставшиеся впервые увидели весь ужас и кровь — цену победы. Павшие тела грудились, «как сенные стога», говорит летопись. Кровь, сливаясь в ручьи, густая, стекала в низину Непрядвы и Дона.

Дмитрия нашли под деревом. Думали, мертвый, и, кинувшись на колени, слушали сердце. Не слышали. Тогда, торопясь, разрезали ремни, сняли доспехи и увидели — вздохнула грудь под белой нательной рубахой.

К вечеру вернулась погоня. Владимир Серпуховской и Дмитрий объехали поле. «Непрестанно плача», то и дело сходили они с коней, прощаясь с братьями. Тело Пересвета укрыли знаменем. Первые горестные распоряжения отдавал Дмитрий: собрать и лечить раненых, считать погибших, утром хоронить их, делать часовню на месте захоронения. Не дожидаясь утра, поскакали в Москву гонцы. Победа!..

Приходит ночь на поле, приходит луна на смену солнцу, и снова светло, будто природа силится помочь представить, как было в ту первую ночь, как разжигали костры, как стонали раненые.

Печально и одиноко в лунную ночь на поле. Холодно. Костерок прозрачен при луне, скоро прогорает. Ищешь сухие ветки, шаришь руками в мокрой траве, отходишь всё дальше от тепла, от света. Пламя все меньше, кажется, чьи-то тени подходят к огню...

Наутро иней. Воины уже не делятся на дружины по княжествам, а превращаются в мужиков, землекопов и плотников. Зеленая дубрава, укрывавшая Засадный полк, теперь служит горестную службу — отдает деревья на часовню, кресты на надгробия. Походные повозки превращаются в погребальные дроги. Из потревоженных тел снова струится кровь. Все летописи повторяют страшную фразу: «Дон-река три дня кровью текла». Уходила кровь к Черному морю, шла, как грозное напоминание хищным кочевым племенам о том, чтоб заклились нападать на Русь.

...Восемь дней хоронили братьев, «восемь дней стояли на костях». Так же начинались холодные дожди, так же мочили они часовню, которая, простояв несколько веков, разрушилась. Потом был поставлен вот этот храм, каменный, и он успел состариться, и дождь беспрепятственно летит сквозь его ржавый купол. Бездомное семечко березы приютилось и проросло, но не место здесь деревьям — зачахнет. А сколько надписей, сколько царапин на кирпичах — «Ижевск», «Липецк», «Елец», «Магнитогорск», «Новосибирск»... К 600-летней годовщине битвы этот храм отреставрирован.

...Вслед за машиной перешел маленький Дон по мосту. Отошел в сторонку и сел. И то ли задумался, не заметил, то ли он так тихо подошел — оказался вдруг рядом старик. Я спросил его:

— Здесь была переправа?

— В какую войну? В эту? А-а, когда татары? Не совсем здесь, но доска была здесь, я устанавливал. А теперь нету — пропала куда-то. А вы по какому делу сюда?

— Пройду через бывшую переправу, потом в гору, в Монастырщину, туда, где убитых похоронили...

— Ты знаешь чего, парень, — серьезно сказал старик, — чего-то я не помню, чтоб в Монастырщине могила была.

— Она там. В книгах записано, что хоронили у устья Непрядвы, там стояла часовня, потом эта церковь (нам виден был купол храма в Монастырщине), но где именно — мы не знаем. Триста тысяч похоронено.

Рассказал старику, что тело Пересвета было привезено в Москву и отдано земле в ограде Старо-Симонова монастыря. И была памятная доска. Но получилось, что забыли место захоронения, застроили доску и только при Екатерине, через четыре века, ремонтировали церковь и обнаружили надпись. Сказал и о том, что к 600-летию был открыт доступ к могиле Пересвета...

Пешеходный мостик напротив Монастырщины снесло, и я разулся и ступил в быстрое течение. Вода была холодной, чистой, только сверху много несло утиных перьев. Конечно, тогда Дон был поглубже, по грудь, по горло, не меньше. А обсушиться было негде, нельзя было разводить костры.

После ледяной воды горели ноги. Я побежал, но увидел ромашки и стал собирать. Когда пришел наверх, к храму, то куда их было положить? Где я стоял? Может, на могиле и стоял? Положил ромашки на упавшую черную березу...

Но когда вернулся на Красный холм, к памятнику Дмитрию, пожалел, что оставил букет, надо было принести сюда. Низкое солнце золотило надпись: «Князю Дмитрию Иоанновичу Донскому признательное потомство. Лета 1848-го...»

Сквозь заднее запыленное стекло местного автобуса еще долго виднелись памятник и голубые главки храма Сергия Радонежского.

Когда вернулся домой, хотелось рассказать о поле, но как-то не получалось. Хотелось сказать главное, важное, но главным было всё.

— Ты по порядку. Какое оно?

— Огромное. Очень много земли. Небо огромное. Ветер.

— Больше Бородинского?

— Во много раз. Как же! Смотри, историки пишут! «Куликовская битва — крупнейшая битва средневековья». — Но как-то не выходило рассказать. — Надо самому ехать, — виновато сказал я...

С Куликовской битвой связана церковь на Кулишках. Она стоит прямо у выхода станции метро «Площадь Ногина». Церковь называется Всех Святых, поставлена в память тех, кто навек остался на поле битвы.

Но ни на церкви Всех Святых, ни на Николо-Угрешском монастыре, тоже поставленном в честь битвы, нет памятных досок, и узнал я об их причастности к битве из книг. Книги эти малодоступны, хотя бы потому, что почти не переиздаются, надо идти в специальную библиотеку.

Книги историков — Карамзина, Щербатова, Татищева, Соловьева, Ключевского, Лихачева, Рыбакова и других, писавших о Куликовской битве, — были почти всё время заняты, и приходилось ждать.

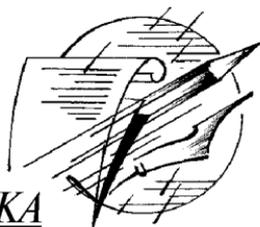
Не знавшая рабства, хотя и разбитая на княжества Русь задолго до Куликовской битвы была величайшим государством Европы. За великую честь считалось породниться с ней.

...Андрею Рублеву в год битвы — двадцать лет. С какой силой надо было мучиться за страну, как любить ее, как знать, чтобы написать этих ангелов, умолить небеса отпустить их на землю, в каких землях есть такой шедевр, как Троица? А наши великие храмы? К моменту битвы воздвигнуты киевские, суздальские, владимирские, костромские, новгородские, вологодские, белозерские, а еще нынешнее туристическое золотое кольцо вокруг Москвы... Всё уже стояло на Русской земле.

ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА КАК СРЕДСТВА ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

За двадцать лет нашего кризиса мы постепенно начали подбираться к пониманию его генезиса. При этом определились два взаимосвязанных, но и автономных «среза» рассмотрения. В одной плоскости — предпосылки к этому кризису: накапливающиеся и не устранимые дефекты главных подсистем советского строя, снижение его способности быстро и адекватно реагировать на изменения как в самой системе, так и во внешней среде. В другой плоскости — целенаправленные действия враждебных России (в облике СССР) сил как внутри системы, так и во внешней среде.

Конечно, разделение этих срезов возможно лишь в целях анализа, поскольку действия враждебных сил были нацелены именно на дефекты системы. **Крах СССР был следствием кооперативного воздействия обеих совокупностей факторов.** По отдельности ни внутренние слабости системы, ни холодная внешняя и холодная гражданская война не достигли бы своей цели. Какой фактор важнее — вопрос бессмысленный, когда имеет место *кооперативное* воздействие.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

И «теория заговора», и объяснение краха «объективными причинами» — это или тупость догматиков разных школ, или, скорее, способ отвести нас от понимания катастрофы, лишить нас необходимого сегодня знания.

Пока что отводить нас от знания удается довольно успешно, страсти еще не остыли, хладнокровно рассуждать люди не могут. Помогает к тому же инерция истмата — ссылка на «объективные причины» выглядит солидной, интеллигенции зазорно верить в «заговоры», тут могут еще и антисемитизм припасть, веру в жидомасонов.

Мы этой опасностью пренебрежем и вернемся к теме, которую уже поднимали в паре статей — **о технологии воздействия на слабые точки противника, которую называют созданием «контролируемого хаоса».**

Эта технология — продукт высокой науки, вырабатывалась она в самых престижных лабораториях США, при участии и под научным руководством Нобелевских лауреатов. Это в основном специалисты из новых областей физики, предмет которых — неравновесные процессы, фазовые переходы, хаос и самоорганизация. Помогали им междисциплинарные бригады психологов, культурологов, историков и пр. — тех, кто изучает слабые точки в обществе и в сознании человека.

Насколько можно было понять по откликам, отношение к этой теме, в общем, скептическое — читателям хочется узнать «объективные причины», а им о каком-то хаосе, да еще «контролируемом». Сапоги всмятку! Но мы, не отвергая «объективных причин», все же продолжим разговор в нашей плоскости.

Доктрина «контролируемого хаоса» позволяет построить плодотворную модель, в которую укладываются многие странные процессы, наблюдаемые сегодня в мире. Эта модель упорядочивает мозаику фактов, что для первого приближения всегда полезно. Даже если способ упорядочить факты неверен, модель позволяет ставить вопросы и рационально менять подход, а не тыкаться в беспорядке. Например, в свете этой доктрины более наглядными и понятными становятся те угрозы, которые несет для России вступление в ВТО.

Наша интеллигенция, даже патриотическая, апатично встречала предупреждения, что **подчинение нынешней кризисной системы России нормам ВТО полностью разрушит ряд жизненно важных хозяйственных и социальных структур.** Все читали вывеску «Всемирная торговая организация» и думали, что вступление в ВТО касается только торговцев, а нам их не жалко.

Но эта вывеска — маскировка, вроде названия «Либерально-демократическая партия» Жириновского. Нормы ВТО служат для того, чтобы транснациональные корпорации (ТНК) и кучка стран, которые реально хозяйничают в организации, могли без помех создавать хаос во всем остальном мире и контролировать его. Поскольку Россия как страна и как основная часть населения попадает именно в этот «остальной мир», **вступление в ВТО угрожает интересам 99 жителей России из 100**. Так что надо бы задуматься — даже тем, кого сегодня обещают принять в «средний класс».

Современный мир втягивается в глобальную перестройку. На Западе было решено демонтировать систему «мягкого» капитализма и взять за доктрину глобализации жесткий вариант установления контроля за ресурсами. Это означает **снижение уровня потребления большей части населения Земли**, включая и значительную долю «среднего класса» стран «среднего уровня» и даже «развитых».

Тенденции таких изменений интенсивно изучались в 70—80-е годы XX века, однако то, что мы принимали за футурологические разработки, следовало бы считать частью *проектирования будущего*. За последние 20 лет выявленные тогда тенденции стали доминирующими и до настоящего времени они укрепляются.

Жак Аттали в своей книге «Краткая история будущего» (2006) пишет, что рынок сформирует *гиперимперию*, создающую огромные состояния и ужасающую нищету. *«Природа там будет варварски эксплуатироваться; все будет частным, включая армию, полицию и правосудие. Затем обезоруженный, бесполезный для своих собственных созданий человек исчезнет... Человек превратится в каннибала, поедающего каннибальские предметы»*.

Эти апокалиптические картины будущего выполняют идеологическую функцию и не должны пониматься буквально. Но они отражают намерения влиятельных кругов мировой элиты и поэтому заслуживают внимания. Россия слишком открылась Западу, и свои катастрофы он будет сбрасывать прежде всего именно к нам. Другие большие «буферные емкости» (Китай и Индия) более благоразумны, они успели загодя более или менее надежно «закрыться».

Есть признаки, что в обозримом будущем усилится холодная мировая *экономическая война*, в которой и применяются средства создания *управляемого хаоса* в национальных экономических и социальной сфере.

На Западе исчезнет гражданское общество, а способность больших масс населения к самоорганизации парализуется пол-

ностью. Будет вестись перестройка массового сознания и мировоззрения посредством воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека с применением новых технологий. Произойдет ослабление или разрушение национальных государств с перехватом их легитимности и компетенции ТНК и наднациональными органами.

В этой ситуации резко снизится устойчивость тех хозяйственных систем, которые не имеют (или утратили) потенциал НИОКР и производства ключевых товаров и ресурсов, обладающих особой «внеэкономической» ценностью. В современном мире такую ценность приобрели *лекарства* и *продовольствие*. Они необходимы для удовлетворения жизненно важных потребностей практически всех людей. Доступ к этим благам является и чрезвычайно острой духовной проблемой, поскольку при их недоступности человек испытывает мучения от вида страданий своих близких, за которых он несет ответственность (женщин, детей и стариков). Кроме того, в категорию фармацевтических препаратов входят средства воздействия на сознание больших масс людей (в широком смысле слова, *психотропные средства*), и, соответственно, *средства защиты* от такого воздействия.

Лекарства и продовольствие стали не только коммерчески важными продуктами, но и средствами политического шантажа, международных репрессий, ведения настоящих войн и в конце концов могут стать средствами массового геноцида. Ввиду того, что производство в обеих отраслях стало сильно зависеть от доступа к сложному знанию и носителям информации, небольшое число ТНК при поддержке государств Запада получили возможность поставить это производство в обширных частях мира под свой контроль и, таким образом, приобрести теньевую власть над большей частью населения Земли. Эта власть все менее подвергается правовым ограничениям.

Поэтому *фармацевтическая промышленность* и *семеноводство* стали двумя наукоемкими стратегическими отраслями производства, которые в России абсолютно необходимо возвращать в дееспособное состояние. Это позволило бы хоть смягчить удар назревающего кризиса. Предотвратить его уже не успеем — слишком долго дали похозяйничать реформаторам, да и сейчас руки коротки накинуть на них смирительную рубашку.

Эти отрасли тесно связаны с современной научной базой — молекулярной биологией и биотехнологией.

Фармацевтика. Монопольное положение немногих ТНК и стовор между ними позволяет получать сверхприбыли на

рынке лекарств, что побуждает всеми доступными средствами укреплять эту монополию и удушать по всему миру структуры независимого производства. Если в 1983 году 20 крупнейших фармацевтических компаний контролировали лишь 5% мирового рынка, то к 2003 г. 10 крупнейших компаний контролировали уже 40% рынка, и процесс концентрации контроля рынка идет с ускорением. Под этот контроль ставят и Россию, фармацевтическая промышленность которой подверглась в 90-е годы целенаправленному разрушению. Тут даже Черномырдин постеснялся бы сказать, что «хотели как лучше». Все прозрачно. Закупленные в последние советские годы новенькие фармацевтические заводы и линии они не позволили ввести в действие, ссылаясь на новые стандарты, которым Россия и не обязана была подчиняться. Но это хоть была явная диверсия, они шли на риск, а членство в ВТО делает действия диверсантов законными.

Лишение людей доступа к лекарствам создает обширные зоны хаоса — и в сознании, и в социальных структурах. В этом направлении действуют нормы ВТО и соглашения об охране интеллектуальной собственности. Под внешним давлением национальные правительства вынуждены принимать меры, наносящие большой ущерб населению и экономике своих стран. Так, в 1993 году администрация Клинтона под угрозой экономических санкций вынудила правительство вымирающей от СПИДа ЮАР отменить разрешение на импорт дешевых индийских лекарств, позволяющих остановить развитие этой болезни и предотвратить передачу вируса от больной матери плоду.

С 1993 года в ВТО действует конвенция о коммерческой интеллектуальной собственности (TRIPS). Особенно жестко используют эту конвенцию фармацевтические компании. В большинстве стран мира раньше нельзя было запатентовать лекарство, патентовался *способ* его изготовления. Во многих странах возникли крупные фармацевтические фирмы, специализирующиеся на разработке альтернативных путей синтеза и выпуске дешевых аналогов. Так, Индия до 1970 года закупала практически все лекарства, сегодня она на 70% обеспечена отечественными медикаментами. В 1970 г. в Индии был принят закон, запрещающий патентовать продукт, так что лицензированию подвергался только производственный процесс (с помощью своих разработок его можно было изменить). Впоследствии под давлением ВТО этот закон отменили.

Сейчас в Индии действует 250 крупных и 16 000 мелких фармацевтических компаний. Кроме насыщения большого

внутреннего рынка Индия производит много лекарств на экспорт (70% дешевых лекарств на мировом рынке — индийского производства). Россия тоже импортирует значительное количество лекарств из Индии.

Теперь западные корпорации через свои правительства заставляют страны-участницы ВТО патентовать *вещества*. Это может положить конец мощной национальной фармацевтической промышленности Индии, Бразилии, Аргентины, Вьетнама. Спротивление идет с переменным успехом. Так, индийская компания CIPLA объявила, что, несмотря на угрозы ВТО и ТНК, она будет продолжать экспорт дешевых медикаментов в развивающиеся страны, в частности, продажу в Африку медикаментов для годового курса лечения больных СПИДом всего за 200 долларов. Широко обсуждается решение бразильского правительства, которое принудило две крупнейшие фармацевтические ТНК (Merck и Roche) к компромиссу, заявив, что в противном случае оно организует в стране производство равноценных медицинских препаратов, которые будет продавать по низкой цене.

Однако в целом тенденция неблагоприятна, и под давлением ВТО импортировать лекарства России придется с Запада. Даже если Индия в нарушение норм ВТО будет продолжать выпускать лекарства на внутренний рынок, Россия купить их не сможет. Не сможет она импортировать из Индии и западные лекарства, которые из-за конкуренции с индийскими продаются в Индии значительно дешевле, чем в других странах, — страна может импортировать продукт только с разрешения держателя патента.

Странам позволено в ряде случаев выдавать лицензии на производство лекарств без разрешения владельца патента. Но система принудительного лицензирования предусматривает производство только для внутреннего потребления.

Конкурировать с Западом в создании оригинальных лекарств Россия сейчас не может и даже в лучшем случае долго еще не сможет. В среднем на создание одного лекарства сегодня уходит 200 миллионов долларов и несколько лет работы огромного коллектива специалистов высочайшего уровня в десятках направлений. И это в уже устоявшейся, налаженной системе. Собрать этих специалистов в одном месте и обеспечить всем необходимым для быстрой и эффективной работы будет стоить уже под миллиард долларов. Начать самостоятельную разработку оригинальных лекарств не под силу не только нынешней России, но и таким экономическим гигантам, как Индия или Китай. Никто не станет инвестировать в рискованное дело такие деньги.

Но для восстановления отечественного производства большинства лекарств и освоения производства ряда современных препаратов ресурсов в России вполне достаточно, если оттянуть заключение соглашения по TRIPS. Турция, отменив патентование веществ, получила значительный приток инвестиций в свою фармакологическую промышленность. Разработка аналогов ей вполне по силам, и инвесторы охотно вкладывают деньги, создавая высокотехнологические рабочие места для турецких специалистов. Даже если эти лекарства не пойдут на экспорт, внутреннего рынка вполне достаточно, чтобы окупить затраты. В России есть еще существенные ресурсы для исследований и производства в области биотехнологии, их надо только «оживить» и организовать.

Современная массовая медицина требует совмещения методов дешевой экспресс-диагностики с производством широкого спектра антибиотиков, вакцин, генно-инженерных лекарств. В частности, необходимы эффективные средства защиты и лечения человека от опасных и особо опасных заболеваний, включая вирусные и бактериальные инфекции, онкозаболевания, поражения сердечно-сосудистой системы и др. Без современной биотехнологии все эти средства в массовом масштабе недоступны.

Генно-инженерные препараты уже занимают свыше 10% мирового фармацевтического рынка, и ожидается увеличение их доли до 25%. По оценкам, до 30% новых лекарственных препаратов в ближайшие годы в мире будет создаваться на основе моноклональных антител. Ежегодный прирост рынка биотехнологической промышленности в мире составляет около 7—8%.

На фоне быстрого роста заболеваемости диабетом обеспечение больных качественным и недорогим инсулином — одна из приоритетных задач здравоохранения в каждом цивилизованном государстве. Возможности отечественной системы НИОКР и производства подтверждены тем, что с небольшими средствами, на площадях Института биоорганической химии РАН налажено промышленное производство генно-инженерного человеческого инсулина на базе собственной разработки. Этот продукт уже обеспечивает 15% потребности московского региона.

В России существует значительный неудовлетворенный спрос на продукцию биотехнологии. Так, степень удовлетворения потребностей рынка в фармацевтической биотехнологии составляет около 50%. В 1990 г. СССР располагал второй по мощи биоиндустрией в мире, уступая только США. После 1991 г. созданная в СССР научная и опытная база под-

держивалась «на холостом ходу», ее возможности были использованы в очень малой степени. Имеющиеся в России «дремлющие» ресурсы еще могут быть оживлены при сравнительно небольших капиталовложениях. Это под силу сделать, однако, лишь отечественным производителям с участием государства. Пойдут ли они на это?

Семеноводство. Проблема семеноводства имеет глобальное измерение. Если доступ к лекарствам критически важен для *больных* (в пределах 10% населения), то доступ к продовольствию — для всех людей без исключения.

Уровень сельскохозяйственного производства до недавнего времени определялся наличием земельных угодий, климатическими условиями (температура, поступление солнечной энергии и воды), наличием рабочей силы, техники и удобрений.

Развитие биотехнологии добавило к этому еще один критический фактор — наличие *семян* современных высокопродуктивных сортов культурных растений. Это высокоурожайные сорта, устойчивые к вредителям и неблагоприятным условиям. Они выводятся из имеющихся сортов посредством гибридизации, в качестве исходного материала служат семена, хранящиеся в «банках генов» (или «банках зародышей»). Это большие коллекции семян, хранящихся при низкой температуре и периодически пересеваемых.

Большие успехи в селекции современными методами после 60-х годов XX века имели своим побочным последствием быстрое сокращение генетического разнообразия культивируемых сортов растений. В начале XX века в Азии выращивали более 100 000 сортов риса (в Индии не менее 30 000). Сегодня 75% урожая риса в Индии получают из семян лишь десяти сортов. На Шри-Ланке из 2000 разновидностей риса осталось лишь пять. За полвека в США исчезло 97% разновидностей овощей. В целом, по данным ФАО, **за сто лет утрачено 75% генетического разнообразия культивируемых в мире растений.** В этих условиях **всё мировое сельскохозяйственное производство попадает под контроль тех, кто владеет «банками генов».** Причина в том, что высокопродуктивные сорта быстро вырождаются, и для их поддержания требуются регулярные «инъекции» генов из старых и диких разновидностей, семена которых и хранятся в «банках». Например, в Италии 70% производства твердой пшеницы зависит от поставок материала для семеноводства из Международного центра селекции кукурузы и пшеницы (Мехико), а производство семян пшеницы в США требует постоянных инъекций генов из сортов, выведенных в «третьем мире» (стоимость этого материала оценивается в 500 млн. долл. ежегодно).

С 50-х годов США начали создавать свои коллекции, учредив Национальную лабораторию хранения семян, которая стала одним из крупнейших «банков генов» в мире. В 60-е годы появились такие «банки» и в других странах.

В 90-е годы генетический материал, необходимый для современного семеноводства, сконцентрирован в небольшом числе банков, контролируемых Западом. **Половина семян, собранных в странах «третьего мира», находятся в США и Западной Европе (27% в США).**

На Западе хранятся и коллекции, содержащие 86% учтенных микроорганизмов. Это — *стратегическое достояние*, которое США на конференции ООН в Рио-де-Жанейро отказались включить в Конвенцию о разнообразии биологических систем, которая открывает доступ к этим коллекциям.

Как известно, до краха СССР Запад не мог установить свою монополию в контроле над генетическим материалом растений. Это не допускалось вследствие самого устройства «двухполюсного» мира — каждая система добивалась гарантированной независимости от другой системы в доступе к критическим жизненно важным ресурсам.

В 1925 году в Ленинграде был создан Всесоюзный институт растениеводства (ВИР), а при нем первый «банк генов», коллекция семян для которого собиралась с 1922 года. Сотрудники ВИР совершили 110 экспедиций по всему миру, привезя с собой образцы 330 тыс. растений. Большинство современных сортов культурных растений в России получено с участием образцов из коллекции ВИР. Материал из своих коллекций ВИР предоставлял селекционерам **из всех стран.**

Начиная с 90-х годов коллекции ВИР находятся под угрозой ликвидации. Эта история очень поучительна. Для длительного хранения семян мировой коллекции ВИР в 1976 г. на Кубани было построено хранилище. В нем находится 230 тыс. образцов семян сельскохозяйственных культур, в том числе 35 тыс. сортов пшеницы, 16 тыс. — кукурузы, 14 тыс. — ячменя, 6 тыс. — сорго. Сейчас Кубанский генетический банк семян влачит жалкое существование. Научные исследования не финансируются, выделяются деньги только на заработную плату и электроэнергию (по линии ЮНЕСКО финская фирма оказала спонсорскую помощь в замене холодильного и сушильного оборудования). На деле идет некая ликвидация структуры, не допускавшей полной монополии Запада в контроле над стратегическим ресурсом человечества.

Положение резко ухудшилось после того, как в 80-е годы ТНК, которые специализировались в фармацевтической

промышленности и родственной ей промышленности инсектицидов начали скупать семеноводческие хозяйства по всему миру. К середине 90-х годов они контролировали более 50% мирового рынка семян, 7 таких компаний занимали к тому же 60% рынка пестицидов. Возникла тройственная отрасль, имевшая мощную научную базу в биотехнологии. Благодаря лоббированию этой отрасли сорта растений стали объектами патентования.

До этого биологические изобретения рассматривались в качестве «природных продуктов» и поэтому, в отличие от технических изобретений, не попадали под правовую защиту. Патентование в сельском хозяйстве распространялось только на технические и химические изобретения.

В 1985 г. в США стало возможно патентование самих растений, семян, отдельных частей растений, генов и культур тканей. С 1987 г. начался рост числа выдаваемых патентов на новые сорта, а с 1995 г. этот рост стал экспоненциальным.

Некоторые патенты были выданы на определенные гены или характеристики, и поэтому они могут относиться к нескольким видам или сортам культур. Новые сорта, защищенные патентом на изобретение, не могут использоваться в селекционных программах без лицензии. В числе 5103 патентов, выданных в 1973—2001 гг., 55% принадлежат крупным корпорациям, 19% — университетам, 18% — независимым биотехнологическим фирмам.

Как показали расчеты экономистов, патентование оказало небольшой эффект на доходы фирм и на инвестиционный процесс. **Главный смысл этой акции заключался в установлении ограничений на ведение самостоятельной селекционной работы и производства семян фермерами.**

В 1994 г. были приняты поправки, запрещающие фермерам продажу семенного материала без наличия лицензии от владельца прав на культурные сорта, хотя за ними еще оставалось право на их использование.

Дальнейшим шагом стали работы по выведению сортов растений, в которые встроен «ген-терминатор», блокирующий прорастание семян второго поколения. Это вынуждает фермеров каждый год покупать семена у фирмы-производителя. Пока что гены-терминаторы официально применяются якобы для того, чтобы предотвратить передачу трансгенов диким родственникам генетически модифицированных культур с пылью и потерявшимися семенами.

Но уже есть примеры трансгенных кассет, несущих смертельный ген, который выключается только с помощью обработки специальным химическим средством. Иными слова-

ми, трансгенное растение может жить и плодоносить только в том случае, если у семеноводческой фирмы будет закуплено средство, выключающее «ген-терминатор» (если, конечно, на его поставку в данную страну не будет наложено эмбарго). Это уже ген-терминатор «второго поколения».

Таким образом невозможность воспроизводства семян высокопродуктивных сортов самими крестьянами, кооперативами и фермерами, а также невозможность ведения селекции из-за недоступности коллекций генов делают контроль небольшого числа ТНК почти непреодолимым.

Сто лет назад крестьяне и фермеры всего мира сами обеспечивали себя семенами. Сегодня большая часть семян производится, патентуется и продается небольшим числом ТНК. Одновременно с удручением единственного в мире альтернативного западным коллекциям российского «банка семян» идет быстрое наращивание мощности западных «банков».

«Семенной банк тысячелетия» (Millennium Seed Bank), действующий в Великобритании недалеко от Лондона, планировал к 2010 г. охватить своей коллекцией 10% видов земной флоры из 126 стран мира, а к 2020 году — четверть всех видов. На Шпицбергене подземное хранилище строит Норвегия, страховая коллекция семян будет принадлежать «Глобальному фонду семенного многообразия». Как заявил его директор, *«это будет самый надежный в мире банк генов. Семена из него будут использоваться только в том случае, если по каким-то причинам безвозвратно утеряны все другие образцы»*. Другими словами, он **не будет** предоставлять материал, который можно купить у других «банков».

В этих условиях для российского государства (гипотетически и для российского крупного капитала) есть возможность сделать инвестиции в превращение отечественного «банка семян» в стратегический ресурс человечества, который стабилизирует и оздоровит обстановку. Для этого в России есть созданная почти за целый век уникальная по своим качествам и по масштабу коллекция, основная инфраструктура и кадры мирового уровня. Проект по укреплению этого потенциала будет поддержан многими заинтересованными странами и может стать вполне рентабельным.

Кроме того, под крышей этого проекта соберутся многие научные и технические ценности, которым будут созданы возможности пережить критический период. Это был бы проект большого национального и международного значения.

Хаос и информационные технологии. Одна из функций навязываемых миру норм интеллектуальной собственности в сфере информационных технологий — поставить под конт-

роль процесс *хаотизации сознания*, который происходит под воздействием быстрых изменений условий жизни.

Известно, что одной из массовых реакций на кризис в России стала *игрализация* реальности, внедрение принципов игры в прагматические жизненные стратегии, что позволяет людям как-то адаптироваться к хаосу «переходного периода».

Люди непрерывно конструируют и поддерживают виртуальную реальность неравновесного типа. При этом общественная жизнь в целом все более приобретает *хаотическое* содержание, размывается само представление о добре и зле. Происходит стирание различий между объективной реальностью и ее восприятием, нарушение целостного мира смыслов, размывание идентичностей.

В этом направлении развивается и российское общество. Это — социологический факт.

Он сопровождается переходом к более низким, примитивным социальным действиям, деструктивности сознания и поведения. Проявлением этого служат раннее употребление алкоголя, табака и наркотиков, тяга к социальным действиям, связанным с повышенными рисками и мистикой, невиданный ранее индивидуализм, нравственная всеядность, рост молодежной преступности.

В этих условиях одним из важных носителей определенных мировоззренческих и нравственных установок стали *компьютерные игры*.

В сферу их влияния уже втянута большая доля населения России. По данным исследования компании Gameland, аудитория компьютерных игр составляет 25% от жителей городов с населением свыше 100 тыс. человек в возрасте 14—35 лет; в онлайн-игры играют 21,4% от целевой аудитории компьютерных игр.

В России 70% играющих в онлайн-игры — люди с высшим или незаконченным высшим образованием, 39% — работники наемного труда, 34% — учащиеся и аспиранты. 63% — люди среднего достатка (доход от 7 до 50 тыс. руб.). 93,5% из них мужчины, средний возраст 22,5 года. Речь идет о самой активной и дееспособной социальной группе.

Сейчас контент практически всех игр задается фирмами-производителями США. **В этих играх «упакованы» жесткие ценностные установки.** Использование этого продукта вызывает у российской (шире, «незападной») аудитории некоторый душевный разлад, но рынок не дает им альтернативного продукта: он жестко контролируется. Это положение могло бы быть быстро исправлено, при этом созданный на новых культурных основаниях контент для компьютерных игр стал бы вполне конкурентоспособным на массовом рынке.

В России есть квалифицированные программисты, писатели и художники, готовые разрабатывать и производить «оболочку» игр, однако пока что фирмы-производители используют содержание, имитирующее шаблоны американских фирм. Инвестиции в организацию творческого коллектива из российских гуманитариев, режиссеров и художников позволили бы совершить прорыв на потенциально очень важный рынок.

Вывод из всего этого простой. Мы не можем пресечь происходящие в мире массивные враждебные нам процессы, в которых используется создание в нашем обществе зон «контролируемого хаоса». Но мы можем *изучить* эту технологию, найти методы обнаружения наших слабых точек, на которые будет направлено ее воздействие, и укрепить на этих участках нашу национальную оборону.

Те средства, которые для этого необходимы, уже находятся в пределах наших возможностей. Все это в принципе достижимо. Для их реализации нужно знание, умение и организация. И — воля.

СТЯЖАТЕЛИ

РОМАН

Никто в Княжске не заметил, когда первое сентябрьское похолодание перетекло в спелую осень, разукрасившую городской парк. Но с приходом осени жизнь не замерла. Через парк по-прежнему спешили горожане, гуляли молодые мамы, облюбовавшие со своими чадами песочницу, дважды в день кружились на поляне собачники, укрытые бузиной и сиренью; молодежь частенько собиралась у вагончика, где располагался тир, но стреляли парни редко, а более пили пиво. По утрам в парке нарезал круги любитель бега трусцой по прозвищу Робинзон. Старику было под восемьдесят, но он до снега бегал в майке и шортах, да так резво, что седая борода сбивалась на сторону, а лохматые волосы, перехваченные выцветшей ленточкой, превращались в львиную гриву. Ребенком Робинзон пережил месяцы ленинградской блокады, и за это его уважали и относились как к настоящему фронтовику. Тем более что он всегда вступался за обиженных. Делал это при любой власти, и довольно часто, так как законы постоянно менялись и озадачивали даже тех, кто от лица государства применял их на практике.

Публикуется в сокращении

ПРОЗА

За оградой же парка, как и всегда, текла своя жизнь: ни быстрая, ни медленная. Обычная для Княжска. Этот город замечателен тем, что вся деловая жизнь в нем сосредоточилась на центральной улице. Заканчивалась она у бывшей Заставы, напоминанием о которой служил мемориальный Верстовой столб, а начиналась у подножия холма, где прежде располагался мужской монастырь, в помещениях которого недавно открыли ночной клуб. Улица обтекала холм справа, вливаясь в федеральное шоссе, а линия железной дороги обегала холм слева. Центральная улица долгое время называлась Первомайской, но недавно ей вернули дореволюционное название, и вновь стала она Губернской. На ней располагился колледж, здание которого выделялось фигурной кладкой из потемневшего кирпича; стояла библиотека, занимавшая бывшее уездное училище; неподалеку серело здание администрации с памятником Ленину перед входом, построенное в пятидесятые годы на месте снесенной церкви; чуть далее возвышался величественный Дворец культуры с колоннами, а за ним городской собор, чудом уцелевший, как рассказывали старожилы, когда ретивые люди приготовились к его сносу и уж начали выбрасывать иконы, но в последний момент кто-то высокопоставленный дал команду всё отменить, так как когда-то крестился в нем.

Современный же Княжск сноровисто разбежался вокруг неказистого центра, вобрав в себя слободы и поселки, на месте которых выросли современные микрорайоны с магазинами и школами. Два кольцевых автобусных маршрута соединяли всё это хозяйство, начинаясь и заканчиваясь на привокзальной площади, а три радиальных помогали доставлять горожан из края в край. Правда, ходили слухи, что вскоре два из них закроют, так как автобусы не выдерживали конкуренции с вездесущими маршрутками.

Так что в каждом уголке Княжска текла своя жизнь, отличная от других уголков города. Ребятишки посещали школы; спешил по делам трудовой люд; прибывали и отправлялись электрички до губернской Елани и Москвы; иногда проносились поезда дальнего следования; работала товарная станция; заявлял о себе химическим духом мебельный комбинат; вечерами светились огнями на берегу Княжи два из трех корпусов ткацкой фабрики, когда-то известной на весь Союз; сновали грузовики со щебенкой из карьеров на окраине, а далеко за городом дымил цементный завод. От этого окраинного движения создавалось впечатление, что центр Княжска оживал лишь в утренние и вечерние часы, когда его заполняли многочисленные чиновники. В осталь-

ное время суток горожане либо спали, либо пребывали в сонном состоянии, и поэтому каждое лишнее движение им давалось с великим трудом. Особенно пожилым, не считая, конечно, Робинзона, имевшего редкую фамилию Подвиг.

Но даже в таком сонном городе у главы района Антона Тимофеевича Самохвалова хватало забот. А тут еще, помимо всего прочего, дочь собралась замуж. Дело, конечно, нужное, время подошло, поспела Лада. Летом она окончила университет, собиралась подыскать работу в Москве, тем более что к этому времени ей подарили квартиру, но отец не захотел до поры до времени отпускать дочь, как он говорил, считая себя поэтом, «на вольные хлеба». На семейном совете решили так: Лада выходит замуж, а потом видно будет: то ли продолжит набираться опыта рядом с отцом в администрации, то ли уедет в столицу. В этом и жена поддержала. Ольга Сергеевна так и сказала, когда дочь вернулась из Турции, где провела с будущим мужем Игорем две, по ее словам, сказочные недели:

— Теперь тебе, Ладушка, все пути открыты!

Тот разговор Лада почему-то вспомнила именно сегодня, в пятницу, когда возвращалась из Москвы, где самолично оплатила коммунальные платежи. Сделала это впервые, так как прежде родители держали в стороне от этих забот, а теперь отдали квартиру в полное распоряжение. Попив кофе и повалявшись на диване, Лада ехала счастливой и полноправной обладательницей ключей от собственной квартиры. Спешила на встречу с Игорем, еще накануне договорившись с ним, что сегодня он придет в гости, и они соберутся всей семьей, чтобы обсудить сценарий предстоящей свадьбы.

Выбравшись из московских пробок, она за два часа домчалась на «тойоте» до Княжска, по пути получив по мобильнику задание от матери: купить торт. Вообще-то Лада не любила таскаться по магазинам за продуктами. В такие минуты ей всегда казалось, что она уподобляется пенсионеркам, ползающим от ларька к ларьку и выгадывающим каждую копейку. Поставив машину на стоянку, Лада отправилась в недавно открытый супермаркет «Ягуар». Название супермаркета, конечно, для Княжска громкое, но новый магазин привлекал горожан новизной и необычайно богатым ассортиментом. Но настроение, понятно, было не от похода в современный магазин, а от предстоящей встречи с Игорем.

Лада не шла, а почти порхала от необыкновенно легкого настроения, да и сама выглядела легкой, подвижной, загорелой — южанка, да и только! Волосы, недавно выкрашенные

в черный цвет, искрились на солнце, блеском и цветом задорно контрастировали с красной короткой курткой и пре-красно сочетались с черными бриджами, ставшими неожи-данно модными в эту осень. Из-под челки, как спелые орехи, выглядывали коричневые глаза, а слегка курносый, акку-ратный носик придавал необыкновенную привлекательность ее облику. О таких, как она, говорят: не девчонка, а куколка! О ней с матерью всегда отзывались одинаково, даже иногда издали путали их — так они были похожи фигурой, поход-кой. В отделе, где продавались торты, Лада выбрала суфле. Оплатив, прошла мимо охранника в боковой выход и обра-тила внимание на целующуюся парочку в машине, подумала: «Нашли место?!» Вдруг что-то задержало ее, заставило остановиться. Это же машина Игоря! Лада присмотрелась повнимательнее и действительно увидела Игоря, осыпавше-го поцелуями полненькую блондинку...У Лады сердце зако-лотилось с такой силой, с какой никогда не колотилось. Ей захотелось тотчас подлететь к Игорю, спросить, что это всё значит, но в тот же миг, внутренне оцепенев от происходяще-го, она заразилась необъяснимой мстительностью, которую за собой никогда не замечала.

Как ни тяжело было это сделать, но она, стараясь не при-влекать внимания, осторожно развернулась, поспешила обой-ти супермаркет с противоположной стороны и, прячась за ближайшим зданием, чуть ли не побежала домой. Ее колоти-ло. И почему-то не верилось, что Игорь, с которым они все-го-то две недели назад млели на пляже, мог среди белого дня обжиматься с какой-то облезлой задрыгой?! Ведь в послед-нее время, когда подали заявление в ЗАГС, он все уши про-ружжал, мечтая о скорой свадьбе, обещая, что будет на ру-ках носить, пылинки сдувать!

Когда Лада, раскрасневшаяся и непривычно нервная, вломилаь в квартиру, то мать, взглянув на ее пылающие щеки, замерла, спросила, приглушив голос:

— Почему такая взъерошенная?

— Спешила... Сама же говорила, чтобы не задерживалась.

Лада передала торт, скинула куртку, туфли, нырнула в мягкие домашние тапочки с загнутыми носами — привезла из Турции — и сразу направилась в ванную комнату, где взглянула на себя и, увидев пылающие щеки, расплакалась. Лишь умывшись и приведя себя в порядок, вышла к матери, спросила, назвав ее так, как привыкла с детства, пото-му что училась в той школе, где она работала учительницей. Правда, в устах Лады это обращение всегда звучало немно-го иронично:

— Ну, что, Ольга Сергеевна, приготовилась к встрече зятя?
— Всё вроде бы успела... Отец сегодня должен пораньше вернуться. А Игорек где? Я думала, вы вместе заявитесь. Как съездила-то?

— Твой любимый Игорек на работе еще, хотя обещал не задерживаться... А съездила нормально. Квартплату оплатила, ну и, конечно, за свет, телефон.

— Вот и славненько. — Ольга Сергеевна задумалась, словно не решаясь сказать о чем-то главном. — Я вот всё хотела спросить: может, нам твою квартиру сдавать? Чего ей пустовать? Деньги лишними не будут. Вам же с Игорем пригодятся.

— Ага... Вселишь кого-нибудь, всю мебель перетрут, тараканов наведут — не столько доходов, сколько убытка будет! К тому же, может, мы с Игорем сами в Москву переберемся! Так что не старайся. Квартира моя, и никого в нее не пушу.

— Ну, ладно, ладно — оставим это... — не захотела обострять разговор Ольга Сергеевна, видя, что дочь не в настроении.

Антон Тимофеевич обещал появиться с Игорем, но появился один, сразу заполнив прихожую: плотный, с обозначившимся животиком, как крепкое антоновское яблоко, словно оправдывал свое имя. Узнав, что будущего зятя нет, удивился, чуть ли не укорил жену, словно она была виновата в этом:

— Я-то спешил, думая, что он у нас — давно ведь с работы ушел! Он не звонил, что ли?

— Ты у меня спрашиваешь? У дочери спроси!

Антон Тимофеевич спрашивать не стал, заранее зная, что Лада ничего конкретного не скажет, а если что-то и ляпнет, так обязательно с надрывом, словно под пыткой.

Лада же, хотя и находилась в соседней комнате, прекрасно слышала разговор родителей, особенно слова отца о том, что Игорь давно убежал с работы. «И где же этот изменник пропадал?! — всколыхнулась младшая Самохвалова. — С этой крашеной, что ли, кувыркался, а потом расстаться не мог?!» Эта догадка всколыхнула Ладу, заставила посмотреть на отношения с Игорем со стороны. И, представив наметившуюся встречу, подумала о том, что скажет он, как объяснит опоздание. Даже интересно стало. «Посмотрим, посмотрим, что ты начнешь лепетать, дорогой?!» — усмехнулась Лада. Поэтому и не могла не почувствовать злорадства в душе, когда в прихожей раздался звонок.

Лада открыла дверь, пропустила Игоря. Обычно он всегда выглядел шеголем, а сейчас показался помятым, серым и уставшим. Хотела спастись от его поцелуя, но это до конца

не получилось, когда он обнял ее и поцеловал (хотел в губы, но она увернулась). Но даже и от такого скромного причмока, от его прикосновений, от всего его вида ей сделалось противно до невозможности и, не успев к этому времени придумать план розыгрыша и мести, она все-таки заставила себя улыбнуться. Правда, спросила с подковыркой:

— Где пропал-то? А то теща с тестем ждут любимого зятя, а его нет и нет?!

— В налоговую документы отправлял... — нисколько не смутившись, ловко отговорился Игорь и поспешно отправился мыть руки, а Ладе захотелось в этот момент подойти к нему и вlepить пощечину.

За обедом откупорили бутылку итальянского вина, почаевничали, и родители начали собираться на дачу, почти не поговорив о предстоящей свадьбе молодых, до которой был целый месяц. Собираясь на дачу, старшие по привычке пригласили молодых, хотя и знали, что они редко отправлялись с ними, а если когда и появлялись на даче, то только в те дни, когда там готовили шашлык. Сегодня же ничего похожего не намечалось, поэтому Лада отговорилась:

— Пап, мы в киношку собрались.

— Собрались, значит, собрались — вам виднее.

Поэтому, когда Антон Тимофеевич позвонил по мобильнику и предупредил водителя, что они выходят, Лада с Игорем проводили родителей до двери. Когда же она захлопнулась, Лада презрительно взглянула на Игоря и процедила:

— Убирайся!

Игорь удивленно вскинул голову, машинально поправил очки и посмотрел на Ладy так невинно, что та чуть не рассмеялась, вспомнив сцену у супермаркета, и подумала: «Вот артист!»

— Не понял?! — по-настоящему удивленно, даже наивно посмотрел он на Ладy сквозь очки, и можно было вполне предположить, что удивление его вполне законно: именно такое появляется у человека, действительно не понимающего что, собственно, происходит.

— Память отшибло?! Могу напомнить, как лизался в машине у супермаркета!

— Очевидно, вышло какое-то недоразумение... Я на работе весь день парился, а потом документы в налоговую сдавал! Не веришь?!

— Значит, не сознаёшься?! Тогда тем более — убирайся! Видеть тебя не могу.

— Что такое говоришь-то?! У нас ведь свадьба скоро!

— Это ничего не значит... В общем, всё — катись!

Лада открыла входную дверь, встала чуть в сторонке и, ехидно скривившись, жестом поторопила:

— Более твоей ноги здесь не будет!

Как ни тяжело было Игорю Севрюкову подчиниться Ладе, но сопротивляться — еще тяжелее, к тому же и глупо. Она и прежде иногда бывала своенравной, ироничной — такой, что даже не хотелось с ней говорить. Но через день-другой успокаивалась, становилась такой, какой была всегда: рассудительной, покладистой. И неужели сегодняшний разговор в машине с Аллой мог так повлиять. Ведь ничего особенного и не случилось: ну, поговорили, ну... И какой мужчина откажется подвезти девушку после работы. Так всё и было. Отнес Игорь документы в налоговую инспекцию, находящуюся в соседнем здании с администрацией, поболтал с Аллой, ее подругами, а тут и рабочему дню конец. Алла и попросила тогда подвезти до магазина. Что в этом особенного?! Ничего! Правда, Игорь сейчас думал о том, что лежало на поверхности, но по-настоящему вспоминалось и волновало почему-то то, что затаилось глубоко в душе. Они довольно часто виделись, когда он приходил по делам в налоговую инспекцию из своего «Роспотребнадзора», и их служебные встречи с Немыкиной никак не влияли на личные отношения, хотя однажды зашли уж слишком далеко.

Случилось это в мае, когда Лада уехала в Москву на защиту диплома. Машины у нее тогда не было, квартиры тоже, поэтому по привычке остановилась у родственницы. К тому времени Игорь и Лада встречались несколько месяцев, и уже тогда все завидовали Севрюкову, имея в виду, конечно, его будущего тестя — ставшего зимой главой района. До избрания на пост главы он был директором ООО «Княжсккарьер» и занимался добычей известняка, глины, поставляя строительные материалы на цементный завод и в Москву, которая по-прежнему строилась на удивление другим городам, несмотря на кризис.

Да, Игорю завидовали в Княжске, где всё как на ладони. И родители Севрюкова тоже на виду: мама — стоматолог, папа — хирург. Неспроста и сын окончил медицинский, легко устроился в «Роспотребнадзор». И теперь всё шло к тому, что Игорь станет зятем самого Самохвалова, о котором ходили слухи: о его богатстве, связях — на виду был человек! Все потенциальные невесты пытались навредить Ладе. Ведь неспроста, как только она уезжала из Княжска, по городу начинали виться не лучшие слухи. Особенно они стали опасными в мае. Сразу разнеслось: «Игорь Севрюков ухлестыва-

ет за Немыкиной!» Этому, конечно, можно было верить, можно не верить, но сам-то Игорь знал, что кто-то неспроста пустил такой слух. И почему-то ему сперва казалось, что автором его является сама Алла, пригласившая в памятный майский вечер в гости, когда они изрядно погуляли в ресторане, отмечая день рождения ее подруги.

Из ресторана разъезжались на такси. И так получилось, что Игорь вызвался проводить Аллу. Ехать хотя и недалеко, в Заречье. За мостом через Княжу они отпустили машину и немного прошли пешком. Алла жила в новом микрорайоне с родителями, которые в те майские дни рванули на Средиземное море, и поэтому запросто пригласила Севрюкова на чай. Сперва они пытались смотреть какой-то фильм и тихо переговаривались, устроившись на диване, а потом разогрелись, особенно Аллочка. Они целовались долго и так смачно, что поцелуи не могли закончиться ничем иным, чем закончились... В тот вечер Игорь так и не вспомнил о Ладе, а подумал о ней лишь тогда, когда ранним утром пробирался из микрорайона к мосту.

Скандал разгорелся позже, когда родители Аллы узнали, что их дочь беременна. И если мать более или менее спокойно восприняла это событие, то отец взбеленился по-настоящему. Немыкин возглавлял районный отдел культуры, невероятно дорожил занимаемой должностью, всячески старался угодить районному начальству. Когда же узнал, что Алла забеременела от Игоря и, похоже, намеренно не скрывала этого, то возненавидел дочь:

— Ты хотя бы понимаешь, что натворила? — день и ночь цеплялся Немыкин к Алле, сверкая потевшей в таких случаях лысиной. — О чем думала, шлюха, когда ложилась с Севрюковым?! Ведь он — будущий зять главы района! Ты хоть подумала об этом? Тебе что — мужиков не хватает? Я на задних лапках прыгаю перед начальством, всё просчитываю на несколько ходов вперед, а она раз — и в дамках!

Подобные разговоры время от времени повторялись, и в конце концов жена Немыкина не выдержала и встала на защиту дочери:

— Что ты к ней привязался? Жизнь девочке отравляешь! Ей и без твоего занудства несладко! Отстань от нее!

После таких разговоров ему ничего не оставалось, как замолкнуть и махнуть на всё рукой. Была, правда, мысль поговорить с Игорем, пристыдить его, но не осмелился, так как все в городе видели, что Игорь открыто встречается с дочкой самого Самохвалова, а становится на пути у него, даже из-за дочери, — это всё равно что плевать против ветра.

С тех пор прошло несколько месяцев, но лишь в последнее время Игорь заметил, что Алла опять начала мелькать перед ним, особенно, когда прошел слух, что они с Ладой подали заявление. И с того дня Игорь вдруг по-настоящему понял Аллу, что она нисколько не забыла весеннее приключение, а лишь ждала подходящего случая, чтобы напомнить о нем, видимо, пропитавшись ожиданием мести и поэтому уподобилась капле, которая точит камень. Спohватившись, она отчаянно пыталась обратить на себя внимание, даже, может, расстроить свадьбу. И очень обрадовалась, когда Игорь согласился подвезти после работы и, соблазнившись ее присутствием, непонятно зачем начал прилюдно целоваться, хотя первоначально, у нее да, наверное, и у него и мыслей об этом не было. Но это все-таки произошло, хотя Алла пока не знала о том результате, которого вольно или невольно добилась.

Зато Игорь все прекрасно ощутил. Особенно, когда оказался за дверью квартиры Самохваловых. «А теперь что делать — к Аллочке завалиться?! — подумал Севрюков, выскочив из подъезда. — А что — она только рада будет!» Все-таки он отправился к себе домой, зная, что через час или два Лада обязательно позвонит, начнет выяснять что да как, а он станет юлить, оправдываться. Но Игорю не пришлось ничего этого делать, потому что в этот вечер Лада так и не позвонила.

Она до ночи маялась в квартире, надеясь, что Игорь все-таки вернется. Тогда, издеваясь, она выслушает его объяснения и, наверное, простит. Но чем дольше ждала, тем большая обида застилала душу. Почему-то более всего стало обидно оттого, что именно из-за Игоря потеряла Николая — школьного друга, с которым встречалась с шестого класса, знала его с тогдашних своих тринадцати лет. Они оба были такими наивными, не испорченными, искренне верили в настоящие отношения, хотя их детство пришлось на середину девяностых годов. Только две недели до призыва Николая в армию ее сердце разрывалось от счастья. И никто не знал об этом счастье.

Когда же Николай демобилизовался, то лишь на месяц хватило им тепла и светлых чувств. Потом, когда Лада начала настаивать, чтобы он поступал в институт, Николай вдруг заупрямился, стал уклоняться от встреч, а она сперва не поняла, почему именно. И только когда уж совсем допекла, он честно признался, что его зарплаты не хватит даже на самое дешевое обучение, даже если и мать будет помогать. А сидеть на чьей-то шее — это не для него.

Помнится, Лада тогда обиделась, укорила в лени, посчитав Николая недалеким человеком, и даже пожалела, что

ждала его из армии, строила какие-то планы, а, как оказалось, у него даже не хватило ума, чтобы понять, что без образования в нынешней жизни пропадешь. Но как объяснить это человеку, считающему, что шоферская баранка прокормит лучше любого диплома. Николай продолжал работать на продуктовой базе и разъезжал по городским магазинам. В одном из них и познакомился с разбитной продавщицей Вале́й, неожиданно быстро женился, словно делал это кому-то назло. Когда же Лада узнала об этом, то постаралась выгнать Шишкина из своего сердца, забыть о нем раз и навсегда.

Но Шишкин оказался не таким уж простачком, когда понял, что семейная жизнь не получается. Да и как она могла получиться, если женился впопыхах, можно сказать, назло Ладе, чтобы та впредь не забывалась и не думала, что всегда всё будет только так, как она пожелает. Шишкин хотел своим поступком раскрыть Ладе глаза, чтобы она пострадала, помучилась, но, не зная, произошло ли это с ней, о себе он мог сказать твердо: он в этой ситуации настрадался больше. По крайней мере, ему так казалось.

Разведясь и освободившись от печали минувших дней, Шишкин не растерялся. Разъезжая по Княжску, зная все новости, вовремя подсуетился и вскоре устроился в районную администрацию водителем-охранником главы района, куда его взяли как бывшего морпеха. И новая работа очень радовала. Ему было невероятно приятно, когда он, бывало, проезжал мимо Лады на иномарке и делал вид, что не замечает ее.

Но всё поменялось, когда ее отец перебрался в княжский Белый дом, привел с собой Ладу, устроив ее в отдел экономики, как специалиста-дипломника. А она, хочешь не хочешь, начала встречаться с Николаем в коридорах администрации. Они даже любезно разговаривали, взаимно радуясь, что судьба опять свела вместе. Но, заметив, как Шишкин опять начал мелькать рядом с дочерью, Антон Тимофеевич заменил водителя. А через неделю, немного освоившись, наведя справки о сотрудниках, населявших кабинеты администрации, Антон Тимофеевич как-то за ужином заговорщицки сообщил дочери:

— Такого кавалера тебе откопал — закачаешься! Завтра приходи на разбор полетов, он тоже будет, потому что начальника замещает, я вас и познакомлю!

— Еще чего! — скривилась Лада. — У меня кавалеров хватает!

— Это меня не касается, а с Игорем Севрюковым я тебя всё равно сведу. Парень хоть куда! Родители — врачи, да и сам не дурак, на хлебном месте устроен! — твердо сказал Самохвалов.

Лада не сразу, но все-таки подружилась с Игорем, потому что к этому времени созрела по-настоящему. Да и как было не созреть, когда отец пообещал отдать квартиру, и не где-нибудь, а в Москве, сказав при этом: «Будешь слушаться — всё будет в порядке!» И всё прекрасно шло до сегодняшнего дня, но сегодня всё рухнуло.

Почти неделю ее родители ничего не знали. Открылось это лишь в следующий четверг. Уйдя после обеда с работы, Лада якобы зашла в салон для новобрачных, куда уже не раз заглядывала, чтобы присмотреть подходящее свадебное платье, а сама побродила по улицам и пошла домой.

Она понимала, если не принять срочных мер, пока размолвка висит в воздухе, то сплетен потом будет гораздо больше; но пока не хватало сил рассказать матери, представляя, что тогда начнется, сколько будет воплей, криков, уговоров и слез. Особенно начнет бушевать отец.

Размышлять Лада могла бесконечно, но тревожные мысли об отце заставили собраться с мыслями, настроить себя на решительность. Поэтому, не дожидаясь возвращения отца с работы, она постучала в спальню и заглянула к матери, читавшей какую-то книгу. Присела на кровать. Ольга Сергеевна спросила:

— От заботы сохнешь? Я — тоже! Вот пытаюсь читать, а на ум ничего не идет!

Лада усмехнулась:

— Сейчас повеселеете, Ольга Сергеевна! Хочу тебе сказать, мама, что свадьбы не будет! Я навсегда рассталась с Игорем!

Ольга Сергеевна прихлопнула руками и судорожно вздохнула.

— Не вздыхай и не заламывай рук! Как говорится, что Бог ни делает — всё к лучшему. Чтобы потом не разводиться, надо сейчас не совершить ошибку. Так что позвони родственникам, пока не поздно, скажи, что свадьба отменяется.

— Может, все-таки расскажешь, что случилось?! Есть веские основания?

— Какие еще требуются основания, если он — сама виде-ла — лизался в машине с какой-то гадиной на виду у всего города?! Только дурак будет этим заниматься с первой попавшейся? А муж-дурак мне не нужен! — сделала вывод Лада, и с такой укоризной посмотрела на мать, что та невольно потупилась, словно была в чем-то виновата перед дочерью.

Ольга Сергеевна действительно растерялась и сидела, словно оглушенная, даже отвернулась к окну, чувствуя, как растекаются слезы

— Мам, не вижу повода для слез! Было бы из-за чего расстраиваться.

— Как у тебя всё легко... Ладно, я тебя, может, и пойму, а что скажешь отцу?

— То и скажу: изменника он мне подкатил!

— Скандал ведь будет! Отец просто так не отцепится, жистья не даст!

— А у меня квартира есть, в Москве буду жить... И вообще, хватит, мам, об этом. Надоело. Давай-ка поговорим о чем-нибудь другом! — предложила Лада, но ее предложение осталось без внимания.

Ольга Сергеевна поднялась с кровати, нашла телефонную трубку, набрала номер:

— Антон, не задерживайся, пожалуйста... Есть очень серьезный разговор.

Лада внешне никак не реагировала на ее слова, и, стараясь сохранить независимость, ничего не спросила у матери о том, что сказал ей отец. Лишь поспешно переоделась в джинсы, темно-синий свитер, схватила в охапку куртку и выскочила за дверь.

— Ты куда?! — тревожно спросила Ольга Сергеевна вдогонку, но Лада фыркнула:

— Чтобы не мешать вашему серьезному разговору!

Она выскочила из подъезда, надела куртку, а куда идти и зачем — непонятно. Решила в парке прогуляться, чтобы не мелькать перед домом, тем более что в парке не была давным-давно. Гуляла долго, а когда проходила над резной аркой с надписью «Парк культуры и отдыха», едва увернувшись от пронесшегося мимо Робинзона, потому что была занятая неспокойными мыслями, ее кто-то окликнул. Она сразу не поняла, кто именно, лишь в душе отозвалась на свое имя, а когда подняла глаза, то перед ней застыл Шишкин, словно шел-шел и наткнулся на неодушевленный предмет, который ни обойти, ни объехать, хотя его самого не объехать: высокий, широкоплечий, белобрысый короткий ежик во все стороны топорщится.

— А, это ты... — неохотно отозвалась она, словно видела Николая вчера, все еще занятая своими мыслями. — Привет! Откуда и куда? К жене спешишь?!

— Спешил бы, если была... А вы, девушка, что здесь делаете?!

— В парке гуляла, вспоминала, как когда-то вместе играли в хоккей...

Николай усмехнулся:

— Что, решила напоследок молодость вспомнить?!

— Почему «напоследок» и почему «молодость»? Я и сейчас, по-моему, не старая!

— Потому «напоследок», что, слышал, замуж выходишь.

— Ладно, на свадьбу придешь?

— Легко... Только согласуй с папашей, а то он за что-то невзлюбил меня. Как бы конфуза не вышло! — бодро посоветовал Шишкин, приняв игру, но было заметно, как он часто заморгал, словно услышал что-то обидное.

— Договорились. Как согласую — сообщу! — Она достала мобильник. — Диктуй номер!

— Обо всем подумала?!

— Диктуй-диктуй... — настояла она, а он покорно, как в прежние времена, исполнил ее желание. Не мог не исполнить, хотя и понимал, что ее теперешний каприз — шутка, и не более того. Но почему бы и ему не пошутить?! Поэтому спросил, переборов себя, так, словно давно ждал этого приглашения:

— К какому числу готовить подарок?

— Через две субботы на третью!

— Договорились... Тогда побежал подарок присматривать!

— Не буду препятствовать... — Она рассмеялась, подала Николаю руку, а он тоже усмехнулся:

— Какая-то прохладная ты...

— Зато сердце очень даже горячее, как огонь... Или забыл?! — быстро спросила Лада и внимательно посмотрела Николаю в глаза, и тот не смог выдержать ее настырного взгляда.

— Ладно, побегу.. Был рад увидеть тебя... — вдруг застенчившись чего-то, сказал он и вздохнул.

Они шагнули в разные стороны, Лада оглянулась, надеясь, что и он оглянется, но Шишкин этого не сделал, но это ее не обидело, потому что совершенно неожиданно в ней появилось другое настроение, какого не хватало всю последнюю неделю. И она заторопилась домой, чтобы откровенно поговорить с отцом и окончательно разорвать все то, что связывало с Игорем. И, самое забавное, она не боялась теперь резкого разговора.

Главное, что увидела Шишкина, поговорила с ним и заметила, что разговор о ее свадьбе заставил переживать, хотя он не подавал виду, пытался отшучиваться, но это у него плохо получалось. И она пожалела, что мало поговорила, ничего не спросила о том, как он поживает, как себя чувствует его мать. Но и это не беда, теперь она знает номер телефона, в любой момент может позвонить ему и поговорить, быть может, даже встретиться. А почему бы нет, особенно теперь, когда она чувствовала себя свободным человеком. И очень одиноким.

Лада дошла до дому, поднялась на лифте на четвертый этаж и сама открыла дверь, приготовившись к словесной атаке отца, которому мать наверняка все доложила. Услышав, что кто-то пришел, Ольга Сергеевна выглянула из кухни, увидев дочь, сразу оповестила:

— Тебе Игорь звонил...

— Ну и что из того?!

— Мое дело сообщить... Но, будь на твоём месте, я все-таки позвонила, хотя бы из женского любопытства.

— Мне он неинтересен... Где отец?

— Задерживается...

Лада ничего более не сказала, переделалась в своей комнате и, почувствовав, что все-таки замерзла в парке, отправилась в ванную комнату, чтобы согреться и хотя бы на время избавиться от расспросов матери. Хотя они особенно не пугали. Ведь то, что она легко могла решить с ней, никак не могло разрешиться с отцом. А с ним серьезного разговора не избежать — в этом и сомневаться не приходилось. И ей теперь хотелось одного: уж быстрее бы!

Она даже устала ждать, а после ужина задремала и не услышала, когда отец вернулся, лишь вздрогнула от властного стука в свою комнату и приказа:

— Лада, выйди — поговорить надо!

Она вздохнула, посмотрела на себя в зеркале, поправила сбившуюся чёлку и отправилась в кухню, где в это время раскрасневшийся отец чаевничал. Увидев дочь, Самохвалов подвинул ей стул, а когда она осторожно присела на краешек, грозно просил:

— Почему раньше времени с работы ушла?

— Плохо чувствовала...

— Больничный имеется?

Лада отрицательно мотнула головой.

— Значит, ты — прогульщица! Я этого не потерплю, не позволю себя позорить и давать повод для сплетен!

— Папа, извини, но надо знать трудовое законодательство, по которому прогулом считается отсутствие на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня, а я всего-то ушла на парочку часов раньше! К тому же я ушла не самовольно, а отпросилась! Вопросы еще будут?

Самохвалов даже покраснел от вызывающего поведения дочери.

— Хорошо, считай, что уела, а как понимать то, что мне сейчас рассказала мама?!

— Как рассказала, так и понимай: свадьбы не будет!

— Без видимой причины?

— Без причины ничего не бывает, а если ты плохо понял Ольгу Сергеевну, то я могу повторить: с изменником, которого ты мне подсунул, я не собираюсь связывать свою судьбу! Так и знай! А чтобы не сидеть на вашей шее и не позорить, завтра же рассчитаюсь и уеду в Москву — там работы на всех хватит.

— Значит, бунт поднимаешь на корабле?! Независимости захотела! Пожалуйста — рассчитывайся, уезжай — держать не будем!

Она, конечно бы, многое могла наговорить в этот момент отцу, но душили слезы, а показывать их совсем не хотелось, унижительно было их показывать. Она все-таки наревелась, когда укрылась у себя. А чтобы не слышать гневного голоса отца, говорившего на повышенных тонах с матерью, она включила телевизор. Но отвлеклась ненадолго. В какой-то момент раздался стук в дверь, а сама она приоткрылась, и Лада четко услышала приказ отца:

— Сейчас же верни ключи от московской квартиры, а заодно и от машины!

Самохвалов сперва даже не понял, зачем отнял ключи у дочери. Конечно, в порыве гнева. Он, как руководитель, не позволит дискредитировать себя! Не для того сменил работу и ушел из карьероуправления, где четко следил за дисциплиной, от которой напрямую зависел заработок и его работников, и его самого, на управленческий оклад, пусть и немаленький, но не сопоставимый с прежней зарплатой. Та зарплата являлась коммерческой тайной, и знать о ней не суждено было никому, только главному бухгалтеру, которая умело и умно контролировала ведение документации, да теперешнему управляющему — Алексею Нистратову, двоюродному брату. Это не афишировалось, хотя в районе все-таки догадывались, что владельцем карьеров стал теперешний управляющий только «на бумаге», а он всего лишь стойко и преданно хранил тайну Самохвалова. Никто не знал, что Самохвалов владел контрольным пакетом акций своего бывшего предприятия. Он переписал уставные документы на Нистратова задолго до начала предвыборной борьбы за попадание в новый состав районной думы, чтобы освободиться от коммерческой деятельности и открыть путь для борьбы за власть над районом.

Работая на перспективу, Самохвалов давно присматривал себе место в правительстве губернии, но для этого нужно какое-то время послужить главой муниципального района, что-

бы попасть в круг лиц, вхожих к губернатору. Для этого просто необходимо годик-другой поработать главой муниципально-го района, а там, глядишь, станет заметным лицом губернского масштаба. Главное, чтобы успеть это сделать при новом губернаторе, назначенном из Москвы почти одновременно с избранием Самохвалова. Он даже наметил один из департаментов, который со временем бы мог возглавить, — строительства. Или департамент экономического развития. В общем, любой серьезный, а не какой-нибудь ЖКХ, где запросто можно набить шишек и тем самым навсегда погубить репутацию.

Всё, или почти всё складывалось в его пользу. За последние полгода он неоднократно встречался с губернатором — и на общих заседаниях, и личные встречи имел, что давало определенный шанс, а чтобы было совсем уж предсказуемо, оставалось лишь привести в действие не очень-то масштабный, но весьма действенный план с приглашением губернатора на свадьбу Лады. Почтит ли вниманием губернатор сие мероприятие — это не столь важно. Главное, что будет сделано приглашение, и, в любом случае он, Самохвалов, будет в выигрыше. Прибудет губернатор — можно будет дальше развивать отношения, не прибудет — будет чувствовать себя должником и, при случае, этим можно всегда воспользоваться.

Вспомнив наутро о вчерашнем скандале, Антон Тимофеевич все-таки надеялся, что обоюдная ругань была всего лишь вздором не понявших друг друга людей. Да и разговора-то особенного не было. Антон Тимофеевич переживал даже не из-за дочери, а из-за безвольности жены, у которой, похоже, полное безразличие к судьбе Лады. Ведь как вчера ответила-то поганю: «Давай-ка, Антон, не будем лезть в чужую жизнь со своими рекомендациями!» Вот так-то! Значит, он покупай квартиры, машины, трижды из кожи лезь, а у них, значит, одна блажь на уме? А то хорошо получается: Игорь — изменник! А ты, доча, уж такая правильная, целомудренная, что усомниться в этом совершенно невозможно, а если только кому-нибудь сказать — не поверят! Хороша невеста, когда со своим Шишкиным жила!

Мысль о том, что вздорное поведение дочери может испортить планы по налаживанию доверительных контактов с губернатором, постоянно напоминала о себе и отравляла настроение. Поэтому сегодня ему захотелось еще раз поговорить с дочерью, навсегда поставить точку в этом вопросе. Но звонок от управляющей делами заставил если уж не измениться в лице, то почувствовать, как противно защемило сердце.

— Антон Тимофеевич, — услышал он в трубке, — только что позвонили от отдела кадров и...

— Что «и...»? — переспросил Самохвалов, когда молчание затянулось.

— Дело в том, что позвонили из...

— Это я уже слышал! — рывкнул Антон Тимофеевич.

— Позвонили из отдела кадров... и сказали, что ваша Лада подала заявление на увольнение... Не знают, что делать?!

— Пусть в отделе кадров исполняют свои служебные обязанности! — еще громче рывкнул он и бросил трубку.

Сперва он хотел вызвать дочь к себе и отчитать за самодурство, но потом понял, что этим еще сильнее раскрутит сплетни. Да и не хотелось перед какой-то соплей, пусть и перед дочерью, лебезить, заискивать, уговаривать. Она еще поплатится за свое упрямство: на коленях приползет и будет молить о прощении. И как только Самохвалов отверг мысль о переговорах и увещеваниях, то в голове сразу прояснилось и пришли другие мысли, словно до этого момента находившиеся в потаенном месте.

И Самохвалов вспомнил о себе как о поэте. Поэте неплохом, даже замечательном, если припомнить все поэтические публикации в «Княжском рабочем»: за четверть века творческой деятельности их насчитывалось несколько десятков. Его стихи дважды печатались даже в губернской газете. В последние годы Антон Тимофеевич издал несколько книг, пусть и небольшим тиражом, но со вкусом оформленных, заказал личный экслибрис для своей библиотеки и даже написал гимн города Княжска, текст которого был опубликован в газете и, как плакат, установлен у входа в читальный зал районной библиотеки. Всё шло к тому, что Самохвалову намечалась прямая дорога в Союз писателей, но в губернском отделении заупрямились, заявлению о приеме ходу не дали, натравив на его книги борзых рецензентов, состряпавших отрицательные отзывы. Даже не помогло и то, что он пообещал сделать полный ремонт в трех комнатах писательской организации. Как можно отмахиваться от меценатской помощи в наше время, когда любая общественная организация рада лишней копейке?! А губернские бумагомаратели встали в позу — и ни в какую!

Вот тогда-то и появилась мысль о создании в Княжске собственного Союза писателей! А что — в нынешние времена это очень просто делается. Надо лишь созвать инициативную группу, написать устав, провести учредительное собрание и, пожалуйста, иди и регистрируй новую общественную организацию, например: «Союз писателей Княжска»! А что — звучит!

Если уж не удалось пригласить губернатора на свадьбу, то это вполне можно будет сделать по поводу создания в Княжске писательского союза! Вот уж повод так повод не только для

районного и губернского звучания, но и всероссийского! Каково будет впечатление от увиденного однажды в какой-нибудь центральной российской газете репортажа о создании Союза писателей в Княжске, или репортажа, например, на первом канале ТВ?! И говорить-то при этом будут даже не о самом Княжске, но о всей губернии, о губернаторе, при котором своевременно и сполна начал раскрываться творческий потенциал губернии. И все будут спрашивать об инициаторе этой акции — Самохвалове. Хотя какая это акция?! «Это — результат постоянной заботы губернского руководства о населении, особенно проявившейся с приходом нового губернатора, назначенного Президентом страны!» — будет говорить он во всех интервью и называть имена Президента и губернатора.

От всего представленного у Антона Тимофеевича перехватило дыхание. Он прошел в комнату отдыха, попил газированной воды, и, вернувшись в кресло, дал указание секретарю о переносе на час совещания по сельскому хозяйству и попросил пригласить начальника отдела культуры и туризма.

«Начальник по культуре», как называл Самохвалов руководителя этого комитета — Александра Немыкина, мелькнув лысым черепом, заглянул в дверь через несколько минут. Заметив его, Антон Тимофеевич зычно сказал:

— Заходи, не стесняйся, Александр Ильич!

Немыкин осторожно прошел к столу, поздоровался с Самохваловым, опасаясь заглянуть ему в глаза, аккуратно присел на краешек стула, не прикасаясь к спинке, и лишь после этого быстро глянул на главу, пытаясь отгадать причину срочного вызова. Немыкин — чиновник опытный, «переживший» нескольких глав района и первых секретарей райкома КПСС и по опыту знавший, что от срочных вызовов «на ковер» ничего хорошего никогда не было. Поэтому молча ждал, что скажет Самохвалов, а тот, словно что-то решая в уме, не спешил открываться. И, только все решив, похвалил:

— Читал, читал твои последние стихи, дорогой Александр Ильич! Честно скажу, без зависти, — понравились! Хорошо схвачено настроение лирического героя, и, главное, он у тебя не замыкается на пустой созерцательности, чувствуется, что перед читателем — человек дела, а связь с природой лишь очищает и помогает понять его беспокойную душу, прибавляет ему сил для дальнейших свершений!

От похвалы Немыкин заерзал, понимая, что не за этим вызвал Самохвалов, и, тем не менее, благодарно отозвался:

— Спасибо, Антон Тимофеевич, но мне далеко до ваших замечательных творений, поэтому всегда учусь у вас умению заглянуть в душу, возвысить ее!

— Вот и прекрасно! Особенно, когда говорят на одну тему два творческих человека. И не только... Мне тут из губернии звонили — начальница по культуре... Там тоже заметили твою подборку, оценили ее и посоветовали создать литературный центр на основе нашего литобъединения! Как тебе эта идея?

— Вполне заслуживает внимания... — замялся Немыкин.

Самохвалов в этот момент вспомнил присказку, которой всегда дразнили Немыкина: «Не мычит, не телится, но когда-нибудь отелится!..», и подумал: «В общем, полный отстой, как ляпнет Лада о каком-нибудь из своих знакомых. Вот провернем дело, и надо будет его заменить!» Вслух же сказал:

— Ну, а если *культура* не против, то, думаю, можно приступить к созданию общественной организации. Сам понимаешь: мнение сверху высказано — затягивать с этим вопросом не следует.

— Как назовем организацию?

Самохвалов сделал вид, что сильно задумался, и после паузы воскликнул, будто что-то нашел:

— Да чего скромничать — «Союз писателей Княжска»! Представляешь, какое создаст звучание в стране наш град?! А если и доску памятную поставим...

— А кто станет членами?

— Ну, прежде всего, мы с тобой... Несколько человек из литобъединения возьмем, тех, кто поактивнее... Нам нужны люди с сильной гражданской позицией, а иначе и не стоит ничего затевать, не для себя стараемся. Сообща многого можем добиться. Главное — дать ход важному делу. Поэтому, не откладывая, свяжись с нашим юристом, пусть подготовит пакет необходимой документации!

— Всё понял. О ходе подготовки буду информировать.

— Договорились! — поднялся из кресла Самохвалов и подал Немыкину руку. — А финансирование этого проекта согласуй с Лавриком, а если будет кочевряжиться, лично поговорю с ним!

Немыкин слегка пожал крепкую самохваловскую лапу, улыбнулся, хотя улыбаться не очень-то хотелось. Что греха таить, он, как и всякий литератор, давно мечтал о вступлении в настоящий Союз писателей, тоже, как и теперешний шеф, издал за свой счет несколько книжек, и вот теперь, когда заветная организация сама к нему приблизилась, — это и не радовало особенно. Как говорится: Федот, да не тот! Вот если бы в настоящий писательский Союз вступить — вот это дело! Но разве что скажешь против? Чтобы озвучить указание, Немыкин зашел к Ефиму Константиновичу и изложил

всё, что услышал от Самохвалова. Сперва Лаврик слушал молча, а потом улыбнулся, услышав слова Немыкина о памятной доске.

— Слушай, — указал он на стул и пригласил присесть стоявшего до этого Александра Ильича, — сейчас расскажу тебе занимательную историю об одном поэте... В Елани это было, лет уж, наверное, десять назад... Ну, так вот... Задумал один местный непризнанный поэт прославить себя. Кое-как накопил денег и заказал мемориальную доску из черного мрамора, чтобы установить ее на доме, где жил. Мол, в этом доме живет известный российский поэт Вася Пупкин! Знайте, люди, и радуйтесь! Но чтобы установить доску, надо иметь разрешение от властей, а его не имелось, да и не могло иметься. И тогда этот Пупкин, дождавшись дождливой, ветреной погоды и позднего часа, чтобы не привлекать внимания, начал самостоятельно устанавливать доску. Подготовил место, а когда полез по стремянке, то мокрая доска выскользнула из слабых поэтических рук и разбилась... Разбилась и мечта Пупкина о славе и почете. Запил с горя поэт и, говорят, отошел в мир иной...

Немыкин вздохнул.

— Не вздыхай, Александр Ильич! Хотя, как говорят, сказка — ложь, да в ней намек, но это не о нас! Так что твои слова приняты к сведению, будем работать.

Немыкину захотелось сразу же вернуться к Самохвалову, рассказать о Лаврике, но он лишь глянул на вывеску с фамилией главы муниципального района, моргнул секретарю Леночке и вышел из приемной. На большее духу не хватило.

В Княжске никто не заметил, как Лада уехала в Москву устраиваться на работу. Уехала наполовину самовольно, так как отец пока ничего не знал о ее планах, но с полного согласия матери, которая отдала дочери запасные ключи от московской квартиры. Перед этим Ольга Сергеевна неоднократно звонила двоюродной тете, и та пообещала пристроить племянницу в транспортную компанию, где сама работала. Вера Павловна оказалась из тех людей, которые умеют находить с начальством общий язык: должность начальника отдела обязывала. А тут еще извечная печаль бездетной женщины, поэтому ей было просто необходимо выплеснуть невостребованную женскую заботу на того, к кому она относилась как к своему ребенку. На эту роль очень подходила Лада.

Минуло всего пять дней, как Лада уволилась, и вот она на Казанском вокзале столицы. Около турникетов ее встретила Вера Павловна. Невысокого роста, подвижная, она ловко

подхватила дорожную сумку Лады и, помогая нести ее, повела племянницу через столпотворение вокзальных людей, потом потянула в подземный переход, через который они вышли на противоположную сторону площади, где располагалась компания.

— Сейчас получим тебе пропуск, который я уже заказала, и пойдем устраиваться. Надеюсь, паспорт, диплом и трудовую не забыла?

— Всё на месте... Вообще-то я собиралась сперва заехать на свою квартиру, чтобы не таскаться с этим баулом.

— Ничего страшного! Куй, как говорится, железо, пока горячо! А то сегодня упустишь возможность, а завтра неизвестно что будет! Нам бы только отдать трудовую книжку да в приказ на зачисление попасть.

Когда Ладу сфотографировали в отделе пропусков, то Вера Павловна провела племянницу на второй этаж, где находился отдел экономики.

Сотрудниц было шесть или семь, и всех сразу Лада, конечно же, не запомнила. Она для порядка присела за свой рабочий стол, осмотрелась и заметила, что через стеклянные перегородки все сотрудницы исподволь рассматривают ее.

Вскоре Вера Павловна проводила племянницу до проходной, перед этим заглянув с ней в отдел кадров, где ей выдали пропуск, на цветной фотографии которого Лада выглядела усталой и печальной, хотя в душе чувствовала себя совсем не грустно. За полчаса она добралась на метро до станции «Кузьминки», и, чувствуя, что соскучилась по своей квартире, уверенно вошла в подъезд. Захотелось расслабиться, понежиться в ванной, но решила сперва позвонить в Княжск. Сказала матери несколько слов о новой работе, передала привет от тетушки и спросила.

— Ты рассказала отцу?!

— Не могла не рассказать... Жалеет тебя! Не серчай на него. Он тоже переживает, что всё так получилось.

— Ладно, мам, мне что-то не очень хочется говорить на эту тему.

Выслушав напоследок наставления о необходимости разумного поведения, Лада отправилась в магазин за продуктами.

Наутро, едва Вера Павловна увидела племянницу в отделе, — сразу подступила с вопросом, даже с несколькими:

— Как спала, как доехала, позавтракала?

— Всё нормально! — ответила Лада и подумала: «Если и дальше будет так продолжаться, то это беда!»

Когда же в конце рабочего дня Вера Павловна пригласила к себе на выходные, то Лада окончательно приуныла:

— Мне надо в квартире разобраться!
— Может, тебе помочь? Так скажи — всегда к твоим услугам!
— Обязательно сообщу, когда понадобится помощь, а пока буду самостоятельно устраиваться.

Настроив себя конструктивно, Лада почти всю субботу чистила, мыла, пылесосила и не заметила, как пролетел день. По окончании уборки захотелось кинуться к столу, нахвататься бутербродов, но она все-таки заставила себя поплескаться в ванной, немного расслабиться и передохнуть, от чего еще сильнее захотелось за стол. Она уж вскипятила чайник, когда раздался звонок. Звонила мать.

— Ты дома? — обеспокоенно спросила она. — А то звоню, звоню, а никто не отвечает!

— Да дома я, дома, мам! То пылесосила, то сейчас в ванной была, а вообще-то весь день за порог не выходила — порядок наводила, — ответила Лада, не переставая жевать.

— Молодец! — похвалила Ольга Сергеевна. — Значит, не скучаешь!

— Некогда... Как у вас дела?

— Всё, вроде, привычно... Тебя, правда, не хватает! Отец с утра до вечера на работе, а я одна сама себя забавляю.

— Обо мне не спрашивал?

— Спрашивал, конечно же!

— А чего же тогда не позвонит?

— Вот об этом ты у него сама спроси... А то вы похожи друг на друга: оба ждете звонков, но обоим гордыня не позволяет сделать первый шаг.

От слов матери Лада почувствовала, как заколотилось сердце, сразу вспомнилась обида, когда отец отнял ключи от квартиры, машины — унизил так уж унизил. Ведь сделал-то демонстративно, с желанием уколоть, в отместку за то, что поступила не так, как ему хотелось!

Поговорив с Ольгой Сергеевной, Лада вернулась в комнату, прилегла, в мыслях продолжая находиться в Княжске.

В какой-то момент она вспомнила Николая и представила, чем он сейчас занимается, о чем думает, и вообще — хотя бы раз вспомнил о ней после встречи в парке? Нет, наверное, да и чего думать. Особенно теперь, когда первая любовь выходит замуж! А ведь, наверное, ничего не знает: что свадьбы не будет, что его *любовь* живет в Москве. В какой-то момент Лада машинально потянулась к мобильнику, нашла номер Шишкина и, вздохнув, жмахнула зеленую кнопку вызова. После двух сигналов зуммера в трубке раздался не очень-то четкий из-за помех голос, который Лада узнала бы, даже если помехи были сплошными:

— Слушаю!

— Это я, твоя Лада! — напомнила она, потому что до этой минуты он не знал номера ее телефона.

Трубка на малое время ответила тишиной, словно хозяин ее не сразу сообразил, кто ему звонит, а когда все-таки понял, то назидательно кашлянул и сказал так игриво, как говорят провинившемуся, но любимому человеку:

— Это вы, принцесса?! Вот чудеса! Я-то думал, вы попросили мой номер шутя, а вы всерьез решили пригласить на свадьбу. В следующую субботу, как я понимаю, состоится бракосочетание вашей королевской особы?!

— Как вы информированы, молодой человек, — на зависть! А того не знаете, дорогой Штирлиц, что свадьба не состоится по причине упрямства вздорной невесты! Так что моему несостоявшемуся мужу повезло. Не знаю только, кому впредь достанется сей тяжкий крест!

— Свежо предание... — раздалось из трубки и установилось стойкое молчание, а Лада рассмеялась:

— Вот мы и задумались... Ладно, не буду водить за нос: я действительно передумала и теперь свободная птичка! Да и вы вольный сокол! Так что не теряйтесь!

— Лада, пошутила и хватит! — чуть ли не взмолился Николай. — Специально, что ли, издеваешься?!

— Не издеваюсь и не шучу! Я действительно отказалась от свадьбы, к тому же уехала из Княжска и сейчас звоню из Москвы. За это время успела устроиться на работу, два дня выходных наводила порядок в квартире, и теперь не стыдно будет принять гостей. Так что в следующую субботу приглашаю в гости! Приглашаю заранее, чтобы успел подготовиться к визиту! Приедешь?

— Шутишь ведь, разыгрываешь...

— Нисколько. Авторучка под рукой есть? Если есть, запиши номер моего московского телефона. — Она продиктовала цифры и добавила: — А если уж записал, то запиши и мой адрес, и как добраться. Кстати, это очень легко: от метро «Выхино» вторая остановка.

— Не знаю, что и думать?! — растерянно выдохнул Шишкин.

— Сразу ничего и не думай. Поразмышляй денек-другой и позвони! Договорились?

— Договорились! — вздохнул Шишкин.

— Жду звонка! Целую! — Лада отключила телефон, победно вскинула руку вверх и крикнула по-английски: «Yes!»

Звонок из Москвы нашел Шишкина дома, когда он уж собирался спать, перед этим провозившись всё воскресенье

в кухне с полом. Неожиданная эта работа по-настоящему огорчила, заставила подумать о будущем своего жилья, хотя какое это жилье? Куча гнилых деревяшек, непонятно каким образом еще возвышавшаяся в виде барака! Это в детстве, Николай считал барак лучшим жильем на свете, а теперь о нем и сказать стыдно незнакомому человеку. Многолетние семьи из этого барака со временем получили квартиры, а Николай с матерью так и остался здешним жильцом. В середине девяностых мать на всякий случай приватизировала их комнату, думали, что когда барак попадет под снос, получить новую квартиру, но, оказалось, что тем самым загнали себя в ловушку. Но кто же знал, что законы будут так быстро меняться, и уж начали ходить слухи, что скоро, когда закончится срок реприватизации, жильцов окончательно прижмут, и все налоги с собственников будут взимать по полной программе. Кое-кто, поразмыслив, отказался от приватизации, вернул своему жилищу статус социального жилья, хотя до конца не был уверен, что поступил правильно. Остальному же народу-собственнику оставалось покорно плыть по течению и, чтобы не утонуть, пытаться научиться выгребать самостоятельно.

Да, теперь только на свои малооплачиваемые силенки оставалась надежда, казавшаяся теперь, впрочем, несбыточной. Понимая это, Анна Валентиновна, мать Николая, частенько подсказывала сыну, особенно в последнее время, чтобы тот куда-нибудь завербовался, где хорошо зарабатывают, и купил себе жилье. Вот и сегодня вновь подступила, когда он после ремонта уселся ужинать, сказала, как всегда осторожно и пугливо, словно боялась собственных слов:

— Вот видишь, сынок, каково нам стало жить?! Пора о настоящем жилье думать!

— Мам, ты не такая старая, чтобы ничего не понимать в нынешней жизни... Знаешь, сколько сейчас стоит однокомнатная квартира даже у нас, в Княжске?! Да к тому же мой отец уже попробовал это! Где он сейчас? — резко, с обидой в голосе сказал он в ответ на материнское жужжание.

— Случаи всякие бывают... — сняла Анна Валентиновна сползший с худых и острых плеч темно-серый платок, словно действительно захотела выглядеть помоложе, и печально посмотрела на сына серыми уставшими глазами. — А о квартире надо всегда думать, сколько она ни стоила бы, всегда надо вперед смотреть! Ты молодой, тебе жениться надо!

— Я уж раз там бывал!

— Вот потому и не сложилась семейная жизнь, что жилья приличного не имеем. Жилье будет — любая бабенка уцепится!

— Любая мне не нужна.

— Подходящую выберешь! А я бы к себе в деревню уехала, чтобы не мешать, там еще дом крепкий — сто лет простоит. Давно хочется на старости лет в родной деревне пожить.

— Мам, во-первых, ты не мешаешь, а, во-вторых, я не имею права оставлять тебя одну. Почему — объяснять надо?!

— Почему же — одну! В гости будешь приезжать. Всего-то пятьдесят километров, автобус ходит!

Он понимал, что мать, конечно же, права, но ведь она совсем не думает о своей больной ноге, которую сломала лет десять назад, так с тех пор и ковыляет. С такой ногой в городе-то сплошные неудобства, а в деревне, где всё самой придется делать, и вовсе беда. К тому же у нее больные почки, постоянного тепла требуют. Да, в деревенском доме есть печка, но ведь целыми днями не будешь на ней нежиться... Так что мать бросать он не имел права и никогда не позволил бы себе этого. Но как же, как выйти из этого положения? Надо бы, конечно, уехать на заработки. Хоть в ту же Москву, где рядовые водилы получают по тридцать-сорок тысяч! За такие деньги в Княжске надо полгода стараться. Но не все так просто. Кто-то, может, и получает, но уж сколько знал Шишкин и таких, которые, поработав в столице два-три месяца, возвращались ни с чем.

Пужинав, Николай отправился в свою «комнатуху» за драпировкой, где над кроватью красовалась репродукция картины его однофамильца «Утро в сосновом бору», пристроенную на стене, по словам матери, отцом Николая. Отец в конце восьмидесятых завербовался на Север, работал на газовом промысле вахтовым методом. Полгода всё хорошо получалось, деньги начали копить на квартиру. Да только с одной из вахт отца привезли в закрытом гробу. Три человека из их компании тогда замерзли в тундре, отправившись ловить куропаток. Охота простая — сделал жестяным конусом лунку, насыпал в нее морошки — вот и готова ловушка. Глупые птицы тянутся за ягодами головой вниз, да так и остаются в лунках. Потом только ходи и собирай добычу. Всегда это удавалось, а однажды неожиданно налетел буран, «охотники» заблудились в километре от вахтового поселка, а заблудиться в тундре в буран — это конец. Так что всякое упоминание о заработках, о погоне за длинным рублем только раздражали Шишкина. Ведь заработать можно и в Княжске, в том же карьероуправлении, например. Но туда не особенно устройшься. Николай попытался, когда с приходом Самохвалова его вытурили из администрации, но почему-то отказали.

После звонка Лады Шишкин лишь к концу следующего дня успокоил мысли и, чтобы окончательно убедиться, что приглашение Лады надо воспринимать буквально, позвонил ей вечером и спросил:

— Ну, так что — мне приезжать?

— Ты еще сомневаешься?!

— Тогда приеду не в субботу, а в пятницу. Вечерней электричкой! Тебя это устроит?

— Вполне! Буду ждать у первого вагона метро!

Для Лады вся неделя прошла как в угаре. Даже работа почти никак не отвлекла от Шишкина, от предстоящей встречи с ним. Все мысли — только о нем. Еле дождалась пятницы.

Лада сперва даже не узнала его, когда увидела на перроне метро «Кузьминки». Всю жизнь он ходил в мятых курточках, выцветших бейсболках, а теперь — плащ нараспашку, костюм переливается искрами и светлый ёжик во все стороны — это уж как обычно. И цветы в руках. Он сразу увидел ее, вручил розы, поцеловал и, подцепив под руку, твердо сказал:

— Веди!

На следующий день, поздно проснувшись, после завтрака они отправились на прогулку в Кузьминский парк, украшенный по-осеннему, но осени совсем не чувствовалось, потому что и у Лады, и у Николая в душах цвела самая настоящая весна. Они окончательно обвыклись, вели себя так, словно всю жизнь прожили вместе.

Лада не хотела думать о той минуте, когда проводит Николая, как могла, отдаляла ее, хотя и поехала проводить. Когда показалась электричка, она расцеловалась с Николаем у турникетов и полными слез глазами смотрела на него. Всего единственный раз она проливала при нем слезы — когда провожала в армию — и вот это провожание стало вторым, когда не смогла сдержаться, словно провожала надолго-надолго.

Николай же вернулся в следующую пятницу, и всё у них повторилось. А через неделю и еще, но с одной лишь разницей.

— Переезжай ко мне! — попросила она при очередном расставании, опять не в силах сдержать слез. И добавила: — Навсегда!

— А что — запросто! — отозвался он весело и игриво, потому что к этому дню уже знал, что квартира, куда Лада приглашала на жительство, ее собственная.

Осень для Самохвалова пролетела одним днем. Давно забылись переживания, устроенные дочерью, давно было согласовано создание общественной организации «Союз писателей Княжска», даже придумали нагрудный знак в виде

гусиного пера, чернильницы и золоченых букв аббревиатуры «СПК». Немыкин юлой вертелся, да и сам Самохвалов не остался в стороне, когда начались заморочки с главой администрации Ефимом Лавриком. Этот Фима достался от прежнего главы района, и Самохвалов с самого начала искал пути избавления от излишне любопытного руководителя «второй» власти, но по всему чувствовал, что не скоро скинет этого занозистого человечка. Мелкий, глазастый — он как запеченный сверчок всякий раз появлялся там, где его не просили появляться. Вот и в этот раз Лаврик всех слюной забрызгал, доказывая на бюджетной комиссии, что денег на эту акцию нет, расходы не сверстаны, поэтому их можно смело перенести на следующий год.

— У нас шахматисты в подвале ютятся, а среди них, между прочим, один кандидат в мастера и три перворазрядника, а мы никакого внимания на них не обращаем! — заступался за княжских шахматистов Лаврик, и все знали, почему он печется именно о шахматистах: сам частенько захаживает в тот подвал, иногда даже в рабочее время.

В конце концов, Лаврику пообещали, что на следующий год обязательно подумают о шахматистах, и он сдался. Да, собственно, из-за чего шуметь?! Из-за выделения небольшой суммы на проживание в гостинице гостей и артистов, на цветы, подарки и фуршет?! Как можно без фуршета? Это уж как водится. Сам же Лаврик первым прибежит к столу. К тому же, княжский Союз писателей — это не личная организация Самохвалова, а общественная, и создается она для славы всего района, даже губернии.

Единственное, о чем Самохвалов умалчивал до поры до времени, это о желании на присвоение районной библиотеке своего имени. К этому дню всё всё было согласовано с губернским управлением (Немыкин наконец-то проснулся и довел это поручение до конца). Антон Тимофеевич, лично поработав со скульптором, чтобы не заводить Лаврика, на свои средства заказал в мастерской памятную доску; установка ее задумывалась как сюрприз, который раскроется в присутствии губернатора, которому месяц назад Самохвалов лично вручил приглашение, согласовав с ним дату торжественного мероприятия. Выполненная из бронзы, доска уже неделю хранилась в сейфе, и Антон Тимофеевич иногда нет-нет да открывал тяжелую дверцу и, радуясь, смотрел на рельефную надпись: «Центральная районная библиотека имени Антона Самохвалова». Выполненная в три строки, она даже в сейфе производила впечатление, прибавляя настроения и радуя душу.

Так что к началу декабря все подготовительные работы почти закончились, в том числе проведено и запротоколировано учредительное писательское собрание, юридически закреплено официальное появление в Княжске пяти писателей. Оставалось вручить членские билеты, установить памятную доску на здании библиотеки, но сделать это надо было непосредственно перед торжественным мероприятием, чтобы до поры до времени не баламутить народ. А чтобы совсем уж быть корректным и уважительным к знаменитым уроженцам княжского района, среди которых значился художник, естествоиспытатель, полководец и композитор, Самохвалов решил дать указание снять памятные доски, установленные в их честь, придать им надлежащий вид, чтобы потом его новая доска не особенно выделялась. Для этого специально пригласил Немыкина, чтобы напрямую довести свои соображения, и сказал таким тоном, что тот не посмел присесть на стул:

— Вот вы, Александр Ильич, делаете вид, что работаете, а не замечаете того, что на единственном сохранившемся в городе старинном здании XVIII века, где, как вам, думаю, известно, учились наши знаменитые земляки, памятные доски заляпаны краской и побелкой, да и воробьи не в меру их засидели! Неужели трудно содержать памятник архитектуры в надлежащем виде?!

— Мы стараемся! В прошлом году пластиковые окна поставили, в этом — асфальт новый уложили.

— А старый и не кладут... — усмехнулся Антон Тимофеевич.

— Всё исправим, всё сделаем! — поспешно обнадежил Немыкин. — Сегодня же передам ваше указание и прослежу исполнение!

Немыкин ушел, а Антон Тимофеевич подумал о нем: «Дармоед! О каждой мелочи надо лично говорить! А если не тыкать носом, не прививать любви к порядку, то и моя доска со временем будет обляпана птичьим дерьмом!» Самохвалов злился неспроста. Немыкин никогда не нравился Самохвалову, потому что всегда раздражала в нем самая поганая черта в человеке: угодничество. Понимая, что без уважения к начальству прожить нельзя, Антон Тимофеевич твердо знал, что всему есть предел, и само начальство не уважает именно тех, кто проявляет излишнее преклонение, резонно считая, что такие подчиненные в любой момент могут предать. Поэтому и доверия к ним нет, а если его нет, то и отношение к таким прилипалам соответствующее. Была и еще причина, по которой в последнее время Самохвалов невзлюбил Немы-

кина, даже терпеть не мог. Появилась эта особенная нелюбовь после того, как Лада рассталась с Игорем, а он сошелся с дочерью Немыкина, и поговаривали, что она уж на пятом или шестом месяце беременности! А если это действительно так, то не надо иметь математических способностей, чтобы высчитать и понять, что Игорь путался с немыкинской девкой в то самое время, когда встречался с Ладой! «Вот змей подколотный! — вслух произнес Антон Тимофеевич, вспомнив сейчас несостоявшегося зятя. — Погоди, демон, придет время, получишь свое!»

Самохвалов поднялся и решил навестить карьероуправление, поговорить с управляющим о том, о чем по телефону не поговоришь. Поэтому, прибыв на карьеры, Антон Тимофеевич оставил машину с водителем у здания управления и встретился с Нистратовым неподалеку от дробилки. Здесь хотя и шумно, зато никто не подслушает — говори о чем душе угодно. А говорить в последнее время было о чём: уже не первый месяц ходил среди руководителей горных компаний слух о том, что, мол, совсем скоро для них наступят не лучшие времена. Кто-то сильно влиятельный решил всё подмять под себя, то есть сменить собственника, а чем это грозит — об этом знают даже школьники. Сперва, конечно, нашьют проверяющих, те месяц, а то и два будут копать и докопаются до того, что, либо садись в тюрьму, либо останешься на свободе, но без копейки за душой. Мало ли таких примеров. Где-то какой-то суд вынесет решение, например, о незаконной приватизации, а если она даже законная, чего практически не может быть, потому что этого не может быть никогда, то подведут под неуплату налогов или под надуманным предлогом обвинят в создании фирм-однодневок. На чем угодно могут подловить. В жизни полно бульдогов, только ждущих сверху команды «Фас»! А уж если она прозвучит, тогда берегись — никакие деньги не помогут. На любой толстый кошелек найдется еще толще. Поэтому сейчас и не смог скрыть тревоги, спросив у Нистратова о делах.

— Вроде всё тихо, — спокойно ответил управляющий, одетый в утепленную защитную куртку военного образца и короткие резиновые сапоги с выглядывавшими белыми шерстяными носками, и глянул на шефа с явным интересом. — Все контракты выполняем, отгрузка идет по графику.

— Ты вот говоришь, что у нас всё тихо — охотно верю, но знаешь ли, дорогой Алексей Леонидович, что на цемзаводе второй день всюю идет проверка! А ведь мы с ними в одной упряжке работаем. Так что и нам этой участи не избежать — всего лишь дело времени... Ладно, теории нам разводить сей-

час некогда. Надо о деле думать. Весной мы собирались новый карьер открывать, да теперь, когда кризис бушует, подумаешь: надо ли?

— Да, действительно, заказчиков на глазах убавляется. Что ни день, то новые потери!

— Такая петрушка не только у нас. По всей стране, по всему миру экономика обваливается!

— Надо выждать, глядишь, что-то изменится. К тому же Москва как строилась, так и строится, и будет строиться!

— Ладно, ладно — можешь не разжевывать, я нашим карьерам жизнь отдал, а ты здесь без году неделю, многого можешь не знать, хотя и был инженером на своем угольном разрезе... Но это в Сибири, а здесь, как ты говоришь, Москва действительно рядом, здесь в минуту может такое завертеться, что моментом башку снесут, не успеешь причесаться напоследок! Поэтому, чуть чего заметишь неладное, сразу информируй. Сам ничего не предпринимай!

— Само собой...

Самохвалов хотя и ворчал, но ворчал скорее для порядка, потому что доверял Нистратову. Во-первых, двоюродный брат все-таки, а, во-вторых, дело знает и вовсе не новичок, тоже успел в девяностых повоевать со всякой шатией-братией.

— У нас тут в скором времени торжество намечается, Союз писателей создаем! Так что уж, будь добр, посети сие мероприятие. Посмотри, каков ты при галстукке!

— Обязательно подгребу! — улыбнулся управляющий.

Хотя Самохвалов и отвлекся, съездив на карьеры, но пользы-то себе особой не прибавил: как был с утра хмурый и ворчливым, так и до самого обеда ничего не изменилось. А после обеда и вовсе чередой пошли просители, заявители — и у всех всё срочное. А он, значит, царь и Бог, всё должен улаживать, во всё вникать, отдавать команды, словно без него люди и шагу ступить не могут. До чего же измельчали они, до чего же разучились самостоятельности. Ведь у каждого есть соответствующие регламентирующие документы, вот и работай с ними, а если не умеешь, то зачем занял эту должность, уступи ее настоящему специалисту! Только где их взять в наше время? Все лишь о высокой зарплате ноют, а сами по каждому вопросу начальнику в рот заглядывают, указаний ждут.

Встречи Лады и Николая как начались внезапно, так внезапно и прекратились. Ну, если уж не прекратились, то приостановились — это точно и, главное, по инициативе Николая, но из-за чего конкретно — Лада пока не поняла. Не приехав в очередную пятницу, он и в приближающуюся не соби-

рался в Москву, ссылаясь на болевшую мать, оказавшуюся в больнице. Лада верила Шишкину, но все-таки хотелось убедиться, что его слова соответствуют действительности.

Поэтому, в очередной раз позвонив в Княжск, прямо сказала Николаю:

— Если уж нет желания увидеть меня, то придется самой нагрянуть!

— Я тебя встречу! — легко сказал Николай. — Когда ждать?

— В пятницу, вечерним паровозом!

— Договорились!

Она ждала, что он произнесет напоследок еще одно слово, пусть и дежурное в таких случаях, но не услышала.

В пятницу Лада вышла из вагона, и, когда увидела стоявшего в стороне Николая, сама направилась к нему, не сразу обратившему на нее внимание в толпе приехавших из Москвы людей, которых в конце рабочей недели было особенно много, словно весь Княжск работал в столице. Он тоже увидел ее, поспешил навстречу и, поцеловав, стеснительно, как в юности, торопливо сунул цветы, словно все люди на привокзальной площади — пусть и слабоосвещенной — смотрели на них.

— Как доехала, всё нормально? — дежурно спросил он.

— Как видишь... Жива и здорова и полна любви. Ты меня ждал?

— Могла бы и не спрашивать... Мы так и будем стоять? Пойдем, провожу!

Лада, сделав два-три шага, остановилась, картинно начала чертить мыском сапожка асфальт.

— Вообще-то родители меня ждут завтра... Я бы могла сегодня у тебя остаться! Ты пока один, как я поняла?

— Да, мама в больнице... Но у меня холодильник пустой. Да и жилищные условия, сама понимаешь, с твоими не сравнить!

— Будто не знаю... Ладно, пошли в магазин! — сразу повеселела Лада.

В доме Шишкина Лада не появлялась несколько лет, с того времени, когда он, демобилизовавшись, частенько приглашал к себе. Теперь, поднявшись по скрипучим ступеням на второй этаж, осторожно переступила порог его комнаты-квартирки, словно кто-то мог в этот момент окликнуть и, если уж не помешать, то укорить и пристыдить, словно молоденькую девчонку.

— Вот так и живу, — помогая снять одежду, стеснительно сказал в прихожей Николай, — ничего нового, всё как прежде.

— Самая лучшая новость — это отсутствие новостей! — философски отозвалась она и шагнула к рукомоюнику, чтобы помыть с дороги руки. — А мне у тебя нравится: уютно, тепло.

— Это пока морозов нет, а как они прихватят, то наша избушка очень легко выстуживается.

— Зато закаленными будете! — продолжала шутить Лада, почувствовав себя хозяйкой, и, может поэтому, в какой-то момент вспомнила о матери Николая: — А что с Анной Валентиновной приключилось?

— Обострение с почками... Сперва камни мучили, а потом простыла где-то.

— Здесь и простыла!

— Да вроде холодов-то не было настоящих, хотя простыть можно когда угодно.

На следующий день они расстались неподалеку от ее дома, договорившись вечером созвониться. Дождавшись, когда Лада скроется за углом, Николай отправился к матери в больницу, предварительно купив фруктов, пачку сока и творог. В больнице привычно поднялся на третий этаж терапевтического корпуса, но мать в палате не обнаружил. Спросил о ней у дежурной медсестры, а та сразу озадачила:

— Сегодня ночью ее отправили в губернскую больницу на гемодиализ... очищение крови... У вашей мамы нарушилась работа почек, поэтому без аппарата никак было не обойтись. Но вы не волнуйтесь. Это временная мера.

Шишкин узнал номер и адрес больницы, забежал на всякий случай домой за паспортом и через полчаса сидел в автобусе, отправлявшемся в Елань. Еще через час Николай был в приемном отделении, по фамилии ему быстро нашли поступившую ночью Шишкину Анну Валентиновну и, с кем-то созвонившись, сообщили, что его мать в реанимации. Весь день он добивался встречи с ней, ему, конечно же, не позволили увидеться, лишь посоветовали возвратиться в Княжск. Высокий и худой заведующий отделением, будто сделанный из лыжной палки, устало сказал, видимо, давно устав объяснять посетителям одно и то же:

— Звоните завтра, тогда что-то прояснится!

Ничего не оставалось, как собраться домой. Когда Шишкин подъезжал к городу, позвонила Лада, укорила:

— Что ты за мужчина, если постоянно вынуждаешь девушку звонить первой! Ты где?

— В автобусе, возвращаюсь из Елани.

— Что такое?!

— Подходи к автовокзалу — всё объясню.

Когда автобус остановился, Лада уже ждала Николая — и сразу с расспросами. Шишкин рассказ о матери и вздохнул:

— Так что встреча отменяется — настроения нет.

— Перестань так говорить! Я тебя не брошу, особенно сейчас. Не позволю быть одному!

Пока молча шли к Николаю, Лада достала телефон и позвонила Ольге Сергеевне:

— Мам, я останусь ночевать у Наташки... Где-где... В новом микрорайоне. В Котлах. Не беспокойся — всё будет хорошо. Я тебе еще позвоню!

— Зачем наврала-то?! — укорил Николай.

— Для пользы дела! — строго и сердито ответила Лада, и более до самого барака они не разговаривали.

На следующее утро она не задержалась у Шишкина, потому что после обеда надо было возвращаться в Москву. Договорившись, что он придет проводить на вокзал, Лада отправилась домой, зная, что предстоит встреча с отцом.

За кофе с лимоном Самохвалов хлопнул рюмочку, а когда появилась в кухне жена, ушел в спальню, включил телевизор и выбрал спортивный канал. В какой-то момент, заглянув в спальню, его отвлекла Ольга Сергеевна:

— Иди, посмотри на дочь свою!

— Появилась? Наконец-то!

Самохвалов, запахнув темно-синий халат, вернулся в кухню и обнял поднявшуюся из-за стола дочь, чмокнул в щеку, слегка укорил:

— Совсем забыла нас! Мы уж заждались тебя! Вот как Москва затягивает!

— Я же часто звонила, но разве тебя дома застанешь... Приходилось с Ольгой Сергеевной общаться.

— Ну, хоть расскажи, как устроилась-то, с работой как дела обстоят?!

— Спасибо! Всё нормально и работа привычная. Если какая запарка получается, Вера Павловна помогает. Так что с этим без проблем.

— А с чем или с кем проблемы? Поклонники-то не обходят вниманием?

— Пап, у тебя одно на уме!

— Конечно, одно: выдать тебя замуж, и не за вахлака какого-нибудь, а за успешного человека. Чтобы ты жила и никаких забот не знала!

Они говорили вроде бы ни о чем, но сами изучали друг друга, действительно соскучившись. В этом и сомнений не было. Только взаимное любопытство выглядело по-разному:

ему хотелось понять, помнит ли дочь обиду, а ей не терпелось выпытать, пусть и косвенно, отношение к Шишкину: изменилось ли за это время или нет?! И как ей вести себя, если вдруг отец узнает, что она вновь начала с ним встречаться?! Когда зашел разговор об отъезде Лады, Самохвалов загадочно спросил:

— Рулить-то не разучилась? А то машина два месяца без дела стоит. Так и сгниет, бедняжка!

Лада промолчала, не зная, в какую сторону отец повернет разговор, а тот, заметив ее замешательство, достал из кармана ключи от машины, отдал дочери:

— Извини, что в прошлый раз так получилось... Ну, погорячился, бывает! Если хочешь, пойдём сейчас на стоянку, помогу подготовить тачку, хотя она вполне готова — заводится с пол-оборота — ребята мои без дела не сидели!

— Пап, а может, не надо?! Ну, где я в Москве буду ставить машину, да и ездить негде — сплошные пробки?!

— Стоянку найдешь поближе к дому. О деньгах не беспокойся, у нас с матерью кое-какие сбережения есть. Главное, чтобы тебе хорошо было. А то зима наступила, чего ты будешь в электричке мерзнуть. К тому же в вагонах шпаны полно, бомжей. А на машине-то как хорошо. Сама себе хозяйка. И нам спокойнее. А по Москве можешь и не ездить, но уж нас не забывай! Договорились?!

Пока Лада собиралась, отец пригнал машину, сразу, воспользовавшись случаем, нагрузили в нее овощей, солений, яблок. От такой заботы она расцеловала их на прощание и торопливо уехала, помня о Шишкине.

У вокзала она сразу увидела Николая и остановилась неподалеку, с улыбкой наблюдая за его хмурым видом. Понаблюдав минутку-другую, она окликнула Николая, обратившись пугающе официально:

— Гражданин Шишкин, подойдите к машине!

Николай не сразу понял, откуда к нему обращаются, а когда увидел Ладу — все-таки улыбнулся, чуть ли не подбежал к ней, зачем-то спросил:

— Ты?!

— Как видишь... Падай! — указала она на сиденье рядом с собой, а когда Николай, явно стесняясь, уселся рядом, добавила: — Отъедем, чтобы не светиться.

Оказавшись в малолюдном месте, они расцеловались, насмотрелись друг на друга, а потом Николай вздохнул:

— Я и не знал, что у тебя есть машина?! Во всем ты меня обогнала!

— Разве это плохо? К тому же это ничего не значит.

— Для тебя не значит, а меня постоянно мучают сомнения, кажется, что навязался на твою шею, и уж жалею, что встретил в парке два месяца назад. Жил ведь спокойно и жил, а теперь одни засады с твоей стороны.

— Зато скучать некогда! И вообще — хватит ныть!

— Вообще-то в последнее время я по-настоящему начал жалеть, что когда-то не послушался тебя, не стал учиться — теперь вот и маюсь.

— Что, начал понимать, осознал? Но еще не всё потеряно!

— Поздно, дорогая. И вообще — бросай ты меня, пока мы до чего-нибудь серьезного не доигрались!

— До чего же?

— Не знаю, но чувствую, что ничего хорошего из нашей партизанщины не получится. Отец твой не позволит.

— А ты сделай так, чтобы позволил!

Николай вздохнул и замолчал. Лада поняла его состояние и более не стала настырничать, лезть в душу.

— Ладно, перестань терзаться. Сейчас тебе надо о матери думать.

— Я и думаю. Сегодня позвонил начальнику домой, объяснил ситуацию... На весь завтрашний день отпустил.

Наговорившись с Николаем, взяв с него слово, что он не будет забывать ее, она подвезла его к пешеходному мосту через железнодорожные пути. Они расцеловались и какое-то время сидели молча, прижавшись друг к другу.

Лада никому на работе не докладывала, когда и как вернулась из Княжска, но утром все сотрудницы отдела знали, что она вчера приехала на машине, и теперь почему-то смотрели на нее совсем другими глазами, словно только теперь перестали считать провинциалкой. Лада сразу показала свою независимость, не стала вливаться в чью-то компанию, становиться на чью-то сторону, хотя сразу поняла, что вся женская команда Веры Павловны разделена строго на два лагеря. Поэтому до сегодняшнего дня в пространные разговоры с Ладой никто не ввязывался, считая ее нелюдистой эгоисткой, за два месяца жизни в столице так и не принявшей ничьё приглашение прийти в гости, и к себе никого не приглашавшей. В общем, темная лошадка, способная на каверзы.

А у Лады был на это свой счет. Она лишь с одной из сотрудниц вела более или менее доверительные разговоры, а сегодня разговорилась с Ниной Звягинцевой по-настоящему. Аккуратистка Звягинцева понравилась Ладе с самого начала работы. Светловолосая, коротко подстриженная, улыбчивая — она всегда казалось излучателем чистоты и теп-

ла, словно появлялась в отделе не для работы, а для украшения. Жила она с матерью, помогавшей Нине воспитывать пятилетнюю дочку. Сегодня темой разговора стал слух о том, что, мол, Самохвалова уезжала в Княжск на электричке, а вернулась на иномарке, и, если это действительно так, то это неспроста. От этого обстоятельства сразу другое отношение и разговоры, тем более что к этому дню все знали, что живет Лада в собственной квартире. Значит, неплохо девочка «упакована»! Всех, конечно, интересовал источник «упаковки», но как об этом спросишь. Все и молчали. Только Звягинцева не постеснялась спросить:

— Ты теперь на колесах?

— Откуда такая новость? Хотя я уж давно на них... Просто боялась ездить по Москве, а теперь пора пришла. Да и удобнее к родителям ездить.

— У тебя и гараж есть?

— Вот до такой роскоши не дожидаясь. Еле упростила вчера поставить машину на стоянку. Зато сплю спокойно.

— Ты действительно спокойно спишь, а как же с амуром?

— Молодая еще, не созрела... Так что с этим напряжёнка.

— Хочешь, с младшим братом познакомлю?! Он у меня программист, в солидной компании работает, недавно квартиру купил!

— В следующий раз обязательно, а пока надо осмотреться в Москве. Так что, Нин, не будем об этом. Скажи лучше, где сама-то машину ставишь?

— У подъезда — где же еще! Да и не жалко старую «девятку». Ее насильно будешь навязывать — никто не возьмет! А о предложении моем все-таки подумай.

Лада всю неделю по-особому ждала приезда Николая, ждала и звонков от него, хотя знала, что он не любит трезвонить. В пятницу утром она позвонила сама, собравшись пристыдить Николая.

— Тебя ждать сегодня? — спросила, едва сдерживаясь, чтобы не накричать.

— Не знаю... Дел полно.

— Что случилось-то? С мамой, что ли, чего?! Чего молчишь-то?

— Чего говорить... Похоронил я ее вчера... Так что не знаю, что делать.

Ладе сперва показалось, что она ослышалась, неправильно поняла.

— Извини, — вздохнула она и после паузы, собравшись с мыслями, добавила: — Я сама приеду. Будешь ждать?

— Да!

— Я тебя целую, я с тобой! Понял?

Она могла бы наговорить ему бесконечно много сочувственных слов, попытаться узнать, что случилось с Анной Валентиновной, но понимала, что Николаю сейчас не до объяснений. Да и что значат телефонные слова.

К середине декабря в администрации Княжска закончили основные приготовления к торжественным мероприятиям. И это в то время, когда на самого Самохвалова свалилась другая, неотступная забота. То, чего они боялись с Нистратовым, — случилось. Следом за цемзаводом пришли проверяющие и в их карьероуправление. Уже несколько дней копали, правда, пока ничего не сообщали: ни хорошего, ни плохого. Поэтому, хотя и без прежнего энтузиазма, Самохвалов продолжал подготовку к созданию Союза писателей. Для удобства гостей дату торжеств немного перенесли. Намечали на 19 декабря, пятницу, но, посоветовавшись с губернией, пригласили гостей днем ранее, потому что в пятницу день короткий, предвыходной и у многих свои личные планы, а четверг — настоящий рабочий день, не жалко. В четверг всем удобно.

Накануне, в среду, в Княжск начали съезжаться артисты, корреспонденты и занимать забронированные номера в гостинице. Телевизионщики обещали нагрянуть утром, перед самым мероприятием. В среду же библиотечный рабочий Федор, который, что бы ни делая, говорил одно-единственное слово: «Бесполезно!», получил в помощники двух слесарей из коммунальной службы и установил на фасаде тяжеленную бронзовую доску, укрепив ее бронзовыми же декоративными болтами, развальцевав прорези «болгаркой», чтобы в будущем злоумышленники не могли болты открутить, а доску сдать тихой сапой в металлолом. Но прохожие любовались новой доской недолго. Ее сразу же накрыли белым шелковым покрывалом, и была она взята под охрану постом милиции, созданным на время торжеств указанием Самохвалова. В общем, всё шло по сценарию, загодя расписанному Немыкиным и утвержденному Антоном Тимофеевичем.

Начало мероприятий назначили на двенадцать часов. К этому времени офицеры ДПС перекрыли центр Княжска, пуская транспорт в объезд, а сотрудники ОВД и вневедомственной охраны усилили патрулирование и охрану общественных зданий. Особенно охраняли здание библиотеки и прилегающие к нему переулки, так как около библиотеки, вокруг сооруженной трибуны, образовалось значительное собрание горожан, пришедших разделить радость создания

в городе новой общественной организации. Были здесь представители промышленных предприятий, служащие учреждений, но все-таки более всего собралось учеников колледжа и старшеклассников из всех пяти школ. Неподдалеку от трибуны переминалось десятка два-три пенсионеров. Перед этим среди них кто-то пустил слух, что в честь праздника будут выдавать бесплатные продуктовые наборы, и теперь они терпеливо дожидались подарков, по-тихому обсуждая состав предполагаемых наборов. В какой-то момент к ним присоединился пробежавший мимо Робинзон, одетый на этот раз в спортивный костюм и вязаную шапочку. Крутнувшись около стариков, большинство из которых были гораздо младше его, догадавшись, о чем они спорят, он не стал задерживаться, бросив на ходу: «Всё равно обманут!» Правда, на его торопливые слова никто не обратил внимания и не принял всерьез.

В какой-то момент среди толпы пронеслось: «Едет, едет!» И все попытались заглянуть внутрь двух черных иномарок с затемненными окнами, пытаясь разглядеть губернатора. Машины, тем временем, нырнули во двор библиотеки, где их встретил Самохвалов со своими приближенными. Антон Тимофеевич готовился к встрече губернатора, но оказалось, что в последний момент тот отменил поездку, доверив открытие общественной организации специалисту губернского департамента по культуре и туризму, — женщине необъятных размеров, — появление которой оказалось полной неожиданностью, всё равно что густым плевком наградили; ждали-то губернатора, а тут какой-то *специалист*, даже не начальник департамента. Будучи сам тучным, он не мог терпеть рядом с собой подобных людей, всегда смотрел на них так, словно косился на собственное отражение. Он хотя и улыбался гостям, когда те готовились к выходу на трибуну, но в какой-то момент так глянул на подвернувшегося Немыкина, словно тот был виноват в низком статусе гостей, что Александр Ильич вильнул ужом и пропал за спинами губернских людей. Тем не менее, окончательно не растерялся и открыл митинг, когда гости вкупе с местными руководителями разместились на трибуне. После короткого экскурса в историю Княжска, Немыкин предоставил слово губернскому специалисту, и та долго перечисляла достижения культуры в Княжском районе, особенно выделяя роль Самохвалова, недавно возглавившего район, но уже успевшего положительно зарекомендовать себя.

— Одним из ярчайших событий, «виновником» которого является уважаемый Антон Тимофеевич, является создание в вашем районе собственного Союза писателей. Это ли не

ярчайший пример наглядной демократизации общества, когда застарелые условности навсегда уходят в прошлое. Знайте, дорогие княжчane, отныне в вашем славном городе есть свои писатели, которым сейчас мы вручим членские билеты, и это станет наглядным подтверждением реальности начатого дела. А начнем мы с вручения писательского билета известному поэту, главе вашего муниципального района Самохвалову Антону Тимофеевичу.

Под аплодисменты специалист вручила Самохвалову членский билет, после чего Немыкин по одному пригласил на трибуну прочих членов созданного союза.

— А теперь, — продолжала она, — мы приступаем, возможно, к главному событию сегодняшнего дня... Через минуту спадет покрывало с памятной доски, установленной на здании библиотеки, отныне носящей имя нашего замечательного поэта Антона Самохвалова!

Когда под аплодисменты собравшихся Федор, приодевшийся по такому случаю в пальто и вязаную шапочку с надписью на английском, сдернул шелковое покрывало, то все увидели доску, которую сам Самохвалов успел изучить до мельчайших подробностей. После открытия доски вернулись на трибуну. Немыкин предоставил слово Ефиму Лаврику, который пообещал всё сделать для того, чтобы центральная районная библиотека, отныне носящая имя замечательного русского поэта Самохвалова, стала настоящим центром культурного воспитания граждан. Поэтому он попросил княжчан почаще бывать в библиотеке, которая вскоре пополнится новыми книгами местных авторов.

После Лаврика выступили члены писательского Союза; представитель Совета ветеранов; военный комиссар района в звании подполковника, говоривший о том, что новые книги местных авторов помогут в формировании личности подрастающего поколения, а значит, обеспечат достойный призыв молодых княжчан в ряды Вооруженных Сил.

Подводя итог выступлениям, Немыкин объявил митинг закрытым и пригласил собравшихся во Дворец культуры на концерт, бесплатно проводимый для жителей Княжска в рамках торжественных мероприятий. Подмерзнув, молодежь толпой хлынула глазеть на московских артистов. Лишь пенсионеры не спешили идти на бесплатный концерт, резонно считая, что он никуда не денется, а обещанные наборы могут уплыть неизвестно в чьи руки. Пенсионеры, наверное, долго дожидались бы неизвестно чего, если бы не подошедший Федор, начавший разбирать трибуну и шепнувший старикам:

— Ничего не дождетесь, а идите на концерт — хоть чего-то получите на дармовщинку!

Федору сперва не поверили, но потом все-таки послушались, без толку потолкавшись около опустевшей трибуны, но не все. Кое-кто решил ударить по разливному пиву и отправился в привокзальный подвальчик, носивший официальный статус закусочной. Цены в ней держались удивительно низкие, редко когда поднимались, и поэтому все княжские выпивохи уважительно называли закусочную на свой лад: «У Лаврика»; пошло это еще с тех давних пор, когда нынешний глава районной администрации сам стоял за прилавком в этом славном торговом заведении. После него, когда он ушел на повышение, это место заняла тихая и неприметная женщина по имени Эсфирь, или просто Фира, с улыбочкой на черных глазах торговавшая паленой водкой.

Открыв торжественную часть концерта, на котором местный хор исполнил гимн города Княжска, автором которого являлся главный виновник сегодняшних торжеств, — и он сам, и гости по одному перетекли в комнату за сценой, действуя в соответствии с привычной схемой: первый ряд зрительного зала — приветственное выступление со сцены — заветная комната, где на широком столе переливались цветами радуги бутылки, приготовленные на аперитив, и возвышались широкие блюда с закусками. Все — чиновники, освободившиеся артисты, директор Дворца — поздравляли Антона Тимофеевича за прекрасное начинание, за умение вовремя найти подобающую его искрометному таланту нишу, заполнение которой, непременно, поднимет развитие культуры в районе на новую высоту, недостижимую многими. Самохвалов, конечно, отличал лезть от искренних чувств, но по опыту знал, что без нее не обойтись. Главное, чтобы она не переходила разумные рамки. Для этого он тактично и умело осаживал какого-нибудь рьяного человечешка из местных, и присутствующие не могли не оценить благородство Антона Тимофеевича.

Аперитив, конечно, для того и придуман умными людьми, чтобы возбудить аппетит, но все сдерживали его, зная, что предстоит банкет в ресторане. Лишь губернский специалист, сказав, что губернские дела не позволяют ей продолжить празднование, смело подошла к блюду и долго не отходила от горы мясной нарезки. И все с пониманием, даже сожалением смотрели на важного губернского специалиста, даже собрали пакет на дорожку, чтобы ее объемное тулово не обмякло за время пути. Во всем этом виделся явный пережест и издевательство, но такой подхалимаж со стороны подчиненных Само-

хвалову даже нравился, потому что он сразу невзлюбил эту противную тетку, имя которой никак не мог запомнить. Пока ей собирали пакет в дорогу, ему казалось, что губернатор для того и послал ее, чтобы она крохоборничала. «Вот приедет в губернию и поделится с ним, оба нажрут на халяву!» — издевательски думал Самохвалов и открыто улыбался.

Конечно, ирония иронией, но Антону Тимофеевичу действительно хотелось увидеть губернатора, познакомиться его с женой, тем самым открыть дорогу к знакомству семьями. По предварительному плану, Ольга Сергеевна должна была присоединиться к мероприятиям в ресторане, но теперь нужда в ней отпала, если губернская тетка даже не соизволила почтить вниманием дружеское застолье. Поэтому когда Самохвалов проводил *тулово*, то, переезжая из Дворца культуры в ресторан, позвонил жене и печальным голосом сказал:

— Ольга Сергеевна! Всё отменяется. Вскоре буду дома! Что? Объяснения потом, потом, дорогога!

«Все-таки гнусно устроен человек! — думал Антон Тимофеевич, возвращаясь вечером из ресторана домой. — Все мы чего-то ищем, чего-то добиваемся! А зачем, ради чего или кого, если кругом сплошная ложь, подхалимаж, сплошное желание изловчиться и одурачить друг друга! И это при том, что каждый хочет показаться неподкупным, непогрешимым, кристально чистым человеком! Но так не бывает. Вот издевался я сегодня над туловом, но ведь издевался потому, что не добился того, чего хотел, а именно: встречи с Петром Игнатьевичем! А ведь всё делал для этого, чтобы увековечить сегодняшнее событие, даже договорился с телевизионщиками, и те обязались зафиксировать вместе с губернатором и потом неоднократно показать всей губернии, чтобы в каждом уголке знали, что есть такой город по названию Княжск, а управляет этим городом известный человек по фамилии Самохвалов! Да — Самохвалов, что из того, но не сам он себя хвалит, а вся губерния во главе с губернатором приехала поздравить!»

В этот вечер Антон Тимофеевич мог бы думать и думать, потому что мысли так и роились, так и текли, но до дому-то всего пять минут езды. Самохвалов даже недовольно спросил у водителя, когда он молча остановился у подъезда:

— Максим, приехали, что ли? Быстро ты сегодня!

— Как учили... — не стал тот ввязываться в разговор.

— Завтра — как обычно! — пробубнил на прощание Самохвалов и поспешно скрылся в подъезде, словно боялся чьих-то взглядов, от которых он и без того сегодня устал до невозможности.

Желая расслабиться, забыть сегодняшний суматошный день, он решил, что сразу же заберется в ванную. И он, на-

верное, так и поступил бы, но когда жена открыла дверь, то поспешила обрадовать:

— Иди, посмотри, что я на видак записала?! Полчаса назад по губернскому телевидению передавали. Завтра с утра повторят!

Антон Тимофеевич разделся, прошел в комнату, тяжело завалился на диван.

— Ну и чего там у тебя? Показывай!

Ольга Сергеевна поспешно, видимо, желая обрадовать, включила видеомэгнофон, и Антон Тимофеевич увидел репортаж. Смотрел с интересом, но лишь до того момента, когда зачем-то начал целоваться с туловом... Ольга Сергеевна сразу с вопросом:

— С кем это лижешься?!

— А-а... — отмахнулся Антон Тимофеевич. — Прилюдно же! Из департамента культуры приезжала, почти всю буженину пожрала, а что осталось — с собой прихватила!

— А где же обещанный губернатор?

— Всё еще едет... Видимо, в снежный занос попал, а может, на него другой занос напал! — усмехнулся Самохвалов собственной шутке и предупредил: — Всё, хватит об этом. Запись сохрани, а эту жабу сотри, она всё равно в кадр не помещается.

Все-таки, как ни сердился Антон Тимофеевич, а настроение его мало-помалу пришло в норму, да и нервы немного успокоились, как обычно бывает по завершению большого и хлопотного дела. «Главное, провели акцию, прозвучали на всю губернию!» — радостно думал он, укладываясь спать, перед этим все-таки понежившись в ванне.

Утром Самохвалов с хорошим настроением собирался на работу. А как уселся в машину, то Максим порадовал:

— Наш Княжск вчера и сегодня показывали, а только что и по радио сообщение прозвучало.

— Вот и отлично! — порадовался Самохвалов и подумал: «Зря, что ли, денег кучу отвалил?!» Попросил: — Прежде чем ехать в администрацию, заверни к библиотеке — проверим, всё ли в порядке!

Доска действительно красовалась на своем месте. Да и куда она денется, если на соседнем здании установили камеру слежения вневедомственной охраны. Пусть только кто попробует закопшиться около доски — через две минуты наряд прибьет! Так что с этим проблем нет. Полюбовавшись доской, не выходя из машины, чуть позже Самохвалов входил в здание администрации победителем.

Похоже, в эту пятницу в администрации никто не был склонен к работе. Все сидели по кабинетам, а если появлялись в

коридорах, то вынужденно, по какой-нибудь срочной необходимости. Кое-как досидев до обеда, под разными предложениями чиновники начали утекать по домам. Самохвалов тоже не выдержал всеобщего напряжения: за час до официального окончания рабочего дня он созвонился с Максимом, и через две минуты машина уже стояла у внутреннего подъезда. Прежде чем отправиться домой, Самохвалов приказал отвезти его на дачу, чтобы, по просьбе Ольги Сергеевны, прихватить несколько банок с соленьями. Возвращались они уж в сумерках. Недалеко от вокзала их «Вольво» нахально подрезала японская иномарка.

— Максим, прибавь газу! Посмотрим, что за нахал в городе появился! Посигналь, чтобы остановился!

Когда машины поравнялись, Самохвалов неожиданно увидел за рулем свою Ладу и, жестом приказав ей остановиться, сам вышел к дочери. Заглянув в приоткрытое окно, увидев рядом с ней Шишкина, грозно сказал:

— Дома поговорим!

Но в этот вечер Лада к родителям не попала, потому что сразу передумала ехать к ним после такого отношения отца. От его приказа-окрика сделалось нестерпимо обидно, словно она и не дочь вовсе, а бесправная служанка.

В субботу Самохваловы о дочери вслух не говорили, хотя оба думали о ней, и в этой ситуации Ольге Сергеевне было легче, потому что она была спокойна за Ладу, зная, что дочь в Москве, пусть и с Шишкиным, хотя с ним даже спокойнее — всё не одна. Ольга Сергеевна весь вечер искала повода, чтобы успокоить мужа, видя, что он не находит себе места, но первой остерегалась заводить разговор, зная, что в таком случае она сама окажется виновной в исчезновении Лады.

Зато в воскресенье вечером, вернувшись с охоты почти трезвым и без добычи, Антон Тимофеевич с порога спросил:

— Дочь нашлась?!

— Всё нормально, — отозвалась Ольга Сергеевна. — Привет тебе передает!

— Она что, в Москву укатила?!

— Ты же в пятницу напугал ее — вот она и драпанула... Антон, ну чего ты к ней привязался-то, не даешь девчонке житья?!

— Хочу из нее человека сделать! И сделаю! — оставил за собой последнее слово Самохвалов и был доволен от этого, даже не подумав о том, что жена не захотела пререкалась.

Он разделся, разбросал вещи по шкафам и закрылся в ванной комнате. Хотел успокоиться, но не удалось, когда раз за

разом представлял белобрысую физиономию Шишкина и его самого, представлял, как этот бугай мнет хрупкую, воздушную Ладу! В такие моменты Самохвалову делалось не по себе. Поэтому долго не плескался. А как вышел, торопливо обтершись, то сразу закрылся в спальне и позвонил начальнику милиции Петру Гунько. Даже не поприветствовав, — расстались час назад, — Самохвалов сказал:

— Слушай, Петро... Тут дельце одно нарисовалось. Надо кое-что проверить!

— Хоть сейчас ребят пошлю! — раздалось в трубке.

— Не торопись... Дело неспешное. Если помнишь, до меня у главы работал водилой Шишкин, зовут Николаем. Живет он на Фабричной улице, в бараке, номер дома не помню — он один там остался. Пробей этого Шишкина по своей базе и разузнай, где он работает, живет ли постоянно в Княжске... В общем — поподробнее всё. И, сам понимаешь, без огласки, что называется, не в службу, а в дружбу. Завтра — понедельник, вот и займись с утра, будь добр!

— Всё понял, Тимофеич! Как узнаю — доложу!

Гунько перезвонил через полчаса и с места в карьер:

— Докладываю! Шишкин Николай Александрович, 1984 года рождения, уроженец Княжска, разведен, детей не имеет, проживает с матерью Шишкиной Анной Валентиновной по адресу: улица Фабричная, дом 14, квартира шесть. Работает на ткацкой фабрике водителем. В настоящее время жильцы в указанной квартире отсутствуют.

— Молодец, оперативно работаешь! Узнай завтра, появится этот Шишкин на работе или нет?

— Антон Тимофеевич, дорогой, ты уж не скрывай, если что-то случилось или в чем-то его подозреваешь? Мои ребята из-под земли достанут, на аркане приведут!

— Не суетись раньше времени. Делай, что тебе говорят.

— Всё понял... — не стал надоедать Гунько.

На следующий день он позвонил Самохвалову до обеда, и сразу с места в карьер:

— Докладываю! В настоящее время Шишкин находится в очередном отпуске и на работе отсутствует, нет его и в квартире. Мать же его на прошлой неделе скончалась, похоронена на княжском кладбище.

— Спасибо, Петро! Ты даже не знаешь, как помог!

— Всегда пожалуйста! Будут еще проблемы — сразу звони!

Самохвалову ничего не стоило догадаться о месте нахождения Шишкина. «Конечно же, у Лады, демон, залёт! В чужой квартире нежится! погоди! Сегодня же вышвырну!» — мстительно подумал Самохвалов, и эта мысль неожиданно

прижилась и не давала покоя до конца дня. А как подошло время ехать домой, то, спустившись к машине, Антон Тимофеевич сказал водителю:

— Сегодня, Максим, пешком домой пойдешь или тебя подвезти?!

— Да ладно... — растерялся тот, не посмев спросить, для чего понадобилась шефу тачка, и отдал документы на машину.

— Вот и правильно... Прогуляйся, подыши свежим воздухом! — по-отечески сказал Самохвалов водителю, неожиданно позаботившись о его здоровье.

Собственное поведение показалось Самохвалову все-таки присказкой, потому что сама сказка была впереди, и заключалась она в самом Антоне Тимофеевиче, вдруг заразившемся неумным азартом, как на настоящей охоте. Только охотиться ему предстояло на собственную дочь, вернее на того, кто сейчас у нее. То, что Шишкин находится с ней, — в этом и сомневаться не приходилось. Потому что не настолько он богат, чтобы отдыхать на зимних курортах; к тому же мать недавно схоронил. В утешении сейчас нуждается. А тут Лада подвернулась.

За веренищами мыслей, Антон Тимофеевич не заметил, как домчался до Московской кольцевой автодороги, и только тогда понял, что почти приехал, когда попал в объятия многоэтажек. Остановив машину у нужного подъезда, он уверенно вошел в подъезд, кивнул консьержке и пешком поднялся на второй этаж. Он уж было собрался позвонить, но в последний момент передумал, достал ключи, открыл дверь в коридор, попытался вставить ключ в дверь квартиры, но ключ наткнулся на преграду. Пришлось позвонить. Сперва за дверью никакого движения, а потом Самохвалов различил голос дочери:

— Кто там?!

— Это я, дочка! Открывай! — потребовал Антон Тимофеевич.

Не сразу, но Лада открыла, а когда дверь отворилась, то испуганно спросила, удерживая на груди цветастый халат:

— Даже не позвонил!

— По делам был в Москве, решил заглянуть, посмотреть, как ты устроилась. Мама волнуется... — торопливо говорил Самохвалов, разглядывая обувь в этажерке, одежду на вешалке. Хотя чего разглядывать — всё на виду: вон они, башмаки сорок пятого, наверное, размера тарашатся, и куртка полстены заняла. — Ты одна? — все-таки спросил он, услышав шум воды в ванной комнате.

— У меня гости...

— Шишкин?

— Он! Ну и что дальше?!

Самохвалов по-хозяйски разделся, прошел в комнату, насмешливо сказал:

— Хотя бы чаем отца угостила!

Лада молча ушла в кухню и вскоре вернулась с подносом, на котором стояла чашка с чаем и мелкая тарелка с бутербродами. Поставила поднос на журнальный столик и присела на краешек кресла, напряженно ожидая развития событий. Сам же Антон Тимофеевич, похоже, только и ждал встречи с гостем дочери. Это Лада сразу заметила и попыталась смягчить напряженное молчание, спросила о матери, на что отец, отхлебнув глоток чаю, буркнул односложно: «Нормально...» Разговора явно не получалось, Лада это поняла и не стала более заискивать, ушла в кухню и стала дожидаться, когда выйдет из ванной комнаты Николай, чтобы успеть предупредить об отце.

И вот хрустнула ручка, и дверь из ванной раскрылась, появился Николай, и Лада сразу приложила палец к губам, завела гостя в кухню и шепнула:

— Отец приехал!

Шишкин на мгновение задумался и сказал:

— Пойду, поздравляюсь!

— Оденься сперва... — подсказала Лада, чувствуя, как от волнения всё тело наполняется дрожью.

Пока Николай находился в малой комнате, она стояла в коридоре, настраивая себя на любое развитие событий. Когда Шишкин вышел, Лада подтолкнула Николая в большую комнату и сказала отцу:

— Пап, вот познакомься...

Антон Тимофеевич тяжело повернул толстую шею, покосился на Николая и ухмыльнулся:

— А мы знакомы... Правда, давненько не виделись, и эта встреча, скрывать не буду, меня удивила. В этом, конечно, и твоя вина, Лада, если своевременно не делишься с родителями своими планами и ставишь гостя в неловкое положение.

— Пап, — перебила Лада отца, — чего глупости-то болтаешь?! И вообще — чего ты взъелся-то на него? Чем он не угодил?

— Это тебя не касается... Только у меня есть желание, чтобы твой гость тихо-мирно покинул эту квартиру и более здесь никогда не появлялся! Это понятно вам, молодой человек? — вновь тяжело повернулся Самохвалов к Николаю, стоявшему у него почти за спиной.

— Никуда он не поедет! — Лада встала рядом с Николаем, словно хотела заслонить его. — Он мой гость, и оскорблять его я не позволю, даже тебе!

— И все-таки, молодой человек, я бы на вашем месте оставил нас, чтобы не усугублять шекотливую ситуацию! — сказал Антон Тимофеевич, на этот раз даже не шелохнувшись. — Будьте мужчиной и ведите себя достойно, а не отсиживайтесь за спиной девушки! — посоветовал он, как приказал.

Никак внешне не отреагировав, Шишкин вернулся в прихожую, начал одеваться, а Лада подступила к отцу:

— Прости, папа, но ты бессовестный человек, хам последний! Он только что из ванной, а ты выгоняешь его на мороз... Поэтому я уйду вместе с Николаем!

— Катись, не держу!

Лада шмыгнула в свою комнату, начала переодеваться, а Антон Тимофеевич по-прежнему не пошевелился, лишь когда она вышла в прихожую и начала возиться с обувью, поднялся из кресла и сказал Шишкину:

— Подождите ее на лестничной площадке, а мне, как отцу, нужно кое-что сказать дочери!

Как только Николай вышел, Самохвалов захлопнул дверь, сразу же закрыл на ключ.

— Чего еще?! — Лада не сразу поняла действий отца. — Дверь-то зачем коварно захлопывать?!

— Для твоей же пользы... Шишкин сейчас уедет к себе домой или еще куда — мне, впрочем, всё равно — а ты останешься, успокойся и начнешь новую жизнь. И, поверь, в будущем еще и благодарить меня будешь!

— Я уже благодарю! Выпусти!

— Это пока невозможно!

— Тогда я в милицию позвоню, скажу, что ты удерживаешь меня насильно!

— Звони... Сейчас приедет ОМОН и начнут ребята штурмовать квартиру с засевшим террористом, захватившим в заложники собственную дочь! Но прежде я сам позвоню!

Самохвалов нашел в мобильнике номер какого-то телефона и громко сказал:

— Ольга Сергеевна, поговори с дочерью, а то она собственного отца милицией пугает!

Лада, не сразу, но взяла телефон:

— Мам, скажи ему, чтобы он выпустил меня!

Самохвалов чуть ли не силой выхватил трубку у дочери и крикнул жене:

— Пусть она объяснит, почему я здесь! Что я делаю?! То и делаю, что я отец, а наша дочь напустила в квартиру проходимцев. Вот и приходится очищать ее, санитаром работать!

Пока Самохвалов говорил с женой, Лада смотрела на него полными слез глазами, а потом молча ушла в большую

комнату, оттуда юркнула на балкон и раскрыла окно... Перекинув одну ногу, она увидела стоящего на тротуаре Николая, попросила:

— Поддержи!

— Не делай этого... — крикнул он в ответ.

Лада настырно перекинула вторую ногу, попыталась удержаться на руках и попасть ногами на козырек балкона, но увидела бегущего к ней отца... Никто — ни Антон Тимофеевич на балконе, ни Шишкин внизу — не успел что-либо сообразить, как она сорвалась и тяжелым поленом хрястнулась о мерзлую землю, припорошенную снегом; Шишкин даже не успел поймать ее, хотя в последний момент пытался, не понимая, зачем Лада полезла на балкон.

Он опустил около нее, полусогнутой, попытался взять на руки, но она по-заячьи завершала:

— Ой-ё-е-е-ёй... Не шевели меня, всё в груди болит...

Не решаясь поступить по-другому, Николай запахнул на Ладе дубленку, снял с себя куртку, подложил ей под голову и достал телефон, чтобы позвонить в «скорую». Пока объяснялся, прибежал Самохвалов и оттолкнул, почти ударил Шишкина, прорычал:

— Уйди с глаз моих, иначе пристрелю, как собаку!

На их шум, крики начали собираться прохожие: человек пять-шесть стояли в стороне и ожидали развития событий. Начали советы давать. Пока разговаривали, появилась какая-то женщина, подошла к Самохвалову, спросила:

— Я — врач. Могу быть чем-нибудь полезной?!

— Посмотрите, поговорите с ней... Это моя дочь!

Женщина нагнулась к Ладе, проверила пульс на шее, спросила:

— На что жалуетесь?

— Тяжело дышать... Голова кружится... — простонала Лада, и в свете уличных фонарей был виден блеск ее слез.

Врач выпрямилась, сказала Самохвалову:

— Видимо, перелом ключицы и сотрясение мозга. «Скорую» вызвали?

— Может, на своей машине в больницу отвезти?

— Не надо... Она хотя в сознании, адекватна, но без обезболивания может наступить травматический шок.

Шишкин стоял в стороне и видел, как время от времени врач наклонялась к Ладе и о чем-то говорила с ней. Когда подъехала «скорая», медики сделали Ладе укол и попросили мужчин помочь перенести ее в машину. Шишкин помог, а когда попытался сопровождать Ладу до больницы, Антон Тимофеевич, грозно рявкнув, не разрешил. Приказав води-

телю «скорой» подождать, он побежал к своей машине. Пока его не было, Лада успела продиктовать Николаю номер домашнего телефона Веры Павловны и попросила не стесняться, а позвонить ей и попроситься на ночлег.

Машины умчались, а Шишкин даже не успел спросить у водителя, в какую больницу повезут пострадавшую, и продолжал стоять на опустевшем тротуаре, держа в охапке куртку. Невозможная обида на самого себя, на Самохвалова, на само обстоятельство, при котором он, Шишкин, остался не у дел, когда никак и ничем не мог по-настоящему помочь своей Ладе, создавала в душе уныние. Он не знал, что делать: то ли возвратиться в Княжск (на последнюю электричку он успевал), то ли где-то провести ночь и созвониться с Ладой, узнать о ее состоянии и, если понадобится, прийти на помощь. Ведь неспроста же она продиктовала номер телефона родственницы?! Он выбрал второй вариант, правда, поехал на Казанский вокзал, чтобы скоротать ночь.

В половине восьмого Шишкин все-таки осмелился вызвать Ладу и с замиранием души начал вслушиваться в гудки вызова... И телефон отозвался любимым голосом, от которого у Николая заколотилось сердце. Сразу захотелось задать множество вопросов:

— Ты в какой больнице, как чувствуешь себя?

Но Лада, вместо ответа, сама строго спросила:

— А ты где?

— В Москве, пока на вокзале, так как не знаю, где тебя искать.

— Ты так и не ездил к Вере Павловне?! Ну и зря... А нахожусь в больнице около метро «Волжская»!

— Как себя чувствуешь? Что привезти?

— Пока жива... — через силу усмехнулась она. — У меня сломана ключица... Врач сказал, что легко отделалась, хотя шевелиться почти не могу и дышу трудно... Скоро мама приедет, но и ты тоже приезжай. Не бойся ее. Она — не отец, к тебе хорошо относится. Только учти, что до обхода врачей никого не пускают. Так что у тебя есть время спокойно доехать. И еще: прости меня, не обижайся, что всё так получилось!

— Да ты что, Ладушка! — Шишкин чуть не прослезился. — Как я могу?! Это ты уж не ругай меня!

— Очень сильно ругаю и еще сильнее хочу увидеть. Так что приезжай, жду!

Лада продиктовала номер корпуса, этаж, номер палаты. Попросив у кого-то авторучку, Шишкин записал данные на ладони. Через час он был у метро «Волжская».

Когда остановился перед нужной палатой, то осторожно постучался, и, услышав чей-то возглас «Войдите!», приоткрыл дверь. Ладу он увидел сразу: смотрит на него из-за плеча матери, умостившейся у нее в ногах, и осторожно машет ладошкой, возвышаясь на двух подушках.

Шишкин поздоровался со всеми женщинами, находившимися в палате, поцеловал Ладу, кивнул Ольге Сергеевне, оказавшейся у дочери раньше его, присел на стул рядом с Ладой и достал из пакета розы. Чувствуя неловкость положения, Ольга Сергеевна, внимательно посмотрев на Шишкина, сказала:

— Вы поговорите, а я пока цветами займусь. Надо вазу найти.

Как только она вышла, Лада спросила, потянувшись ладошкой к его руке:

— Быстро отыскал?

— Сразу почти... Как чувствуешь-то себя?!

— Как видишь! Была цветущей девушкой, а превратилась в старушку-инвалида — пошевелиться не могу! И это, говорят, надолго. Ключица плохо срастается.

Перед Новым годом Ладу перевезли в Княжск. С Шишкиным она пока не виделась, зато подолгу разговаривала с ним по телефону. Но однажды он опять пропал, а она не знала, что ему было не до нее, когда в одну из новогодних ночей в Княжске случился пожар — сгорел последний в городе барак, и четыре семьи оказались без жилья. Всё произошло так стремительно, так неожиданно для жильцов барака, что никто из них опомниться не успел. Единственное, что всех утешало, — это то, что никто не пострадал, даже семидесятилетний одноногий инвалид, потому что всех жильцов успели предупредить о пожаре.

Среди них был и Шишкин. Он отчетливо помнил стук в дверь, потом повторный. И крики: «Пожар, пожар!» Николай сперва не поверил, но когда почувствовал запах дыма, то, едва одевшись, выскочил в коридор и только оттуда увидел освещенную огнем улицу. Оделся, судорожно собрал документы и начал выносить то, что можно было вынести: сперва выхватил одежду из шкафа, телевизор, а потом начал хватать всё, что попадало под руку. Вскоре появились какие-то люди, начали помогать, но от них на узком лестничном пролете лишь образовалась толча. К тому же с каждой минутой огонь свирепел, подбирался к жилой половине барака.

Вскоре наступил такой момент, когда уж к бараку было не подступиться, да и подбегавшие пожарные с милиционера-

ми начали отгонять жильцов от полыхавших стен и крыши, стрелявшей разлетающимися кусками шифера. Жильцам ничего не оставалось, как наблюдать с ворохов спасенных пожитков за огнем, на глазах уничтожавшем жилье. Плакали ребятишки, жившие на первом этаже и теперь укутанные одеялами, сморкался старик-инвалид, а у Шишкина душа словно окаменела; в этот момент он еще не понимал, что с ним случилось, быть может, самая большая неприятность в жизни, не считая, конечно, недавней смерти матери.

Когда барак почти сгорел, подъехал Лаврик и мэр города Афанасьев. Ефим Константинович поговорил с пожарными, милиционерами, потом обратил внимание на женщину, буквально цеплявшуюся за рукав и, словно заученно, повторяющую:

— А как же мы? Что теперь будет с моими детьми? Где нам теперь жить?!

— Не волнуйтесь, гражданка! Город не бросит в беде! — обнадежил Лаврик и указал на стоявшего рядом крупного Афанасьева, как на высокое дерево. — Виктор Михайлович уже отдал распоряжение. Сейчас за вами придет автобус, всех погорельцев разместят в гостинице. Вам только нужно взять с собой документы, ценные вещи и одежду. Всё остальное, что уцелело от пожара, примут по описи и временно разместят на складе администрации под охраной. Так что за имущество не беспокойтесь. И вопрос с жильем мы постараемся уладить в ближайшие дни. Правильно я говорю? — спросил Лаврик у Афанасьева.

— Всё так и есть! — подтвердил тот.

Вскоре прибыла «Газель», погорельцы, обозначив свои пожитки, расселись в салоне и поехали в гостиницу. Двум семьям дали по отдельному номеру, а Шишкина поселили вместе с пенсионером-инвалидом. Тот и прежде-то был нелюдимым, а сейчас и вовсе насупился, устроился на кровати и отвернулся к стене.

Шишкин вышел в коридор, чтобы поговорить с друзьями по несчастью, но ничего конкретного для себя не узнал, потому что пожилая супружеская чета, которых он с детства называл дядя Володя и тетя Валя, сами не знали, что их ждет. Только многодетная мать, тридцатилетняя Аня была твердо уверена, что ее не бросят в беде.

— Пусть только попробуют! — заочно пугала она местных чиновников, расхаживая по вестибюлю гостиницы в искусственной, давно свалывшей шубе и выглядывавшей из-под нее ночной рубашке. — Сразу же поеду в Москву на прием к президенту! Всех четверых своих детей повезу и в Кремле ему

оставлю, если попробует отказать! Пусть тогда сам воспитывает! Свою угрозу она повторяла несколько раз, и, в конце концов, о ней узнали не только работники гостиницы, но и постояльцы.

Узнали и в администрации. Поэтому собрались на совещание у Самохвалова. Выслушав и Лаврика, и перепуганную начальницу ЖКО, которая вела себя так, словно была лично виновата в пожаре, Антон Тимофеевич сказал жестко и властно, сразу обозначив реалии:

— Вы, очевидно, знаете — обязаны знать! — что в стране действует Федеральный закон № 131, касающийся, в том числе, и коммунального хозяйства. Исходя из него, нам и следует принимать решения. При пожаре потеряли жилье четыре семьи, в общей сложности девять человек. Причем три семьи занимали жилплощадь по социальному найму, а одна семья на правах частной собственности. Поэтому первые три семьи мы обязаны обеспечить жильем, а перед четвертой обязательств не имеем. К тому же нас и совесть мучить не будет, так как четвертая семья состоит из одного человека — молодого трудоспособного мужчины... Да, кстати, как его фамилия, где он работает? — спросил Самохвалов, будто ничего не знал о Шишкине, и взглянул на Лаврика.

— Шишкин Николай Александрович, двадцати пяти лет, сотрудник ткацкой фабрики... — подсказал Ефим Константинович.

— Вот и прекрасно! Думаю, руководство фабрики пойдет ему навстречу и выделит место в общежитии. С одной семьей разобрались. Еще с одной — супружеской четой — поступим тоже справедливо: предоставим комнату за выездом. Вопрос по третьей семье, состоящей из одного пенсионера-инвалида, тоже вполне решаем: определим инвалида в интернат, где все заботы по его содержанию и уходу возьмет на себя государство. Остается многодетная семья, к которой нужен особый подход, потому мы не имеем морального права не обеспечить детей жильем! Поэтому предоставим им трехкомнатную квартиру в новом доме, сдача которого намечена через две недели. Это будет тем более справедливо, что они стоят на очереди на получение социального жилья, но мы эту очередь ускорим, и не будем скрывать это. Надо подключить СМИ и всесторонне осветить намечающееся событие — и не только для жителей нашего района, но и для всей губернии, чтобы нас не могли упрекнуть в бездушии, а то журналисты любят раздувать из искры пламя!

На том и порешили. Когда после совещания все потянулись к выходу, Самохвалов окликнул мэра:

— Виктор Михайлович, задержитесь...

Афанасьев развернулся, тяжело сел сбоку от самохваловского стола:

— Слушаю!

— Это я тебя должен выслушать... Звонил Шелупенко из Елани, главный губернский геральдист. Жалуется, говорит, что депутаты горсовета приняли решение о новом гербе, а ты не подписываешь!

— Чего нам всякую шелупонь слушать, если она историю разрушает! Думаешь, он только в одном нашем Княжске герб меняет?! Как бы не так! На все муниципалитеты губернии замахнулся, а их более трехсот! Где старый поменяет, где новый намалюет. Этому геральдисту лишь бы деньгу срубить!

— Шелупонь не шелупонь, а не он это придумал, и с государством не поспоришь! Там, — Самохвалов указал пальцем на потолок, — получше нас знают, кто что рушит, а кто нет. Так что подписывай решение депутатов и не раздумывай. Они тоже в этом вопросе люди подневольные. Не порть отношений ни с ними, ни с губернией!

— Мне можно идти?

— Иди и впредь будь оглядчивее!

О принятом решении погорельцы узнали через час. Их пригласили в администрацию и пообещали в ближайшие дни выдать компенсацию за утерянное имущество. Деньги небольшие, так как ни у кого из погорельцев имущество не было застраховано. Многодетная мать сразу преобразилась, услышав хоть о каких-то деньгах и квартире. Следом ушла супружеская чета. Только инвалид Алексей Павлович Наливайко да Шишкин не услышали ничего для себя хорошего и считали, что с ними поступили самым подлым образом. Они задержались в вестибюле администрации и тихо переговаривались, размышляя, что делать далее, и Шишкин собрался в юридическую консультацию, но Алексей Павлович остановил, потряхнув кудлатой головой:

— Не ходи! Скоро появится Подвиг — он всё разъяснит. А один ты ничего не добьешься, а он поможет, потому что всех этих прохиндеев держит в кулаке!

Шишкин не сразу понял, кто придет, и поэтому переспросил:

— Это Робинзон, что ли?

— Да, он самый — Яков Семенович! Я уж ему позвонил. Не вздумай при нем произнести свое дурацкое слово!

— Вам-то, может, разъяснит и поможет, а со мной всё ясно... Лишился я частной собственности! Поэтому ждать помощи

неоткуда! Надо либо в общагу перебираться, если, конечно, место есть, или в деревню уезжать, если там материнский дом цел.

— Не спеши — мы еще повоюем и кое-кому нос утрем!

Николай более не стал что-то доказывать, потому что ничего не видел в этом трёпе для себя конкретного.

Подумав так, Шишкин, как ни странно, успокоился, словно заново начал жить, и теперь на всё, что происходило с ним и вокруг него, смотрел с иронией. Особенно, когда появился высокий, худой и безобразно, как казалось Шишкину, бородатый Робинзон, не обремененный ни головным убором, ни шарфом. Лишь распахнутая легкая куртка болталась на нем, а из-под куртки выглядывал пиджак с медалями. Алексей Павлович сразу познакомил Николая с Яковом Семеновичем, и тот воскликнул:

— Какая прелесть! Нас уже трое! Это очень даже конструктивная сила в отстаивании поправленных прав!

В чем уж эта сила заключалась, Шишкин так и не понял, поэтому, когда Подвиг предложил всем вместе пойти к начальству, отказался от участия в этой экспедиции. И не потому, что чего-то или кого-то стеснялся, а не хотел, пусть и случайно, встретиться с Самохваловым, подозрения на которого сразу родились в Шишкине еще ночью, когда он только-только почувствовал запах дыма разгоравшегося пожара. А что? Дорогой Антон Тимофеевич легко мог организовать пожар. Поэтому Шишкин и заупрямился, а его товарищ по несчастью поддержал, на что Подвиг совсем не обиделся, но слегка укорил обоих:

— Скромность — самый быстрый путь к забвению, но я вас понимаю. Ваша стеснительность, неумение постоять за себя лишь придает сил и делает прозрачными мои поступки, потому что за других хлопотать всегда легче и почетнее, чем за самого себя!

Выяснив создавшуюся ситуацию с погорельцами, Яков Семенович откланялся и пошел на третий этаж администрации, весьма окрыленный созданным положением, словно радовался, что опять (в который раз!) понадобился его опыт. Ситуации эти были всем известные, год от года повторяющиеся, потому что они всегда, в основном, касались жилья. Всегда кто-то в Княжске оказывался обиженным, а то и обманутым. Очень часто люди оказывались в житейском тупике и вспоминали о Подвиге, как о единственном защитнике. Он был в Княжске для чиновников как кость в горле. В теперешней ситуации Яков Семенович твердо знал к кому обратиться за поддержкой, ибо нынешнее событие, в основ-

ном, замыкались на Алексее Павловиче Наливайко, наиболее уязвимом из пострадавших. И человек, который мог помочь в этой ситуации и к которому сейчас шёл Подвиг, был не кто иной, как Ефим Константинович Лаврик, связанный с ним общей страстью к шахматам. Эта страсть являлась главным аргументом, против которого Лаврик вряд ли устоял бы. Он сразу же принял Якова Семеновича, как только секретарь Леночка сообщила о посетителе. Даже прошел к двери и встретил Подвига у порога, усадил на стул напротив своего кресла. Налил водички из графина и сказал:

— Слушаю, уважаемый Яков Семенович!

— Спасибо... — откликнулся Подвиг и широко распахнул куртку, обнажая ряд блестящих медалей и всевозможных знаков и значков. — Нам бы, конечно, лучше встречаться за шахматной доской, но обстоятельства иного рода вынуждают меня волновать сие присутственное место, а именно: несправедливость в отношении нашего общего товарища, известного вам Алексея Павловича Наливайко, инвалида второй группы, между прочим! Подробности этой несправедливости, я думаю, вам вполне известна, только непонятно, как администрация района могла допустить ссылку — иначе эту акцию и не могу назвать — нашего с вами товарища в интернат!

— Что я мог сделать?!

— Догадать несложно, но только и вы — тоже власть! И властью надо пользоваться. К тому же, не теряя момента, было бы совсем уж замечательно отвоевать подходящее помещение для шахматного клуба! Сколько он будет ютиться в тесном подвале?! Подумайте об этом, уважаемый Ефим Константинович!

— Мне и самому очень желательно, чтобы клуб перебрался в приличествующее здание, в котором можно было бы организовать межрайонный шахматный турнир, быть может, межгубернский, придать ему статус постоянно действующего, чтобы о шахматистах Княжска знали далеко за его пределами. Но надо действовать постепенно, не в пример некоторым господам, и тогда, я уверен, мы многого добьемся! Нужно лишь иметь выдержку и определенную цель! Если это всё сойдет, тогда успех нам обеспечен! История это не раз подтверждала! — Лаврик на малое время замолчал, что-то обдумывая, и спросил у Подвига: — А вот вы, к примеру, Яков Семенович, почему для себя ничего не просите, а только всегда, насколько себя помню, о других печетесь?

— У меня всё есть, кроме яхты, личного самолета и виллы на Канарах. Да еще, пожалуй, детей рядом с собой. Живу я, как вам известно, один, — моя супруга Сима Баруховна дав-

но отошла в мир иной, — поэтому на оплату квартиры получаю субсидию, питаюсь исключительно кошерно, занимаюсь зарядкой, оздоровительным бегом — поэтому в лекарствах не нуждаюсь. Так что у меня хватает времени, сил и желания помогать людям. Иначе бы я сейчас не отнимал частицу вашего драгоценного времени. Надеюсь, что сегодняшней мой визит к вам окажется конструктивным?!

— Я тоже надеюсь и постараюсь решить положительно всё то, о чем мы говорили.

На этом и распрощались. Подвиг спустился в вестибюль, сказал Шишкину, что ничем обрадовать его не может, а вот с Наливайко разговорился. Николай посмотрел-посмотрел на них и созвонился, как и советовали ему, с директором фабрики, а тот, всё уже зная, отослал его к коменданту.

Что должно было произойти, то и произошло. Без лишних разговоров, Шишкину выделили койку в фабричном общежитии, дали машину, чтобы перевезти из гаража администрации телевизор и спасённые вместе с ним вещи, и к вечеру того же дня Николай, получив от коменданта ключ, стал полноправным съёмщиком койки в комнате на двоих.

Когда уж совсем стемнело, позвонила Лада, похоже ничего не зная о происшествии на Фабричной улице, и укорила:

— Где пропадаешь-то?! У меня для тебя новость есть! Приходи — всё узнаешь!

— А по телефону не можешь сказать?

— Нет, мне надо тебя самого увидеть!

— А как же Антон Тимофеевич?!

— Он на охоту уехал на несколько дней, но даже если и встретишь его, то теперь уж всё равно... Понял?

Шишкин, конечно же, ничего не понял, но все-таки согласился прийти и, пока шёл заснеженными княжскими улицами, мучился догадками.

Прошло две недели после того понедельника, когда Лада упала с балкона, и за эти ночи и дни она по-настоящему поняла, что такое — перелом костей! О той боли, которая пришла к ней в тот памятный вечер, она уже почти забыла, но теперь мучительным казался не сам перелом, а последствия его, когда, помимо боли, он не позволял дышать во всю грудь. К тому же сломанная ключица не давала возможности лежать горизонтально, и какую уж ночь Лада коротала в кресле под приглядом Ольги Сергеевны.

И все-таки в какой-то момент Ладу вдруг начало беспокоить что-то еще, помимо мыслей о болячках, Николае, отце.

То, о чём Лада только догадывалась, она не могла пока сказать матери, хотя ей-то всё можно было объяснить легко и просто. Пришлось звонить подруге и попросить заглянуть в аптеку. А та, как услышала, о какой именно просьбе идет речь, то сразу выдала предположение:

— Залетела, что ли?!

— Возможно... — отговорилась Лада, в душе укорив Наталью — подругу по работе в администрации за пренебрежительный тон. — Так что мне нужен *тест*...

— Ну, если такой случай... Обязательно вырuchu!

Раскрасневшаяся, чуть растрепанная Наталья появилась через час, пакет яблок принесла, чтобы усыпить бдительность Ольги Сергеевны. Усыпила, поболтала с Ладой о том о сём и быстренько убежала. А едва добралась до дому — сразу позвонила и нетерпеливо спросила, будто спрашивала о собственной беременности:

— Ну и как?!

— Не гони коней! — рассерчала Лада. — Сама позвоню!

Позвонила она, окончательно разволновавшись, когда дважды убедилась в своем подозрении, и спросила у подруги:

— Крестной будешь?

— Запросто! — рассмеялась Наталья.

— Вот и хорошо... Только пока об этом — никому, поняла?!

— От кого залетела-то?

— Когда крестить будем — познакомишься! — улыбнулась Лада и осталась довольна своей загадочностью.

Она несколько раз пыталась дозвониться до Николая, а как услышала его голос, то хотела тотчас отругать, но вовремя сдержалась, попросила прийти, чтобы рассказать обо всём, что узнала сама, понять его отношение к этой новости.

— А отец? — спросил Шишкин.

— Обойдется!

Шишкин хотя и обещал ничего не приносить, но все-таки пришел с сумкой фруктов; правда, Лада их не смогла увидеть, лишь потом узнала от матери, что «гость» явился не с пустыми руками. В прихожей Николай поздоровался с Ольгой Сергеевной, снял куртку, а она подала ему гостевые шлепанцы.

Гость тихо прошел в комнату и закрыл за собой дверь. Лада указала на стул рядом со своим креслом и вздохнула:

— Ну, здравствуй, пропащий человек!

Николай не видел Ладy со времени посещения в московской больнице. Вместо того чтобы присесть, Николай опустился на колени и осторожно обнял Ладy. После поцелуя она какое-то время сидела с закрытыми глазами, а он взял ее руки в свои и смотрел то на них, то на порозовевшие губы и не

знал, что сказать, и надо ли вообще о чем-то говорить. Когда же она все-таки приоткрыла глаза и посмотрела на него долгим изучающим взглядом, он спросил:

— Чего звала-то?!

— В Москву со мной поедешь жить?

— Сию минуту?

— Вот поправлюсь и рванем! Слабо?

— А что — легко! — подхватил Шишкин ее тон и порадовался: знать, на поправку пошла, если шутить захотелось.

— Я серьезно... Создадим дружную семью, я рожу ребенка и будем жить всем на зависть! Сможешь нас обеспечить?

— А то...

— Тогда... слушай... — вдруг изменила тон Лада, и Николай увидел чуть заметные слезы. — Я сегодня узнала, что забеременела... Представляешь, у нас с тобой будет ребенок?!

— Ты что — у врача была?

— До врача мне не дойти, но *узнала*... Скорее всего так и есть. Так что он, совсем еще маленький, уже живет во мне... Вот здесь! — Лада аккуратно обхватила низ живота, словно резким движением могла навредить тому, кто в ней поселился.

Только после этих слов, а более от движения ее рук, Николай понял, что Лада не разыгрывает. Блестевшие слезы это подтверждали. Разве их можно выжать по заказу?! Шишкину и самому было в пору прослезиться. И у него действительно душа заткнулась, и какое-то время он сидел, не зная, что сказать Ладе, как донести до нее удивление, а главное, ту радость, которая начинала в нем расцветать. Ведь это надо представить: он будет отцом, у него будет ребенок! И как только так подумалось, то сразу резанула мысль: «А где уютиться с этим ребеночком? Или она ничего не понимает?»

— Чего молчишь-то?! — спросила она, когда неопределенное молчание затянулось.

— На моем месте любой-каждый замолчал бы... Где жить-то будем?

— Я же сказала!

— А отец?! Он ведь житья не даст!

— Квартиру снимем, в общежитие уйдем! Да, кстати, о какой казенной койке ты упоминал?

— А ты разве ничего не знаешь? По местному телевидению показывали!

Лада посмотрела вопросительно и удивленно.

— Барак мой сгорел... Так что теперь я бомж. Спасибо, что койку в фабричной общаге дали! Тебе нужен такой муж?

— Нужен... А если отец моего будущего ребенка — бомж, как ты говоришь, то я пока далека от этого статуса и не по-

зволю сделать нашего ребенка несчастным. Так и знай! — Лада откинулась на кресле, закрыла глаза и затряслась в плаче.

— Извини, не хотел обидеть, но ты действительно пойми меня и то положение, в каком я очутился.

— Понимаю и поэтому еще больше люблю! Поцелуй!

Пожар в Княжске почти никак не повлиял на настроение Самохвалова, хотя злорадство от всего случившегося нет-нет да прорывалось в душу. Ведь то, что он хотел сделать с Шишкиным, случилось без его на то разрешения. Совесть его была чиста. Лишь на другой день, когда Антон Тимофеевич находился в полусотне километрах от Княжска на охоте и стоял на номере, ожидая появления лосей, он вспомнил, что перед Новым годом в разговоре с начальником милиции обмолвился, когда зашел разговор о Шишкине, что, мол, этого кобля давно бы надо поджечь и по миру с сумой пустить! Самохвалов о том разговоре в тот же день забыл, а Гунько, видно, запомнил и принял как руководство к действию. Хотя теперь об этом не спросишь напрямую, но это, когда-никогда, а всё равно раскроется. Единственное, что Самохвалов не оставил без внимания, — это то обстоятельство, что, получив список погорельцев и увидев, что Шишкин жил в приватизированном жилье, внутренне обрадовался и подумал, что Бог есть, если он решил таким способом наказать этого нахала.

Все последующие дни, вернувшись с охоты, он и так и эдак обдумывал сложившуюся ситуацию, которую никак нельзя отнести к неразрешимой и неподъемной. Подумаешь, барак сгорел! Главное, что люди не пострадали. Поэтому Антон Тимофеевич относился спокойно ко всему, что происходило вокруг погорельцев, хотя и сразу не переживал особенно, давая карт-бланш Лаврику и не желая вмешиваться в его административную епархию. Так что это, считай, забытое дело, теперь другое не давало покоя.

Самохвалов более переживал и тревожился по поводу затянувшейся проверки, когда всё чаще приходили от Нистратова тревожные сообщения. Ведь проверяли не только финансовую деятельность, но и хозяйственную, докапывались до самой мелочи — вплоть до проверки приборов учета и контроля. Все эти дни Антон Тимофеевич не показывал явного беспокойства, а когда позвонил Нистратов и сказал, что его просили приехать, Самохвалов отправился к нему, никому не сказав о своем визите. Секретарь Нистратова аж подскочила на стуле, увидев Самохвалова, зачем-то испуганно спросила:

— Вы к Алексею Леонидовичу?!

На глупый вопрос Самохвалов даже не отреагировал. Властно рванул дверь, за ней вторую и увидел Нистратова, копящегося в бумагах и одетого на сей раз цивильно. Не сразу оторвавшись от стола, Нистратов, увидев шефа, поднялся навстречу, подал руку для пожатия. Самохвалов спросил:

— Где они?

— В бухгалтерии окопались... Всё вверх дном перевернули! Уже пятьдесят нарушений нашли! Сейчас позову.

Нистратов выскочил из кабинета, а Самохвалов сел в свое бывшее кресло и задумался, представляя тех людей, которые с таким нахальством считают его деньги! «Мелкие щипачи так вести себя не станут, кто-то серьезный за ними стоит, если местная налоговая для них не указ. Знают дело ребята! Ковровую бомбардировку применили. Теперь главное — узнать, чего хотят, и кто за ними стоит. И то и другое сами, конечно, не скажут, но намёк могут подать. Главное, чтобы не прозевать!» — думал Самохвалов, чувствуя, как кровь приливает к вискам.

Он даже забылся, почти упустил тот момент, когда двери в кабинет распахнулись и раздался смех незнакомого человека, на вид весьма интересного: высокий, в меру носатый, прическа — волосок к волоску, и подтянутый, ухоженный — сразу видно, что птица высокого полета; рядом с этим человеком Нистратов казался пастухом, хотя был в костюме и при галстуке.

— Познакомьтесь... — угоднически сказал Нистратов, обращаясь к проверяющему и указав глазами на Самохвалова.

Тот вышел из-за стола, подал руку:

— Самохвалов... Антон Тимофеевич, глава района!

— Шастин Герман Львович — начальник отдела камеральных проверок губернской налоговой инспекции.

— Очень приятно... Прошу к столу.

Пока гость усаживался, Самохвалов попросил Нистратова:

— Алексей Леонидович, распорядись, чтобы организовали чаю! — И когда тот выходил из кабинета, незаметно показал, какой чай имел в виду: с огурцом!

Отдавая распоряжение, Самохвалов все-таки заметил, как гость рассматривал его в этот момент, и подумал: «Смеешься!» Вслух же спросил так, словно только что помолился за него:

— Как у нас работается, Герман Львович?!

— Хорошо работается, в нашем приветливом городе на редкость приятная атмосфера понимания. У вас, как нигде, уме-

ют понять суть нашего визита, всячески способствуют работе. Так что с этим проблем нет.

— А с чем же есть?! Налоги это предприятие платит своевременно, говорю это как глава муниципального района, и в этом заключается наша приоритетная забота, да и в губернии к нам претензий нет, хотя понимаю: при желании... — Самохвалов не договорил, когда Шастин напористо сказал:

— Вы не лучше и не хуже других: у вас налицо отвлечение средств на непрофильные организации, занижена налоговая база, несвоевременные платежи по налогам, нарушение планов по закупке и поставке природного газа, задолженность по выплате зарплаты... К тому же, мелькнула фирма-однодневка, и не одна. И это только за последние месяцы, а если проверить за несколько лет?!

— Это текущие недоработки бухгалтерии, производственного отдела... Мировые проблемы и нас не обошли стороной, но мы всеми силами пытаемся выходить из кризиса... А по прежним годам у нас всё в ажуре, говорю это как основной акционер.

— Всё может быть, но сейчас нас интересует отчетность за последние кварталы. Наша комиссия завершает работу и мы готовы представить на ваше рассмотрение результаты проверки, чтобы затем отправить в губернское управление.

В этот момент в дверь заглянула секретарь с подносом, на котором стояла бутылка коньяку, шоколад, лимон на блюдцах и две рюмочки. Поставив поднос, секретарь ушла, а Самохвалов, наполнив рюмочки, сказал:

— Говорить можно бесконечно, но от разговоров горло пересыхает!

— А почему рюмочки лишь две? Алексея Леонидовича надо позвать! Все-таки главный администратор, первое лицо! — спросил Шастин.

— Ни-ни, — мотнул головой Самохвалов. — Он человек новый, прежде мне приходилось здесь работать — скрывать этого не буду, — да вы наверняка всё знаете. К тому же у Нистратова язва и ему категорически нельзя спиртное. Так что уж не будем подвергать риску его здоровье. Прошу вас!

Шастин слегка коснулся своей рюмкой рюмки Самохвалова, чуть отпил и поставил на стол. Зато Самохвалов выпил всю и бросил в рот дольку лимона, словно сказал: «Вот так надо!» Когда выпили повторно, Антон Тимофеевич, слегка почувствовав тепло коньяка, сказал почти панибратски:

— Вообще-то здесь не то место, где можно по-настоящему отдохнуть... Какие у вас планы, Герман Львович, на сегодняшний вечер?

— Обычные: отдых до утра. У вас тут особенно не разгуляешься из-за объемов работы.

— Спешить вам, думаю, не надо... Работа, как говорится, не волк... Так что приглашаю вас сегодня поужинать совместно! Как смотрите на это?

— Можно, отчего нет. Только не сегодня... Вот ознакомьтесь, Антон Тимофеевич, с результатами проверки, осмыслите всё происходящее, тогда и можно конструктивно поговорить. Отчего нет! И ужин совместный не возбраняется. А пока, — Шастин раскрыл папку с бумагами, — вот предварительный отчет о нашей работе.

— Добро! — согласился Самохвалов, понимая, что сейчас не тот случай, когда он может диктовать условия. — Завтра созвонимся!

Они расстались, и, когда пожимали руки, Самохвалов хотел посмотреть в глаза гостю, но не увидел их, хотя тот смотрел в его сторону. И это Самохвалову не понравилось. «Скользкий, как уж! — подумал он о Шастине. — Хотя других на такой работе не держат!»

Вскоре вернулся Нистратов. Он присел к столу и внимательно посмотрел на Самохвалова, словно пытаясь угадать его настроение, робко спросил:

— Всё нормально?!

Самохвалов удивленно уставился на управляющего:

— Даже если будет всё нормально, они что-нибудь придумают! Разве непонятно?

Самохвалов в администрации более не появился, а вернулся домой и, ни с кем не разговаривая, закрылся в спальне, сказав Ольге Сергеевне, что будет работать с документами. Мысли о встрече с Шастинным, разговор с ним — не давали покоя. И поэтому, открыв отчет, Самохвалов не сразу проникся текстом и цифрами, которыми были усеяны страницы. Но и беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что комиссия смогла вскрыть все «болевые» точки в деятельности его предприятия, хотя подобные «точки», при желании, можно найти где угодно. Но ссылка на кого-то в данном случае недействительна, и Антон Тимофеевич мысленно представил, что может последовать за этим. А последствия могут быть самыми нежелательными. Отстранившись от мыслей, Антон Тимофеевич позвонил заместителю губернатора, курировавшего налоговиков.

Самохвалов рассчитывал получить поддержку, но Кузьмичёв лишь отговорился. Только так Антон Тимофеевич расценил его нытьё о том, что, мол, глава проверяющей комиссии — человек у них новый, по-настоящему он его не знает.

Намекнул, что зарплата у налоговиков небольшая, и, если с ними говорить по-дружески, всегда могут скорректировать результаты проверки.

Выслушав губернаторского зама, Антон Тимофеевич пожалел, что позвонил ему, потратил время и, возможно, преждевременно «засветился». «Вот они, друзья-товарищи... Как получать пухлые конверты — они первые, а как конкретная помощь понадобилась — так в сторону шарахаются! — обозлился Самохвалов и окончательно задумался: — Что делать?» Действительно: что? И какая цена этому извечному вопросу? Ясно было одно: надо организовывать встречу с Шастиным и конкретно отблагодарить. Но как это сделать, если он совсем не знал Германа Львовича, и где встретиться: в бане, гостинице, ресторане? Или у себя, в комнате отдыха?! Наверное, это лучше всего. Потому что опасное дело всегда комфортнее провернуть на своей территории. Всё обдумав, он решил еще раз встретиться с Шастиным, не доверяя телефону.

Утром так и сделал: поехал пораньше в гостиницу и у окна в коридоре обговорил встречу, пригласив на ужин.

— Только не хотелось бы в вашем городе светиться! — предостерег Шастин.

— Можно в Елань махнуть, а еще лучше будет, если потолкуем у меня в кабинете после работы! Я к этому времени и подарок приготовлю... — Самохвалов в этот момент внимательно посмотрел на Шастина, пытаясь отгадать его реакцию, и, сомневаясь, уточнил: — Думаю, это не помешает?!

— Ну, если только совсем скромный, в рамках закона...

Самохвалов нарисовал на стекле пальцем сумму в «50 000» и спросил:

— Думаю, столько зеленых листьев не помешают нашей дружбе?!

— Как не стыдно, Антон Тимофеевич, зачем же вы ставите в такое неловкое положение...

— Уж извините, — улыбнулся Самохвалов улыбкой победителя в этом разговоре. — Мне очень и очень стыдно, но это тот самый стыд, который глаза не ест. К тому же наша встреча произошла так спонтанно. Так что вечером, думаю, у нас всё будет немного по-иному.

— Хорошо, — согласился Шастин, — только давайте перенесем наш ужин на завтрашний вечер. Будет пятница — хороший повод расслабиться перед выходным и оценить силу вашего зеленого листопада! Осталось уточнить: где и когда?

— Сразу после окончания рабочего дня в администрации.

— А может, все-таки в гостиничном ресторане посидим?

— Какой интерес на людях мелькать... А у меня прекрасная комната отдыха да и секретарь — подходящая девчонка. Зовут Леночка. Как увидите — закачаесть!

— Как бы головокружения от успехов не было! — усмехнулся Шастин, а Самохвалов поддакнул, тоже улыбнувшись:

— Как же, помню-помню... Мудрый был человек, Иосиф Виссарионович!

— Ладно. Тогда договорились: завтра в пять на вашей территории.

В администрацию Самохвалов отправился как на казнь. Когда же приехал, то деньги положил в сейф и вздохнул так, словно простился с ними. После этого не было никаких мыслей, будто так делал каждый день. Нет, конечно, не каждый, но время от времени приходилось. И почему-то так получалось, что не конкретные люди этому были виной, а сама ситуация, само время.

Ограничившись в обеденный перерыв бутербродами с кофе, Самохвалов позвонил Шастину и, поздоровавшись, спросил:

— Как настроение, Герман Львович?

— Настроение плановое...

— Может, пораньше подъедете?

— Нет-нет... Как договорились, встречаемся в семнадцать!

Самохвалов ни единой ноткой не выдал недовольства, понимая, что ему отводится второстепенная роль и его слово сейчас ничего не значит. Но все-таки дал понять, что хорошо понимает ситуацию, что настроен иронически и полон презрения к этому самому Шастину.

— Правда ваша, Герман Львович! — процедил он в трубку, сделав ударение на слове «Львович».

— Вот и хорошо... У меня к вам одна просьба, если, конечно, она вас не затруднит: со мной будут два моих товарища, которых неудобно бросать одних. Потянем такую нагрузку? — спросил Шастин, не особенно прислушиваясь к настроению Самохвалова.

— Нет вопросов! Только хотелось бы сперва встретиться с вами лично. Понимаете, о чем говорю?

— Вполне... На месте всё уладим.

Как же медленно тянулось для Самохвалова время после этого разговора, даже голова разболелась от мыслей. Пока управляющая делами со своей помощницей носила пакеты с продуктами, он хотел было спросить у секретаря каких-нибудь таблеток, но передумал и, чтобы совсем уж не закиснуть, глотнул рюмку коньяку и почти сразу вторую. Вскоре

голова просветлела. Чтобы не торчать в кресле, начал ходить по кабинету из угла в угол. Позвонил водителю и напомнил, чтобы тот вовремя съездил в карьероуправление и доставил гостей.

Ближе к концу рабочего дня неожиданно отвлек Немыкин, хотя Антон Тимофеевич не вызывал его. После стука в дверь, первой, как обычно, появилась немыкинская лысина, а после разрешения войти и сам он предстал — мнётся, стоит. Чего-то хочет сказать, а не решается.

— Говори, зачем пришел, если уж нарисовался!

— Тут такое дело... — замялся Александр Ильич. — Лаврик настаивает на том, чтобы памятные доски вернуть на место! А я не знаю, что делать?

— «Что делать?!» Вернуть — вот что делать! Только не сейчас, а как весна придет. Да, кстати, а доски-то отреставрировали?

— Пока нет...

— Тогда передай нашему дорогому Ефиму Константиновичу, чтобы он воду не мутит без нужды, а занялся делом! Да и отделу культуры здесь не помешало бы в этом поучаствовать! Да, да — лично вам, дорогой Ильич!

— В ближайшие дни обязательно этим займемся... Мне можно идти?

— Иди... — по-особенному зло приказал Самохвалов и подумал о Немыкине: «Дубина! Вот разберусь с Шастиным и погоню тебя в шею!»

В последнее время Антон Тимофеевич всё более ненавидел Немыкина, особенно, когда он выдал дочь за Игоря Севрюкова! Это сперва ошарашило, но потом Антон Тимофеевич даже радовался, что Лада вовремя раскусила прохвоста! Но каков Немыкин?! Вконец осмелел, всякое уважение потерял к тому, кто его кормит.

Когда подошла машина с гостями, Самохвалов собрался с духом и встретил их вместе с улыбающейся Леной в «предбаннике». Когда гости разделись, двоим из них Самохвалов открыл дверь в комнату отдыха, уставленную напитками и закусками, а Шастину дал знак, чтобы тот задержался.

— Маленький разговор есть, Герман Львович! Прошу! — указал Самохвалов на стул сбоку от своего стола.

— Мы одни? — присаживаясь, зачем-то спросил Шастин, а Самохвалов явно смутился в душе от его неуместного вопроса.

— Скелета в шкафу не держим! — постарался улыбнуться Антон Тимофеевич. — Ну, так что... — сказал он, словно спросил разрешения, и поспешно достал пачки с деньгами из

ящика стола, куда их упрятал заранее, и аккуратно положил перед Шастиным, как школьник кладет перед учителем тетрадку с домашним заданием.

— Сколько здесь?

— Как договаривались!

— Пятьдесят тысяч? — спросил Шастин, уточняя, и спросил, как показалось Самохвалову, пугающе громко — так, что даже в приемной, через две двери Лена могла услышать этот вопрос.

— Как договаривались... — шепнул Самохвалов.

— Какой вы скромник, Антон Тимофеевич... Пятьдесят так пятьдесят! — Он взял одну пачку, надорвал упаковку и высыпал купюры на стол... То же самое повторил и со второй пачкой.

Когда взялся за третью, Самохвалов попытался остановить:

— Что вы делаете?!

— Уже сделал, дорогой Антон Тимофеевич! Не повезло вам сегодня...

Шастин не успел договорить до конца, как из комнаты отдыха выскочили гости, а из приемной один за другим вошли еще несколько незнакомцев, и, лишь взглянув на них, Самохвалов всё понял. «Подстава!» — мелькнула опустошительная мысль. Когда же один из вошедших представился следователем губернской прокуратуры, Антон Тимофеевич перестал чувствовать себя... Всё, что потом происходило в кабинете, — происходило, как во сне, когда в присутствии откуда-то взявшихся понятых (одного из которых он сразу узнал, потому что Игоря Севрюкова не мог не узнать, и подумал: «Этот-то сучонок что тут делает?!») долго и нудно переписывали номера купюр, укладывали в пакет, потом опечатали и начали задавать какие-то вопросы; он что-то отвечал на них, чувствуя, что чем дольше говорит с окружающими ненавистными людьми, тем сильнее болит сердце.

Наверное, целый час продолжалась эта канитель, и в конце ее, заставив расписаться в какой-то бумаге, его повели на выход.

— Куда тянете?! — спросил он у Шастина.

— В губернию прокатимся, в следственном изоляторе немного отдохнете от трудов праведных!

На улице персональной машины Самохвалова не оказалось, зато стояли две другие иномарки с сильно тонированными стеклами, за которыми в салоне ничего не разглядеть, тем более что давно наступил вечер. Пока Самохвалов шел к ним, ему показалось, что весь Княжск сбежался посмотреть

на плененного главу района... Шастин уселся на переднее сиденье одной из машин, грузного Самохвалова затолкали на заднее и, словно оберегая, подхватили под руки. Иномарка лихо развернулась и покатила по княжским улицам, проседая на колдобинах. Когда выехали за город, один из сопровождавших толкнул Шастина:

— Герман Львович, возвращаться надо!

— Что такое?! — спросил Шастин, не повернувшись.

— Без сознания наш друг..

В первый момент, узнав о состоянии Самохвалова, Герман Львович всерьез растерялся, словно нарушился некий сценарий и теперь надо было действовать, что называется, с чистого листа, потому что никак и ни с кем не обговаривал подобную ситуацию заранее. До сего момента ему казалось, что его не самая привлекательная роль в этом деле вот-вот должна была закончиться, что, еще немного, и он мог бы с легкой душой доложить губернскому начальству об окончании своей миссии, от которой, признаваясь самому себе, устал до невозможности. И усталость эта была не физической, а иного рода. Она относилась к той непонятной усталости, которую не сразу замечаешь, даже не догадываешься, что она всю жизнь в тебе. Сперва она закреплялась в душе вместе с иными качествами, а потом, разрастаясь, подобно наглому кукушонку, попавшему в чужое гнездо, выталкивала всё и вся, не оставляя места ничему иному — только себе, любимой.

Что-то похожее происходило с Шастиним в последний месяц, когда его направили в Княжское карьероуправление с конкретной целью: *накопать* компромат на основного акционера карьеров, несмотря даже на то, что он является главным муниципалом в Княжске. Когда же такой компромат будет найден (в том, что это произойдет, никто и не сомневался), то надо будет грамотно подвести этого муниципала под какое-нибудь подсудное действие, и тогда ему ничего не останется, как добровольно от всего отказаться, а взамен получить самое главное — свободу. Разве это мало при такой короткой жизни, которая и без того быстротечна в нынешнее беспокойное время?! К моменту командировки в Княжск Шастина снабдили своеобразной объективкой на Антона Тимофеевича, в которой было отражено, когда и сколько он получил акций, какую имеет недвижимость, когда и какие приобретал машины, на кого из членов семьи они оформлены. В этом кондуите было отражено даже то, что нынешний управляющий карьерами Нистратов состоит в родстве с объектом разработки. По содержанию записей, по термино-

логии Шастин сразу понял, что составляли этот негласный документ весьма сведущие люди, имевшие свободный доступ к любой интересующей информации. Всё это так, но составители досье на Самохвалова работали по-особенному — этого не скрыть, и Шастин вполне понимал роль, которую расписали ему — налоговому из дальнего глухого района на востоке губернии, где даже Княжск выглядит столичным городом. Еще полгода назад он посчитал свалившимся счастьем приглашение на работу в губернию. Тогда оно показалось подарком с небес, но Шастин был немолод и давно усвоил, что бесплатных подарков не бывает, хотя давно ждал подобного предложения, потому что последние двенадцать лет исправно работал на своего негласного шефа из губернии. За эти годы узнал Ивана Ивановича, можно сказать, досконально. Слово он свое всегда выполнял, но только перед тем, кто ему был нужен. На территории района, где работал Шастин, Иван Иванович Кузьмичёв держал два деревообрабатывающих цеха со всем комплексом оборудования и широким ассортиментом *деревашек*, как они называли вагонку, брус и прочие изделия из хвойных пород, которых пока в тамошних районах хватит на долгие годы, если, конечно, других не подпускать. Они и не подпускали. Поэтому собственное производство с каждым годом расширялось, и не последнюю роль в этом играло ведомство Шастина, помогавшее своими незрячими при необходимости глазами процветанию цехов. Губернский человек это ценил, и, как всякий настоящий хозяин, всегда стремился развивать производство, не ограничиваясь *деревашками*. Поэтому, постепенно расширяя круг губернских знакомств, бывая в разных дружеских компаниях, он расчетливо заводил новые. Особенно это хорошо получалось, когда приезжал на охоту в Княжск. От тамошнего человека по фамилии Самохвалов многое узнал о карьерах, о соседнем цементном заводе, а как узнал, то в уме родилась хорошая рокировка: прибрать к рукам карьеры, а на место хлебосольного Антона Тимофеевича посадить Шастина. Так сказать: на княжение в Княжске! Однажды мелькнув, эта забавная тавтология задержалась, надолго застряла в голове, и теперь, чтобы ни делал Иван Иванович, всё делал, исходя из своего многоходового замысла. Когда же всё сложилось, он вызвал Шастина, и за обедом в ресторане прямо сказал:

— Пора тебе, Герман Львович в губернскую столицу перебираться, иначе совсем ты закиснешь в тамошних лесах!

— А *деревашки* на кого оставить?!

— Можешь ли ты на кого-то положиться, чтобы наше общее дело не загубил?

— Вы же знаете о моем заме... Надежный мужик, шалить не будет!

— Вот и хорошо... А если вдруг начнет шалить, то мы ему узду накинём. Строгую! Так и скажи ему!

В тот раз Кузьмичёв не объяснил, в чем будет заключаться намечающаяся работа, лишь сказал, что она будет профильной. И слово свое держал. Через два месяца Шастина действительно перевели в Елань и назначили начальником отдела в губернскую налоговую инспекцию, обеспечили служебным автотранспортом. Как особо ценному специалисту, распоряжением губернатора выделили квартиру для его небольшой семьи. Еще тогда Шастин понял, что всё это неспроста, что приглашение придется отрабатывать, но как, каким способом — было неясно. Но прояснилось, когда Шастина вызвал непосредственный начальник и поставил конкретную задачу: силами вверенного отдела провести комплексную проверку Княжского карьероуправления! Всё прояснил звонок Ивана Ивановича, который попросил после работы приехать к нему на дачу. Там-то Шастин окончательно понял и причину своего перевода в Елань, и теперешнее задание. Особенно, когда Кузьмичёв прямо сказал, плеснув виски в стакан Шастину:

— Никому не могу доверить это дело, только тебе, дорогой Герман Львович! К тому же должок теперь за тобой, а долги принято отдавать. Или отрабатывать!

— Нет проблем! — легко и охотно, уловив тон покровителя, отозвался Шастин, а про себя, иронизируя и издеваясь над самим собой, трижды послушно гавкнул, принимая команду: «Гав, гав, гав!»

— Вот и прекрасно! Выполнишь — получишь продвижение по службе. В скором времени мы будем менять *зама* в вашем управлении, так что у тебя есть прекрасная перспектива!

Все эти воспоминания и рассуждения мелькали в голове Германа Львовича, когда, сдав Самохвалова в больницу, он позвонил Ивану Ивановичу, объяснил суть происшествия, и сразу услышал грозное приказание:

— Немедленно ко мне!

В Елани, на площади Согласия, Герман Львович расстался с двумя сопровождавшими и вскоре остановился у главного подъезда старинного особняка, где размещалась губернская администрация. Герман Львович торопливо пробежал мимо дежурного милиционера, поднялся на третий этаж и постучал в высокую дверь знакомого кабинета. Хотя на стук никто не ответил, но Шастин и не ожидал приглашения; сек-

ретарь Кузьмичёва наверняка отправилась домой, а ее хозяин, конечно же, не будет дежурить у двери приемной. Миновав «предбанник» и слегка стукнув в дверь, Шастин заглянул в кабинет Кузьмичёва, тот поманил:

— Заходи, не торчи под дверью.

Герман Львович положил на стол целлофановый пакет и папку с бумагами.

— Что это? — спросил Кузьмичёв и отодвинулся от предметов, будто они были радиоактивными.

— В пакете пятьдесят *тонн* баксов от нашего друга, а в папке протокол его задержания.

— Ну и зачем ты мне это приволок?!

— Не домой же к себе везти, и не в прокуратуру, где сразу за это ухватятся!

— Поменьше... — Кузьмичёв показал на собственный язык и потрепал им: мол, не болтай лишнего. — Что с нашим другом приключилось?

— Слабаком оказался. Сознание в машине потерял. Сердечный приступ.

— Откачали?

— Больница близко была. Врач сказал, что вовремя привезли.

— Как немного оклемается, продолжай с ним работу по полной программе. Теперь ему и деваться некуда, когда жизнь была на волоске, а за жизнь ведь каждая букашка цепляется! А сейчас езжай домой и отоспись хорошенько, а то у тебя глаза, как у рака вареного! — по-отечески сказал Кузьмичёв и подал руку Герману Львовичу. Когда тот повернулся, чтобы уйти, остановил: — Погоди! А это кому? — И указал на пакет и папку. — Как принес, так и забирай. Мне такого богатства не надо. Верни его нашему другу, если, конечно, будет хорошо вести себя. Пригодится на лечение.

Самохвалов по-настоящему пришел в себя лишь под утро. Только тогда понял, что находится в больничной палате, что лежит на высокой кровати, и к носу тянутся две красные трубки, а на левой руке изогнулась такая же трубка от капельницы. Он в какой-то момент даже засмотрелся на бесконечный водопад капель, вытянувшихся почти в струйку, а о боли в груди вспомнил только тогда, когда слегка шевелился, меняя положение. Почему-то именно в этот момент захотелось узнать, как он попал сюда, знает ли об этом Оля? Чем больше было вопросов, тем меньше оставалось сил, чтобы позвать кого-нибудь, спросить обо всем, что в эти минуты волновало, но не оказалось рядом такого человека, и незаметно он

опять впал в забытье... Открыл глаза, когда за окном вполне рассвело, а в углу окна сверкало солнце. Трубок в носу уже не было, но игла капельницы, прихваченная пластырем, по-прежнему висела на руке. Но не это удивило или обрадовало, а фигура женщины в халате салатного цвета, вполоборота повернутая к стеклянному столику. Не видя лица женщины, он заметил, как она ловко что-то перекладывала на столике, мелькая розовыми пальчиками, при этом совсем не обращая на него внимания.

— Вы кто? — спросил Самохвалов и не узнал своего голоса, показавшимся до неузнаваемости слабым и сиплым.

— Проснулись, Антон Тимофеевич?! — повернулась женщина. — Я — дежурная медсестра.

— Где я? Что со мной?

— Вы в 1-й княжеской больнице. Ничего страшного с вами не случилось... Небольшой сердечный приступ на фоне накопившейся усталости.

— Дома знают?

— Да... Вечером приходила ваша супруга, но будить вас не стали.

Лишь по истечению пятых суток его перевели из реанимации в палату, где началась новая жизнь, и он начал постоянно встречаться с Ольгой Сергеевной, у которой теперь была в распоряжении служебная машина мужа. А главное — увидел пришедшую навестить Ладу. Собиралась она к нему, правда, без особенного энтузиазма, хотя и не настраивала себя ни на что плохое. Отца действительно хотелось увидеть, сказать теплые слова, помочь своим присутствием. Ведь она еще сама не до конца выздоровела, не могла резко повернуться, да и походка далека от прежней: почему-то, как ни старалась держаться прямо, а всё равно пока ходила одним плечом вперед, отчего вид ее, особенно издали, казался угрожающим.

И все-таки сегодня Лада стала иная. И произошло это полчаса назад, когда она побывала у гинеколога и врач подтвердила ее догадки, сказав, что она беременна, даже примерный срок назвала: четыре-пять недель. И от ее слов, оттого, что догадки превратились в реальность, оттого, что она скоро станет матерью, Лада забыла о собственных болячках.

С этим настроением и появилась у отца, заранее договорившись с матерью, чтобы и она в этот момент находилась у него. Лада понимала, что совершенно не знала, о чем говорить наедине с больным отцом, как вести себя с ним — она его и больным-то не представляла, потому что никогда прежде не видела его беспомощно лежащим в постели; он даже гриппом никогда не болел.

И вот она перед палатой, и, слегка постучав, услышала возглас: «Да-да...» Заглянула в дверь, а уж мать поднялась шагнула навстречу.

— Проходи, дочка! — Ольга Сергеевна услужливо подала табуретку.

Лада положила на прикроватную тумбочку цветы, подошла к Антону Тимофеевичу, поцеловала в щеку и тихо, почти испуганно сказала, едва узнав в бледном, осунувшемся человеке отца:

— Здравствуй, пап! Как ты тут?

Прежде чем ответить, Самохвалов во все глаза рассматрел дочь, словно не видел ее давным-давно, а потом, спохватившись, указал на табуретку:

— Присядь... У меня дела на поправку идут, а как у тебя? Сама дошла?

— Твой Максим довед...

— Вот и хорошо... — Самохвалов замолчал, потянулся к руке дочери и осторожно взял, словно хотел почувствовать ее тепло.

Продолжая держать руку, Антон Тимофеевич закрыл глаза, а когда открыл их, то они оказались полными слез, а губы непроизвольно скривились в горестной гримасе.

— Прости меня! — не сразу сказал Самохвалов и, внимательно посмотрев на дочь, свободной рукой смахнул слезы.

— Пап, ты о чем? — перепугалась Лада и глянула на мать, мывшую посуду.

— Ты знаешь о чем...

— Ладно, пап! Это давно проехали — вперед надо смотреть.

К ним подошла Ольга Сергеевна, заметив покрасневшие глаза мужа, спросила, не зная причину его слез:

— Ты чего это, отец, расквасился-то?! Ты это прекращай! Не девица красная!

Когда, расцеловавшись на прощание с отцом, Лада собралась уходить, Ольга Сергеевна вышла из палаты вместе с ней, тихо спросила:

— Была у врача? — И, увидев кивок дочери, уточнила: — Подтвердилось?

— Да, мам! Я же не шутила!

— Ну, ладно... — неопределенно сказала Ольга Сергеевна. — Иди домой.

Долгожданный, но и неожиданный визит дочери заставил Антона Тимофеевича по-иному посмотреть на всё, что происходило в их семье прежде. И трогательная забота Лады, и

его слезы смешались в единое родственное чувство, которое стало совершенно иным, чем прежде, хотя формально вроде бы ничего не изменилось.

Он еще более укрепил в себе это новое чувство, когда Ольга Сергеевна рассказала, осторожно заглядывая в глаза, о беременности Лады, о Николае. Говорила осторожно, не зная, как воспримет известие муж, но все-таки не смогла схоронить в себе эту новость, скрывать которую теперь не имело смысла.

— Так что, дорогой Антон Тимофеевич, скоро станем дедом и бабкой! — повеселела Ольга Сергеевна, поправляя мужу высокую подушку.

— Ну и дай бог! Когда-то это должно было случиться.

После ухода жены, Самохвалов так расчувствовался, вспоминая Шишкина, что даже захотел увидеть его поближе, заглянуть в глаза — рассмотреть по-настоящему и пожать руку, сказать, когда остались бы одни: «Прости, брат!» И, подумав так, подумал еще и о том стремительном изменении в собственном сознании, когда человек, на которого еще недавно не мог смотреть, вдруг стал чуть ли не самым дорогим на свете. Вот что жизнь делает, вот как она крутит-вертит людьми!

Самохвалов теперь радовался свалившемуся одиночеству, когда было вдоволь времени на размышления о том, что ждало впереди, потому что история с проверкой, чувствовал он, не закончилась, а лишь по-настоящему начиналась. И это походило на правду, даже если навещавший Нистратов ничего нового не говорил; в такие моменты Самохвалову казалось, что Алексей что-то трусливо умалчивает. Пытаясь представить развитие ситуации, Самохвалов просчитывал разные варианты, и всё более склонялся к тому, что его, в конце концов, оставят в покое, и жизнь будет течь своим чередом. Ведь ребята свое получили, и вполне можно предположить, что теперь они вряд ли будут мелькать перед глазами. Хотя бы до следующей проверки.

Очнулся Самохвалов от тихого голоса дежурной медсестры.

— Антон Тимофеевич, Антон Тимофеевич! — звала она. — К вам посетители!

Самохвалов не сразу сообразил, кто это мог навестить, потому что Нистратов всегда предупреждал по телефону, Лаврик ни разу носа в больницу не показал, Лада только была. И тут Антон Тимофеевич вспомнил Шастина.

— Пусть заходят, если пришли! — сказал Самохвалов медсестре, и та пропала за широко растворившейся дверью, в проеме которой показался прилизанный Шастин и еще двое человек: все в костюмах, при галстуках. И сразу палата оказалась тесной.

— Приветствуем вас, Антон Тимофеевич! — поздоровался Герман Львович и пожал протянутую Самохваловым руку.

Когда Самохвалов поздоровался со всеми, Шастин поставил рядом с тумбочкой угловатый бумажный пакет с белыми тесемочками вместо ручек:

— Это вам! Здесь фрукты, шоколад, икорка — вдруг захочется солененького или сладенького.

— Врачи запрещают и то, и другое!

— Немножко можно... Даже яд змеиный принимают, лишь бы помог исцелению. А у вас оно будет долгим, к сожалению! Не жалели вы себя, Антон Тимофеевич, надорвались непосильными трудами. Теперь самое время подумать о собственном здоровье и своем будущем. С этим и пришли к вам, чтобы обсудить, как это сделать с наименьшими для вас потерями.

Двое крепких ребят после этих слов Шастина разделились: один остался у двери, а другой подошел к окну, присел на подоконник. И эти их заученные действия и слова Шастина, а более — интонация, с какой он говорил, сразу не понравились Самохвалову, и стало ясно: не для того они завалились в палату, чтобы пролить слезы утешения и сочувствия. И подумав так, Самохвалов почувствовал, как тяжело отозвалось сердце на нерадостное предчувствие.

— Говори уж сразу, с чем пожаловал, Герман Львович!

— Вот и хорошо, Антон Тимофеевич, что остался таким же решительным... Быть может, сейчас и не время говорить об этом и место не очень-то подходящее, но время, время... Оно поджимает, и поэтому есть необходимость не затягивать с принятием решения. А оно нам видится таким. Поясню. Результаты проверки вашего предприятия, а также материалы по факту дачи вами взятки зафиксированы на видео, а также имеется аудиозапись наших с вами бесед — всё это находится в предбаннике губернского прокурора, и, сами понимаете, сейчас всё зависит от вас: будет дан им ход или они бесследно и навсегда исчезнут.

— Что мне нужно сделать для этого?

— Продать нам контрольный пакет акций, владельцем которого вы являетесь!

— А остальные держатели?

— Это не ваша забота, Антон Тимофеевич!

— Значит, на хохряк берете!

— Ну это уж как угодно называйте... Для нас главное, что на вас есть компрометирующие материалы, на основании которых, если, конечно, будете упрямитесь, вам вполне можно обеспечить незавидное будущее: следствие, суд и тюрьма. В общем, ничего нового. Вам это нужно с вашим слабым сердцем?!

Самохвалов закрыл глаза, потому что не мог смотреть на Шастина, на его лицо, показавшееся сейчас особенно хищным, и захотелось врезать по его остроносой физиономии.

— Денег-то хватит выкупить?

— С этим проблем нет, если учесть, что акции вашего предприятия в последние месяцы почему-то очень сильно упали в цене! Вы не догадываетесь — почему?

— Догадаться несложно... Мировой кризис!

— Не только...

— На кого будете оформлять?

— Не на себя же... Есть люди... Мы это сделаем быстро. Правда, Александр Александрович? — обратился Шастин к мужчине, стоящему у окна. — Кстати: Александр Александрович — опытный нотариус и совершит все необходимые действия сейчас же. Нужна только ваша добрая воля, Антон Тимофеевич!

Самохвалов повторно закрыл глаза, и все увидели, как из-под закрытых век показались слезы. Но успокаивать его никто не собирался. Все трое дождались, когда он отдышится, вытрет слезы и скажет как в пустоту:

— Ваша взяла... Где деньги, и сколько?

— Вот они... — Шастин раскрыл портфель, достал прямоугольный пакет. — Здесь ровно столько, сколько вы пожертвовали на взятку, но в рублях по сегодняшнему курсу. Вам и по обменникам бегать не надо. Так что вы, дорогой Антон Тимофеевич, ничего не теряете!

— Ну, вы и хамы! — не сдержался Самохвалов. — За мои же деньги покупаете меня с потрохами! Да разве столько стоит мой пакет акций?

— Какой вы все-таки неблагодарный, Антон Тимофеевич... Мы к вам по-доброму, а вы артачитесь, не понимаете, что эти деньги вам пригодятся на лечение. Так что вам теперь не о чем заботиться. Даже более того: если будете правильно вести себя, поможем оформить инвалидность, станете Почетным гражданином Княжска! Чем не жизнь! Живи на всем готовом, пописывай стишки — вы ведь равнодушны к поэзии, не так ли? Поможем издать книгу, какую-нибудь литературную премию за нее отхватите между делом! Ну, разве не заманчиво вести тихую жизнь уважаемого, обеспеченного человека? И никому никакого дела не будет до ваших квартир в Княжске и Москве, до гаражей, о наличке, которую вы наверняка, как запасливый Буратино, закопали на даче. Забудем и ваши иномарки, которых у вас зачем-то две, и оформлены они на дочь и жену. Вы разве не знали об этом, или забыли?

— А если я все-таки не захочу правильно вести себя?

— Лишитесь всего: и свободы, и имущества! Так что не дуркуйте и будьте благоразумны! — Сказав это, Шастин зло посмотрел Самохвалову в глаза, и Антон Тимофеевич не смог выдержать его пронзительного и холодного взгляда.

— Ладно, валяйте!

— Вот и ладушки... Времени это много не займет. Всего-то и надо оставить оригинал вашей скромной фамилии на скромной бумажке... Александр Александрович, приступайте! — приказал Герман Львович и уступил место на табуретке подельнику.

Крепкий на вид человек, которого Шастин назвал нотариусом, быстро оказался около Самохвалова, открыл портфель и достал папку, а из нее выудил несколько файлов с нужными бумагами. Попросив сесть поудобнее, он предложил Самохвалову поставить подписи, сказав при этом:

— Не торопитесь, дорогой Антон Тимофеевич, и не волнуйтесь, а спокойно дарите свою красивую подпись. Считайте, что оставляете автографы благодарным почитателям вашей прекрасной поэзии.

Всё подписав, Самохвалов откинулся на подушку:

— Вы этого добивались? Я свободен?

— Благодарим, Антон Тимофеевич, больше вопросов не имеем, а имеется пожелание: деньги уберите в тумбочку.

— Разве это деньги?! — через силу ухмыльнулся Самохвалов и махнул рукой, словно сказал: «Валите отсюда!»

Как только гости ушли, он убрал пакет с деньгами под подушку, а потом минут пять лежал без движения, и так и этак обдумывая случившееся. Ведь чего-чего, а такого поворота событий он не ожидал даже и тогда, когда его *накрыли* с дачей взятки. Сперва первой мыслью была мысль о том, что мало дал, что у кого-то сильно разыгрался аппетит, но, оказывается, ошибся. Аппетит у кого-то стал таким, что из-за собственного обжорства он готов всех проглотить, кто мелькнет на горизонте еще до того, как попытается помешать. Ведь он, Самохвалов, никому не мешал, а всего лишь появился на горизонте — и вот, пожалуйста, чем это закончилось. Очень культурно *развели* и заставили расписаться против себя, по существу — в своей бессилии перед кем-то могущественным, для которого и сам Самохвалов и его карьеры — пылинки в глазу. И никого теперь не интересуют его мечты о расширении добычи, о строительстве новых карьеров на тех пятистах гектарах, которые еще лет семь назад принадлежали крестьянам пригородного совхоза, полученных ими в виде

паёв и своевременно выкупленных у них Самохваловым, можно сказать, за гроши. Гектары эти раскинулись ниже по течению Княжи, и Антон Тимофеевич знал по данным геологоразведки, известным еще с советского времени, что под толщей пахотной, но заросшей земли находится огромный массив известняка, разработкой которого в свое время не успели заняться — помешала перестройка. И неспроста в ближайшие годы Самохвалов вплотную решил освоить эту площадь, зная, по предварительной договоренности, что соседний цемзавод тоже наметил расширение производства... Видимо, кто-то где-то это услышал, до кого-то дошли слухи — и вот, пожалуйста: случилось то, что случилось. И все-таки Самохвалову не хотелось выйти из дела без боя. Он позвонил заместителю губернатора, зная, что у того имеется часть акций карьероуправления, которые в свое время Самохвалов раздавал нужным людям в губернии и районе (Лаврик и Немыкин — в их числе). Конечно, надо бы самому появиться в Елани, но из-за болезни это невозможно. Оставалось поговорить с губернским чиновником по телефону, пусть и намеками. Но, позвонив ему, вместо хоть какого-то понимания и сочувствия услышал грозный официальный окрик Кузьмичёва:

— Антон Тимофеевич! Пожалуйста, более не беспокойте своим нытьем! Благодарите судьбу, что случилось так, как случилось. Всего доброго!

Самохвалов невольно подумал: «Всё заранее просчитали и приготовили, даже не постеснялись больного взять за кадык! А может, это дело рук самого губернаторского зама? А что — очень похоже! Если это так, то тогда земли под карьеры вы от меня не увидите. Ни за какие деньги не продам! — С затаенной радостью подумал Антон Тимофеевич, но почти сразу же проглотил свою радость, когда вспомнил ушедших гостей. — Продам, конечно, продам, и за копейки!» И сделалось так обидно, что не передать словами. Но если уходит из рук главное, то надо хотя бы сохранить, что осталось, резонно решил он и, вспомнив о векселях, которые легко могут уплыть, стоит лишь новому руководству заблокировать банковские счета, позвонил Нистратову и приказал ему:

— Срочно, сейчас же напиши письмо для Сбербанка на погашение векселей и доверенность на имя моей дочери, оформи всё, как полагается, и доставь мне! Для этого свяжись с Ольгой Сергеевной, она продиктует тебе паспортные данные Лады, а также сумму каждого векселя. Понял?

— Чего же не понять...

Не зная, сколько придется ждать Нистратова, Антон Тимофеевич связался с женой:

— Сейчас позвонит Алексей, выполни всё, о чем он попросит. Векселя в сейфе, а паспорт у Лады, надеюсь, на месте. А после приезжай пораньше, не задерживайся!

Прошло немало времени, прежде чем явился Нистратов.

— Сделал? — нетерпеливо спросил Самохвалов.

— Вот... — положил Алексей Леонидович файл с бумагами на тумбочку, а Самохвалов подсказал:

— Внутрь убери!

Немного поговорив о делах, о недавних проверяющих, которых, оказывается, и след простыл, Антон Тимофеевич сказал:

— Ладно, иди... Держи меня в курсе всего, что происходит.

Нистратов ушел, а Самохвалов закрыл глаза, даже попытался заснуть, но почти сразу кто-то раз за разом толкнул в плечо. Глаза растворил, а это Ольга Сергеевна с Ладой стоят, улыбаются. Глядя на них, и он невольно улыбнулся.

— Явились! — спросил, будто не верил своим глазам, и почему-то более смотрел на Ладу, пытаюсь найти изменения в ее внешности. Не найди, спросил: — Какие новости, дочь?

— Особенных нет, выздоравливаю помаленьку...

Ольга Сергеевна не выдержала, попросила дочь:

— Расскажи, расскажи — чего уж теперь скрывать!

— Я и не скрываю: что есть, то есть! Не пройдет и года, дорогой Антон Тимофеевич, как ты станешь дедушкой!

— Отец-то кто? Шишкин?

— Кто же еще!

— Ну и дай Бог! Живите вместе, вы нам с Ольгой Сергеевной не помешаете!

— Мне скоро в Москву возвращаться... Ты разве забыл, что я, между прочим, работаю!

— Николая-то с собой возьмешь?

— Конечно. Чего же ему в общезнанию болтаться?

— Привет ему передавай, не забудь!

— Пап, обязательно! Даже поцелую за тебя! Можно?

— Хоть сто раз, лишь бы на пользу пошло! — краешком губ улыбнулся Самохвалов и махнул обеим, словно подталкивал к выходу. — Ладно, идите, сороки, да будьте внимательными, смотрите, чтобы хищный ястреб не налетел!

Он хотя и поторапливал их, но, оставшись один на один с гнетущими мыслями, почувствовал себя неуютно. Почему-то начала вспоминаться жизнь с молодых лет, когда он — парнишка из прибайкальского села — пробивал себе дорогу в жизни. Как, поработав на угольном разрезе стропальщиком и отслужив в армии, пытался завоевать Москву и даже сделал первый шаг, послав на творческий конкурс в Литинститут первые стихи, опубликованные в местной «районке».

Долго ждал вызова на экзамены, но так и не дождался. Потом ещё что-то вспомнил и почувствовал, как участилось сердцебиение, как трудно стало дышать и почему-то сразу и обильно вспотел... Он сделал усилие, приподнялся на подушке и вдруг почувствовал тонкую, острую боль в сердце, как в тот раз, в машине, будто по нему резанули опасной бритвой... Оставаясь в сознании, он отчаянно пытался дотянуться до кнопки вызова дежурной медсестры, но не успел, потому что бледная рука его повисла на полпути и резко опустилась, а сам он лишь успел подумать: «Вот и конец...»

В положении последнего, отчаянного порыва и обнаружила застывшего Самохвалова дежурный врач ночной смены, делавшая вечерний обход палат. Посовещавшись по телефону с главврачом больницы, она позвонила Ольге Сергеевне, а главврач тотчас довел скорбную весть до Ефима Лаврика, спеша первым сообщить о кончине главы района.

Весть о кончине Самохвалова для простых княжских людей пришла так неожиданно, что осталась почти незамеченной. Лишь некоторые, особенно сердобольные, сетовали на судьбу, не позволившую Антону Тимофеевичу дожить до пятидесяти.

— Вот она, власть-то, до чего доводит! — говорил иной горожанин.

Совсем иначе эту весть восприняли в Княжской администрации.

В первое же утро, отправив официальную телефонограмму в Елань с сообщением о преждевременной кончине Самохвалова, Лаврик собрал актив и провел совещание, на котором довел до сослуживцев печальную новость. На совещании распределили роли на предстоящих похоронах, обговорили вопросы, связанные с церковной и гражданской панихидами, с транспортом, питанием и размещением губернских представителей и иными, более мелкими задачами. В заключение Ефим Константинович напомнил, что до новых, внеочередных выборов в местное законодательное собрание, день которых официально назначит районная дума, он обязан исполнять обязанности главы муниципального района.

Кто бы спорил. Уж о чём, о чём, а об этом положении в администрации знал самый мелкий чиновник. Так что повода для пустых разговоров не было, а Лаврик их никому не давал. Объявив закрытым заседание штаба по проведению похорон, как он громко обозначил планерку, Лаврик покинул конференц-зал, вернулся в приемную. Когда проходил мимо опечатанного кабинета Самохвалова, горделиво поду-

мал: «Немного терпения, дорогой Ефим Константинович, и будешь ты первым лицом большого района, далеко не последнего в губернии!»

Водитель Антона Тимофеевича сразу перешел в его распоряжение. Еще утром, как только тот появился в приемной у секретаря, то Лаврик первым делом, пригласив к себе в кабинет, озвучил свое распоряжение:

— Отныне вы будете моим водителем! Вас, кажется, Максимом зовут? — уточнил он, хотя прекрасно знал имя самохваловского водителя.

— Да — Максим Зарубин... А машина какая будет?

— Та самая, на которой вы ездили до сегодняшнего дня! Вопросы есть?

— Более нет.

— Тогда побудьте в приемной!

Обговорив после планерки со своим заместителем текущие дела, через полчаса Лаврик взял курс на Елань, в губернскую администрацию, узнав у тамошнего секретаря о возможной встрече с главным губернским администратором. Хотя его никто не вызывал и не приглашал, но ехал он смело, понимая, что появился весьма подходящий повод показаться губернскому начальству.

С главой администрации Петровым — крупным, представительным мужчиной, бывшим когда-то директором совхоза и считавшийся крепким хозяйственником, — Лаврик встретился в приемной в тот момент, когда тот, в распахнутой дубленке и с норковой шапкой в руке, собирался на выход и о чем-то говорил с секретарем... Увидев невысокого, носатого Лаврика, комично улыбнулся, спросил:

— Вы, кажется, из Княжска?

— Так точно, Павел Алексеевич! — по-военному ответил Лаврик.

— Но на сегодня у нас с вами не запланировано встречи? Или я ошибаюсь? — посмотрел Петров на секретаря.

— Вы правы — такая встреча не намечалась... — подтвердила та.

— Форс-мажорные обстоятельства! — поспешил Лаврик вставить словечко.

— Это вы о Самохвалове?

— Так точно!

— Что ж, решение по этому поводу уже принято... На похороны прибудет заместитель губернатора — Кузьмичёв. Так что беспокоиться не надо! — Петров нахмурился, колюче посмотрел на гостя. — Поэтому смело возвращайтесь в Княжск и лично обещайте всю необходимую подготовку к завтрашней церемонии.

Лаврик попытался лично пригласить Петрова, но тот не дал ему договорить, едва тот заикнулся о приглашении:

— Всё решено, Ефим... Константинович, — замылся и повторил Петров отчество Лаврика, когда тот ему напомнил его, — лишние слова ни к чему! — и подал, прощаясь, руку.

Ехать до Княжска недолго, но Лаврик о многом успел передумать. И думал он не о завтрашних похоронах Самохвалова, а о том, как грамотно провести предстоящую избирательную кампанию. И если за своих людей он не переживал — тем всё равно кому служить, то отношение со стороны губернии волновало. Ведь запросто кого-нибудь могут навязать. Неспроста расправились с Самохваловым, на дачу взятки развели... Значит, не зря всё затеяли. Расправились, акции отняли — знакомые из депозитария шепнули — теперь ведь и за Лаврика примутся. Ефим Константинович в этот момент рассуждал о себе в третьем лице, словно оценивал ситуацию со стороны, хотя наперед знал, что и не подумает артачиться — легко отдаст свои несчастные семь процентов. Бог с ними! Главное, чтобы у власти оставили. А будет у власти, то найдет способ, как вернуть отнятое!

Появившись в администрации, Лаврик собрал замов, вызвал Гунько, Немыкина и заслушал ход подготовки к завтрашним похоронам. Обсудили каждый пункт и, посоветовавшись, по настоянию Лаврика решили не проводить гражданской панихиды во Дворце культуры, а ограничиться церковным отпеванием, потому что оно даже ближе простым гражданам, чем стандартные речи чиновников. И еще один существенный вопрос обсудили, хотя Гунько и воспротивился, когда Лаврик предложил провести похороны на новой территории кладбища, а не рядом с воротами кладбища, где захоронение выглядело бы более авторитетно.

— Прошли дикие времена, господа хорошие! Пора по-новому мыслить и поступать соответствующе!

— Так ведь могила-то уж готова! — возмутился главный районный милиционер.

— Засыпать сегодня же, сейчас! А к завтрашнему дню приготовить новую, на общих основаниях. Тем самым дадим понять людям, что власть в нашем районе самая настоящая, демократичная, и перед законом у нас все равны!

В семье Самохваловых в последние сутки всё смешалось. Хотя вчера Лаврик лично сказал Ольге Сергеевне, что все хлопоты по организации похорон берет на себя администрация, но домашних забот от этого не убавилось, особенно, когда к ночи приехали родственники Антона Тимофеевича с

Байкала. Если родственники Ольги Сергеевны были местными, то сибиряки сразу заполнили всю квартиру. Было их шесть или семь — сразу не сосчитать, потому что кто-то из них уходил, другой приходил, и от этого их количество казалось намного большим, тем более что к ним присоединился Нистратов. И сама Ольга Сергеевна, и Лада, и Николай сразу затерялись в этой суете, лишь Вера Павловна, днем прибывшая из Москвы, сразу нашла общий язык с гостями, потому что считала себя коренной сибирячкой.

Ольга Сергеевна почти не ввязывалась в их разговор. У нее другое было на уме: как накормить гостей, устроить на ночлег?! Когда сибиряки шумно, с обильной выпивкой поужинали, рюмка за рюмкой поминая усопшего, вопрос с ночевкой разрешился сам собой, стоило лишь гостям услышать, что придется им спать на полу.

— Мы, дорогая хозяйюшка, в гостинице обоснуемся. Так что пусть голова не болит о нас!

Когда же они попросались до утра, хозяйка начала убирать со стола и помогали ей в этом Вера Павловна и Лада. Николай же слонялся без дела и чувствовал себя необыкновенно чужим в этом доме, к которому он так пока и не привык. К тому же допекала не в меру любопытная Вера Павловна, почему-то решившая с первых минут, что должна, просто обязана, всё знать о зяте Ольги Сергеевны. И когда это любопытство надоело не только Николаю, но и Ладе, то она заступилась за него.

— Вера Павловна, вы ничего не услышите от Николая. Он такой молчун, каких поискать! Правду я говорю? — спросила Лада у Шишкина, и тот лишь благодарно посмотрел в ответ.

Мало-помалу все угомонились, укладываясь на ночлег, разошлись по комнатам, и Ольга Сергеевна, наверное, впервые за последние сутки осталась одна, вдруг почувствовав себя необыкновенно одинокой в своей большой и пока населенной квартире. А что будет, когда Лада с Николаем уедут? Что тогда делать?

Под эти неуютные мысли Ольга Сергеевна все-таки задремала, а проснулась от внутреннего толчка, заставившего вспомнить последние события. И с этой минуты время потекло совершенно по-особенному, будто по кем-то заранее установленному порядку. Она быстро оделась, отправилась в кухню. Вскоре позвонили из администрации, сказав, что *тело* Антона Тимофеевича привезут в церковь к десяти утра, и что раньше этого времени родственникам там делать нечего.

Вскоре проснулись и Вера Павловна, и Лада с Николаем. Все собрались в кухне, осунувшаяся Ольга Сергеевна при-

готовила легкий завтрак, состоявший из бутербродов, но никто почти ничего не ел, только Николай торопливо проглотил бутерброд и выпил большую чашку крепкого кофе, а женщины выпили чаю. Чуть позже позвонили сибиряки и доложили, что готовы к выходу, и Ольга Сергеевна договорилась с ними, чтобы те подходили к городскому храму к десяти. Она попросила об этом, а самой окончательно не верилось, что всё, что бы она сейчас ни делала, что бы ни говорила — всё это происходит наяву.

За пять минут они доехали до храма, у которого уже стояла машина-катафалк, два автобуса, а у входа курили сибиряки. Поздоровались. Сибиряки сказали, что гроб уже привезли, и Ольга Сергеевна вместе с дочерью вошли в храм, за ними потянулись остальные родственники. Антон Тимофеевич показался Ольге Сергеевне неузнаваемо высохшим, словно после долгой болезни, а серое его лицо глянулось таким чужим, что сперва даже не верилось, что это ее муж, с которым она прожила почти четверть века, и от которого теперь никогда не услышит ни единого словечка.

Вскоре в сопровождении Лаврика появились новые люди, не обращавшие ни на кого внимания, и как только они встали около гроба, то из-за царских врат вышел священник и приступил к чину отпевания. Вскоре к нему присоединился второй, и они, словно соревнуясь в красноречии, совместно вели заупокойную службу. Лада смотрела на отца, и мысли ее наскакивали одна на другую, и чем более они одолевали, тем горестнее становилось на душе. В конце концов, она не сдержалась, задыхнулась от слез. Стоявший рядом Николай это заметил, подхватил Ладу под руку, словно остерегался, что она может пошатнуться. Он тоже смотрел на застывшее лицо Антона Тимофеевича, но вспоминал свою мать, которую похоронил полтора месяца назад.

Ефим Лаврик, как и подобает местному чиновнику, всё отпевание копировал движения высокопоставленного гостя из губернии. Если кто-либо внимательно посмотрел со стороны, то мог бы заметить, что молятся они почти синхронно, словно всю жизнь совместно посещали храм. Правда, Кузьмичёв мало обращал внимания на Лаврика, а более был расположен к начальнику местной милиции Гунько — старому знакомому. Поэтому ничего не было удивительного в том, что они стояли вместе, изредка о чем-то переговариваясь. Иногда за их спинами появлялся вспотевший Немыкин, лысина которого светилась от бликов горящих свечей. Впрочем, надолго у губернского гостя он не задерживался. Постоит рядышком с ним — и назад, к Лаврику, рядом с которым стол-

бом стоял мэр Княжска — Афанасьев. А Немыкин мелькнет перед Ефимом Константиновичем, что-нибудь шепнет ему, чтобы тот знал, что он, Немыкин, рядом и никогда не предаст его, — и назад, к Ивану Ивановичу и Гунько.

После отпевания траурная процессия отправилась на кладбище. Правда, Иван Иванович, сославшись на неотложные губернские дела, сразу отбыл в Елань, поэтому Лаврику пришлось лично возглавить траурную процессию. Когда же Лаврик сказал над гробом с Самохваловым прощальное слово, а священник пропел «Вечную память», то все, кто желал, простились с Антоном Тимофеевичем, кинули в могилу по горсти земли, после чего местные мастера в минуты засыпали могилу. Провожавшие, немного постояв над глинистым холмиком, смешанным со снегом, потянулись гуськом к автобусам.

Лишь Николай отстал и придерживал Ладу. Когда она посмотрела на него заплаканными глазами, то в них сквозил немой вопрос.

— Посмотри сюда... — указал Шишкин на занесенную снегом могилку с временным деревянным крестом и такой же табличкой, как у ее отца, на которой значилась фамилия его матери.

Прочитав надпись, Лада вздохнула:

— Вот и хорошо, что они рядом упокоились... Будем чаще навещать!

— Да, — согласился Николай, весной надо будет поставить им памятники, чтобы всё по-человечески было.

После шумного поминального обеда в конференц-зале районной администрации народ стал разъезжаться. И сибирияки в том числе, и Вера Павловна, напомнившая Ладе:

— И ты не задерживайся! Засиживаться дома — ничего хорошего, квалификацию потеряешь!

— Меня скоро так и так выпишут с больничного. Так что приедем с Николаем!

— Вот и молодцы! Я и ему работу присматриваю!

Когда все разъехались, Николай разобрал и вынес на лоджию дополнительный стол, женщины перемыли посуду. Ольга Сергеевна было затеяла чаепитие, но молодые отказались, ушли к себе, закрыли дверь.

Сперва Ольга Сергеевна это восприняла спокойно и даже сама прилегла в спальне, но долго в одиночестве не пробыла, захотелось с кем-нибудь поговорить — неважно о чем. Поэтому в кухне навела бокал чаю, хотя жажды не испытывала, и включила телевизор, приглушив громкость. Почти беззвуч-

но на экране мелькали картинки, а ей и этого движения хватало для иллюзии присутствия.

В этот вечер она впервые поняла, как тяжело и тревожно оставаться в квартире одной, когда не с кем словом обмолвиться. Она до позднего вечера ходила из кухни в спальню и обратно, ждала, что покажутся Лада с Николаем, о чем-нибудь поговорят с ней, но не дождалась. Даже расплакалась в спальне от обиды, одиночества, от того безутешного горя, которое настигло ее так неожиданно.

Поэтому, когда на следующее утро зашел разговор об отъезде Лады в Москву, Ольга Сергеевна попросила дочь не спешить, пожить хотя бы несколько дней вместе. Она не стала объяснять свое состояние и жаловаться на неминуемые страхи, которые придут к ней, когда она останется одна, лишь печально посмотрела в глаза дочери. В ответ Лада сказала спокойно, уверенно, надеясь, что ее уверенность передастся матери:

— А мы пока и не собираемся уезжать... Николаю надо сперва уволиться. Вот как получит трудовую книжку на руки — тогда можно будет говорить об отъезде.

— Ну хотя бы так...

Утром, когда Николай ушел, Ольга Сергеевна позвала дочь к себе:

— Пойдем, Лада, мне надо с тобой поговорить!

Лада послушно прошла в родительскую спальню, присела, как чужая, на краешек кресла.

— Так вот, дочь! — Ольга Сергеевна присела рядом с ней. — Папа оставил нам некоторую сумму, которой надо благоразумно распорядиться. Деньги приличные и, думаю, они помогут в дальнейшей жизни.

С этими словами Ольга Сергеевна прошла к сейфу и извлекла несколько толстых пачек рублевых купюр и одну тоненькую пачку долларов. Достала она и файл с какими-то бумагами. Всё это положила перед Ладой.

— Это наше с тобой наследство... Рублей здесь ровно миллион семьсот пятьдесят тысяч; было немного больше, но я часть потратила на похороны. Думаю, что из этих денег надо оставить некую сумму на поминки папы, памятник — это примерно тысяч двести пятьдесят, пусть триста. Далее... Вот эту пачку долларов — здесь десять тысяч — оставим как НЗ. Остается определиться с векселями Сбербанка, которыми однажды расплатился с папой цемзавод, — Ольга Сергеевна указала на бумаги в файле, — здесь их почти на два миллиона. К ним также прилагается письмо, которое папа успел организовать для тебя, и доверенность на твое имя. В Москве

предъявишь векселя к погашению и обналичишь. Для безопасности деньги положишь на депозит, и будешь спокойно дожидаться рождения ребенка. Даже если у Николая возникнут трудности с работой, то этих денег вам хватит надолго.

— Мам, я разве говорю что-нибудь против! Только, насколько помню, у папы было полно акций карьероуправления... Где они? Ведь это тоже немалые деньги, которые нам не помешали бы!

— А ты думаешь, из-за чего погиб отец? Из-за тех самых акций, которые у него отняли. Потому и сердце у него не выдержало! И вот эти деньги он передал мне в больнице, а ему их кинули как кость голодной шавке...

— Мам, зачем так говоришь-то о папе?!

— Как есть, так и говорю! Надо благодарить Бога за то, что хоть это осталось. Да и мы с тобой не на улице оказались. У каждой по квартире, по машине и деньги есть на черный день. Так что не самый плохой вариант нам выпал.

— Тебе-то зачем машина, если прав не имеешь?

— Пойду на курсы и выучусь, получу водительское удостоверение и буду на дачу ездить, а когда-нибудь и к тебе в Москву нагряну!

— Ой, там такое движение, что лучше не соваться!

— Ты-то ездешь, освоилась! Чем я хуже?

Ольга Сергеевна отдала файл с векселями дочери, отсчитала некую сумму рублей и пояснила:

— Здесь сто тысяч... Это вам на первое время.

Лада вздохнула:

— Спасибо, мам! — И, подумав, добавила: — И папе спасибо!

Для Ефима Лаврика без Самохвалова наступили непростые времена. Если смотреть с одной стороны, то открывалась отличная перспектива служебного роста, надо лишь быстро и грамотно воспользоваться новыми возможностями и до внеочередных выборов главы успеть собрать команду, отобрав в нее надежных людей, на кого можно положиться. Это, прежде всего, собственный зам, Немыкин, несколько начальников служб. К противной стороне можно отнести, и тоже — прежде всего — начальника милиции Гунько, бывшего зама Самохвалова и двух-трех человек из управления района, недавно близких Антону Тимофеевичу. Это всё было на виду и не вызывало каких-то серьезных сомнений, надо лишь не спешить с принятием решений.

Как Лаврик ни тянул время, но не прошло и недели, как он собрал расширенное производственное заседание, на котором

решил доложить план работы администрации муниципального образования на период до выборов. На это заседание Лаврик пригласил и Якова Подвига, о котором обычно вспоминали перед Днем Победы. Лаврик же решил, что впредь ветераны станут постоянными застрельщиками районных мероприятий и начинаний, потому что, если кому-то и могут отказать в инициативе, то только не им. Поэтому появление Якова Семеновича на заседании никого не удивило. Когда же в заключение работы Лаврик объяснил суть сегодняшнего визита Подвига и предоставил слово самому Якову Семеновичу, то чиновники охотно и внимательно выслушали гостя.

— Уважаемые княжцы! — проникновенно молвил Яков Семенович. — Мое присутствие здесь не случайно, и я постараюсь донести до вас те свои соображения, которые, быть может, не часто звучат на почтенных заседаниях, но всегда присутствуют в мыслях и разговорах граждан, когда речь заходит о будущем нашей молодежи. За два десятилетия выросло поколение новых людей, воспитанных, увы, не на лучших образцах и примерах культуры. А мы, взрослые, загруженные текущей суетой, мало уделяем внимания нашим детям. Тогда как многие уважаемые и квалифицированные люди в нашей организации ветеранов, располагают массой свободного времени и вполне готовы послужить на благое дело по воспитанию подрастающего поколения и формированию у молодежи гармоничного развития. Для этого можно создать несколько клубов по интересам, например: шахматный клуб. Хотя, по сути, такой клуб относится к ведению спорткомитета, но мне думается, что шахматам в нашем районе надо обеспечить приоритет над всеми другими видами спорта. А чтобы это достойно обеспечить — в распоряжение клуба необходимо предоставить достойное помещение.

— Вы что-то имеете в виду? — спросил Лаврик.

— Несомненно. Просто жизненно необходимо объединить шахматный клуб и районную библиотеку, создав тем самым в Княжске Культурный центр! Если это произойдет, то, безусловно, пойдет на пользу городу.

— Что ж... Предложение дельное, — поддержал Лаврик.

— Но в том помещении, на которое замахивается Подвиг, располагается Княжский Союз писателей! — неожиданно подал голос Немыкин, и все с необыкновенным оживлением посмотрели на него, без Самохвалова ставшим главным поэтом Княжска.

Лаврик замаялся, но быстро собрался и сразу посерьезнел, обратившись не к Немыкину, а ко всем присутствующим:

— Вы все знаете, под каким давлением создавалась эта искусственная организация... — сердито сказал он. — И сей-

час не время после известных вам событий возобновлять эту тему. Скажу лишь, что всё искусственное оказывается, в конце концов, мертворожденным и не отвечающим задачам сегодняшнего дня. Так что, думаю, недалек тот час, когда сомнительный писательский Союз самораспустится!

Так как последнее слово осталось за Ефимом Константиновичем, то никто не стал что-то говорить ни в поддержку предложения Подвига, ни вступать с ним в полемику, даже было расхрабренный Немыкин. Все всё восприняли так, как нужно было воспринять в данной ситуации. И такое единодушие понравилось Лаврику. В прекрасном расположении духа он вернулся в кабинет и, немного подумав, словно что-то вспоминая, позвонил заместителю. Как только тот появился на пороге, Лаврик указал на кресло напротив себя:

— Устраивайся, Василий Христофорович!

Когда тучный заместитель уместился в кресле, то Лаврик, прежде всего, внимательно рассмотрел его одутловатое, щекастое лицо, волнистую с проседью прическу и заглянул в серые глаза:

— Где пропадает главный санитар? Почему не является на планерки?

— Ныне не был, насколько мне известно, по причине болезни... — тихо ответил заместитель, заглядывая Ефиму Константиновичу в глаза и пытаясь угадать, к чему он клонит разговор.

— Что-то часто он отсутствует: то у него командировка, то болезнь... С этим надо разобраться! Если болен, то надо отправить на лечение, а в командировки мог бы отправлять своего зама. А то, когда не нужно, он шастает по администрации и везде нос сует, даже и туда, куда не просят совать! А когда в нем явная потребность — его не сыскать! Пожалуйста, исправьте такое положение дел. В конце концов, из Елани не просто так приходят указания по оптимизации корпуса чиновников. Пора это применить на деле и не ждать, что кто-то опередит нас, начнет, как щенят, носом тыкать в непотребные места!

Василий Христофорович в должности зама ходил недавно, всего боялся и старался не попадаться на глаза начальству, считая, что успеет насобирать шишек. Он, конечно, с первых слов понял, что речь идет о Севрюкове, с недавнего времени ставшего носить прозвище Зять, которым стали за глаза называть Игоря после неудавшейся женитьбы на дочери Самохвалова. И то, что Лаврик сейчас взъелся именно на него, не казалось новостью: в районе давно было известно, что среди людей Лаврика и Самохвалова шла необъявленная

война, и вот теперь, когда одного не стало, то другой постарается закрепиться на освободившемся месте. Именно поэтому заместитель не стал сейчас вилить, а прямо сказал о своей готовности служить непосредственному начальнику:

— С этим Севрюковым проблем особенных нет. Если не справляется со служебными обязанностями, то отодвинем его, но спешить не будем, а сделаем это грамотно — создадим такие условия, что он сам убежит из администрации. Нам такой балласт не нужен! Так что с этим вопросов нет!

— Вот и прекрасно! Работай, Василь Христофорович, действуй! — панибратски одобрил Лаврик заместителя.

После этого разговора у Лаврика даже настроение поднялось, и он вспомнил о Немыкине, вспомнил и о том, как тот прежде выслуживался перед Самохваловым. «А теперь ты на чьей стороне?» — задался вопросом Ефим Константинович, и ему захотелось поскорее услышать ответ на этот вопрос. Поэтому через секретаря сразу же вызвал Александра Ильича. Когда тот появился и робко застыл на пороге, склонив блестящую лысиной голову, Лаврик сказал ему:

— Не мнись, — разговор есть... Присаживайся и выслушай, что я тебе скажу!

Немыкин сел напротив и посмотрел в глаза Лаврику.

— Хотя — нет, пойдём прогуляемся... Через пять минут выходи во двор.

Ничего не понимающий Немыкин послушно поднялся и спросил?

— Одеться?

— А ты что — по морозу будешь гулять в пиджаке?!

Минут через пять, когда они оказались во дворе администрации, Лаврик сказал:

— Так вот... Твоя сегодняшняя выходка оказалась неуместной... Надеюсь, ты это сам понял. И не надо телеге бежать впереди лошади. А то заступник самохваловский выискался?! Смотрите, какой у нас культурник заботливый! А лучше скажи мне, сколько имеешь акций карьеров? Чего молчишь?

— Вы знаете...

— Верно, знаю... И думаю, что вскоре все твои пять процентов перекочают в другие руки. И, поверь мне, ты и слова при этом не посмеешь вякнуть, если хочешь удержаться в своем культурном кресле. Понял??

Немыкин молчал.

— У меня тут недавно гостил человек из Елани, так он намекнул по большому секрету, что пора расставаться с этими акциями, и упомянул Самохвалова: мол, упирался — и вот к чему это упорство привело.

— От инфаркта никто не застрахован! — подал голос Немыкин и недоверчиво посмотрел на Ефима Константиновича.

— Да, инфаркт! Но кто знает, от чего он случился: то ли от испуга, то ли помогли ему случиться. Теперь никто и никогда не узнает об этом. И давай-ка не будем этим голову забивать — толку, поверь, никакого! Только впредь ты уж, будь добр, не беги впереди лошади.

— А с акциями теперь чего делать?

— Ничего... Тебе всё скоро объяснят. Ты теперь должен более думать о том, как направить культурную жизнь района по новому руслу с учетом всего того, что сегодня слышал на совещании. Так что время не тяни, а начинай подготовку по переезду шахматного клуба в новое помещение. И соответствующую памятную доску подготовь, да не простую, а высокохудожественную, чтобы она не портила внешнего вида старинного здания!

— А что с самохваловской делать?

— Потихоньку, без шума и пыли, сними ее... Вопросы есть? Вопросов у Немыкина не оказалось.

В каждом городе, даже в таком небольшом, как Княжск, происходит невероятное количество событий и происшествий, но все эти происшествия местного значения, за которыми занятому человеку некогда следить. Это лишь иные досужие обыватели день-другой радостно посудачат, позубоскалят, потешаясь и перебивая косточки виновникам, или наоборот — горестно повздыхают, когда пострадает невинный человек. Это всё зависит от обстоятельств и жанра событий. Но даже в Княжске на чем-то одном внимание горожан подолгу не останавливается, потому что всегда найдутся свежие происшествия и новости. И все они, те или иные, неожиданно забываются, неожиданно появившись. И величина восприятия этих событий зависит от величины и значимости тех, кого эти происшествия или события затрагивают.

Так что последние события, прозвучавшие в Княжске громко и заставившие о себе говорить, например, для Москвы, даже и не всей, а отдельно взятого двора не показались бы чем-то удивительным, а если кого-то и заставили перекинуться парочкой-тройкой фраз, то не далее как ближайших соседей. И никто бы из них не пошел на соседнюю, скажем, улицу и не стал бы ехидничать о том, что, мол, соседа-пенсионера госпитализировали с инсультом; что в их доме уважаемая вдова привела на жительство коллегу по работе. Подумаешь — новость! Никому в столице не интересны такие новости. Масштаб должен быть иным, не ниже действий, например, московского

градначальника, о том, какие льготы он ввел или отменил. Или, например, в какой кепке выехал в субботу на осмотр города. Вот это повод, над этим стоит посудачить. Ведь если бы мэр не менял кепки, то, похоже, по телефону и обсуждать было нечего. А так — повод. Да еще такой!

Это повезло тем, кто недавно обосновался в Москве, таким, например, как Лада с Николаем, которых фасоны кепок мало интересовали. Их головы в последние дни были заняты совершенно иными проблемами. Особенно у Лады. Когда они разобрались в квартире и сделали небольшую перестановку, она усадила Николая рядом и перечислила задачи на ближайшее время, которое, пока еще находясь на больничном, она решила использовать на все сто. Чтобы не сбиться и быть более убедительной, она взяла авторучку и написала на листе формата А4:

1. Встать на учет в женской консультации.
2. Разобраться с векселями (к этому времени Николай знал о векселях).
3. Прописать и трудоустроить Шишкина.
4. Пожениться.

Исходя из этого плана, они и начали действовать. На третий день, когда Лада успела встать на учет в поликлинике, они отправились на улицу Вавилова, где находился центральный офис Сбербанка, потому что, как оказалось, не в каждом отделении банка можно обналичить векселя.

Когда нашли отливающий зеленью небоскреб, то, выписав пропуск и оставив Николая в вестибюле, Лада отправилась в управление корпоративных клиентов и объяснила суть визита. Специалист по ценным бумагам — опрятный и ухоженный молодой человек доверительной наружности, от которого пахло дорогим парфюмом, выслушал ее, взял письмо, доверенность и паспорт, сразу же сделал копии, а сами векселя, количеством одиннадцать, извинившись, забрал для проверки их подлинности. Вернулся подозрительно быстро, и уже с другим настроением. Сел напротив Лады и, как по писаному, начал втолковывать:

— Должен вас огорчить: ваши векселя, на общую сумму 1 973 873 рубля 37 копеек, к погашению непригодны, так как согласно статье №1 Федерального закона «О простом и переводном векселе» от 11.03.1997 года № 48—ФЗ на территории Российской Федерации применяется «Положение о простом и переводном векселе», утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР 07.09.1937 года № 104/1341. В соответствии со статьей 34 Положения...

Лада перебила клерка, продолжавшего говорить и говорить:

— Разве можно это все запомнить и понять?!

— Если есть проблемы, тогда поступим так... — С этими словами он нашел нужный файл в компьютере и распечатал объемистую пачку документов и отдал ее вместе с письмом, доверенностью и векселями. Задумавшись, пояснил: — Если эти разъяснения не удовлетворят вас, то можете написать письмо на имя председателя правления Сбербанка. Оно будет рассмотрено в месячный срок... Всего доброго.

Ладе ничего не оставалось, как затолкать бумаги в сумку. Резко повернувшись, она пошла к выходу. Увидев Николая, ничего не объясняя, сказала:

— Пошли отсюда!

Шишкин торопливо шагнул за Ладой и заговорил лишь на улице, спросив:

— Что случилось?

— Ничего особенного, если не считать, что векселя оказались просроченными! Посоветовали письмо написать на имя председателя банка!

— Не переживай! Подумаешь — векселя! Без них проживем... — сказал Николай так живо, что Ладе показалось, что он радуется ее неудаче.

Ехали молча, Лада листала бумаги. Лишь когда поставили машину на стоянку и шли к дому, Шишкин спросил:

— Письмо будем писать?

— Что в нем толку? Мне же ясно сказали, что векселя просрочены, не поленились, уйму законов и положений продиктовали для убедительности. Особенно одно хорошо звучит, от 1937 года! Я-то думала, что мы давно живем в другой стране, по другим правилам, а у нынешних законодателей даже не хватило ума, чтобы сделать закон более современным! Куда там — им некогда: каждый день за власть бьются, копытцами у корыта стучат, отталкивая друг друга!

— Успокойся... Вот напишешь письмо, доведешь суть сложившихся обстоятельств до сбербанковского начальства и всё повернется таким образом, каким ему и нужно повернуться.

— Для них уже повернулось... Поэтому и не подумаю никуда писать, ни о чем просить! Ясно же в бумагах указано, что «непреодолимой силой не считается обстоятельство, касающееся лично векселедержателя!»! Теперь они только радуются, что нашлись еще лохи. Они только и мечтают о таких, а чтобы их побольше было, то составляют веселя так, чтобы запутать владельцев, чтобы те, имея пачку ничего не стоящих бумаг, жили, ни о чем не подозревая.

— Ладно, успокойся — тебе нельзя волноваться! — Николай попытался остановить словесный поток Лады и прижал

ее к себе, заглянув в глаза: — Мы кто — инвалиды беспомощные?! Неужели не проживем без каких-то векселей?! Они как пришли к нам, так ушли! А если уж так получилось, то и переживать нечего, и тужить не о чем!

В квартире Лада сразу позвонила Вере Павловне. Ничего не объясняя, лишь поздоровавшись, сразу спросила о Николае, имея в виду его трудоустройство:

— Какие у нас новости?

Лада почувствовала, что тетя от ее резкого вопроса чуть не поперхнулась, но виду не подала и ответила вопросом на вопрос, будто знала об их визите в Сбербанк:

— А у вас какие?

— Ничего особенного... В квартире маемся... Вы хоть что-то узнали?

— Узнала, как не узнать... И вот какая картина рисуется... Оказывается, сейчас, когда всюду бушует кризис, необычайно трудно устроиться, тем более иногороднему. Понимаешь, к чему я клоню? Ведь Николаю нужна регистрация, чтобы не считаться таковым. А стоит ли возиться с регистрацией, если после свадьбы его так и так надо будет регистрировать на основании уже совсем других документов, более комфортных. То есть, делать двойную работу. Так что мой тебе совет: займитесь этим в первую очередь. Завтра же подайте заявление.

Поговорив с тетушкой, Лада нашла заветный список и поменяла местами третий и четвертый пункт, поставив на первое место пункт о женитьбе, и сказала сама себе вслух: «Пусть будет так!»

Подав заявление на вступление в брак, они еще несколько дней пребывали в праздности, постаравшись забыть последние переживания. А потом отправились по магазинам. Начали с покупки компьютера, потом присмотрели кое-что из одежды и обуви для повседневной жизни, а потом самое главное: свадебное платье Ладе и костюм Николаю. Когда вернулись домой с покупками, Лада сразу переоделась, долго вертелась перед зеркалом, и в конце дефиле радостно вздохнула:

— Теперь можно приглашать Ольгу Сергеевну на свадьбу!

— Вот поедem в Княжск — пригласишь!

Когда выезжали из Москвы, Лада позвонила матери, чтобы предупредить, что они едут в Княжск, и попросить, чтобы она была дома, так как есть серьезный разговор. Но телефон никто не взял. Через полчаса повторила попытку — та же история.

— Ольга Сергеевна куда-то подевалась! — пожаловалась Лада сидящему за рулем Николаю, а тот лишь ухмыльнулся:

— Куда она может деться?! Наверное, в магазин отправилась, а телефон дома забыла.

Когда же Лада и с третьего раза не дозвонилась, позвонив на домашний номер, то забеспокоилась по-настоящему, и нашла номер подруги. Та ответила сразу, и хотя бы это порадовало.

— Это я, Натусь! — сообщила Лада.

— Да уж вижу! Ты где?

— Еду в Княжск... Звоню домой, а маман трубку не берет. Я уж беспокоиться начала.

— Зря... Она на работе...

— Как «на работе»?!

— А ты разве не знаешь?! Она в школу вернулась. Я недавно встретилась с ней на улице. Очень довольна. А то, говорит, от тоски дома не знала куда деться! А теперь веселая, как девчонка порхает. Да и есть от чего...

Лада почувствовала, что подруга что-то не договаривает, и сразу изменила тональность.

— От чего именно? — спросила Лада, приглушив голос и посмотрев на Николая.

— Приедешь — сама узнаешь.

— Или сейчас говоришь, или ты мне не подруга!

— Ой-ой, — раздалось в трубке, — ничего не слышно...

Перезвони...

Лада перезвонила, но теперь и телефон Натальи не отвечал.

— Чего там у них? — спросил Николай.

— Сплошной заговор... Ольга Сергеевна на работу утроилась. Опять в школе преподает!

— Молодец, чего дома киснуть!

Лада никак не отозвалась, задумалась, вспомнив непонятное поведение подруги. Мыслей мелькало множество, но никакая конкретная так и не обозначилась. В полном неведении, оставив машину на стоянке, они вошли в подъезд, и Лада на всякий случай позвонила в дверь. Никто не отозвался. Тогда она достала ключи и, открыв дверь, первое, что почувствовала — это изменившийся запах в квартире: он показался более ароматным, чем был, привлекательным, словно повеяло духами из пробника, хотя был легким, почти не осязаемым. И еще бросилась в глаза красная спортивная куртка и стоящие отдельно от горки с обувью замшевые мужские ботинки. От присутствия столь неожиданных вещей Лада даже растерялась, толкнула Николая и молча указала

глазами на ботинки. Потом заглянула в комнату и, увидев на диване гитару, которой никогда прежде не было в их доме, настороженно спросила:

— Кто здесь?!

Когда никто не отозвался, Лада осмелела, начала раздеваться, удивленно хмыкнув:

— Что-то новенькое нарисовалось...

Лада вновь взялась за телефон. На это раз удачно — услышала голос Ольги Сергеевны, которая сразу же, как показалось Ладе, излишне поспешно спросила:

— Ты где?

— Дома я, дома — в Княжке! А вот ты где пропадаешь?

— Через десять минут буду...

Ольга Сергеевна действительно появилась быстро. Когда Лада открыла дверь, то увидела на лице матери испуг. Сняв дубленку, она повесила ее поверх красной куртки и, заметив, что дочь раскусила наивную хитрость, неожиданно покраснела, но сразу же заставила себя собраться, сделаться серьезной, даже решительной:

— Я сейчас всё объясню... Вы обедали?

— Не успели, недавно приехали.

— Вот и хорошо. Вместе пообедаем.

Хотя Ольга Сергеевна всегда наставляла, говоря, что за столом болтать не дозволяется, сейчас заговорила первой, задавая вопрос за вопросом: и как устроились, и как у Николая с работой? Лада понимала, что мать оттягивает конкретный разговор, не хочет, чтобы он завязался при Николае, и, невольно соблюдая женскую солидарность, поддерживала беседу, не говоря о векселях и предстоящей свадьбе, а главное — о чужой мужской одежде. Понял это и Шишкин. Быстро пообедав, он взял бокал с чаем и ушел смотреть биатлон. И как только вышел из кухни, Лада сразу вперилась глазами в Ольгу Сергеевну:

— Ну и кто это у нас появился?!

— Валентин Адамович... Ты его знаешь...

— Что-то не припомню никаких Валентинов!

Ольга Сергеевна замялась, как красна девица, потупила глаза:

— Преподаватель физвоспитания в нашей школе, — сказала она так стеснительно, что Лада, догадавшись, о ком говорит мать, даже рассмеялась:

— Это Хмырь, что ли?!

— Он самый.

— С какого перепугу он к тебе жить перебрался?! — Лада усмехнулась.

— Представь себе, я его сама пригласила! — Ольга Сергеевна неожиданно распрямила плечи. — Не хочу жить затворницей, и не тебе меня осуждать!

— Это, конечно, твое дело, но ведь мы папу недавно похоронили! А где же нравственные нормы, которые ты наверняка прививаешь своим ученикам?! В прежние времена вдова год не смела смотреть на мужчин, а ныне даже сорокового дня не ждут! Неужели тебе это непонятно, неужели тебе хочется быть объектом пересудов, мама?!

— А почему не называешь меня Ольгой Сергеевной? Почему вдруг вспомнила, что я твоя мама? Что, или задело за живое то, что я проявила самостоятельность и перестала быть послушной овечкой, какую вы с отцом делали из меня в последние годы? И сделали, и бросили! Мне даже поговорить не с кем: отца не стало, ты уехала, Нистратов в свою Сибирь умчался! Что молчишь? Если уж начала разговор, то давай-ка его закончим!

— Считай, что закончили, если уж ты стала Хмырёвой женой! Поговорим о деле! Погоди минутку...

Лада принесла векселя, бросила их веером на стол вместе с распечаткой документов:

— Оказались липовыми бумагами твои векселя, мама!

— Не поняла?!

— Объясняю: векселя оказались просроченными и к оплате их не приняли, так что теперь ими можно обклеить стены, чтобы они напоминали о несбывшихся мечтах!

— Мне папа ничего не говорил...

— Он сам не знал, вот и не говорил. А надо было думать не только о стихах, но и о своих финансах.

— Ничего не путаешь?

— Ничего!

— Значит, тебя сейчас более всего волнуют деньги?

— И они тоже!

— Что ж, я готова поделиться той суммой, которая осталась у меня, но всех денег сейчас в наличности нет, так как большую часть я положила на депозит; хранить всю сумму дома, сама понимаешь, рискованно. Когда через три месяца закончится срок хранения, тогда я верну тебе твою часть, чтобы не терять проценты и не суетиться. Тебя это устроит?

— Устроит... Мы же разумные люди.

Ольга Сергеевна сходила к себе в спальню и, вернувшись, отсчитала Ладе двести тысяч, отдала половину долларов, спросила:

— Теперь ты довольна?

— Почти. Да, у нас еще дача есть, машина. Что с ними будем делать?

— Дачу можешь забрать себе, а на машину я написала доверенность Валентину Адамовичу. Он, кстати говоря, сейчас поехал в Москву, повез Якова Семеновича с дочерью в аэропорт.

— Какого Якова Семеновича?

— Подвига... Робинзона... Он на днях попал с инсультом в больницу, и за ним приехала дочь, чтобы забрать в Хайфу. Она к нам приходила, попросила Валентина отвезти отца в Шереметьево...

— Ну и дом у нас стал! Скоро весь Княжск тут будет тусоваться!

Ольга Сергеевна вздохнула и, не посмотрев на дочь, спросила:

— Еще вопросы будут?

— Пока нет...

Лада не хотела, но грубила матери, потому что в эти минуты жила одним желанием: всё сделать наперекор ей, даже назло, хотя и знала, что так вести себя нельзя. Нельзя, не спросив, не заглянув в душу, не попытавшись понять всё то, что заставило так поступить, предъявлять претензии даже постороннему человеку, а уж матери выговаривать — это и вовсе негоже. Но Лада сейчас ничего не могла с собой поделаться и остановить кипевшую ревность, обиду. Она понимала, что поступила мерзко, сразу начав делёжку денег и укорив мать пропавшими векселями, вспомнив о даче, машине, о которых она прежде и не думала-то никогда, потому что ей было достаточно собственной квартиры, собственной машины. Всё так. Она понимала это, но ничего не могла с собой поделаться и не знала, как выйти достойно из обидной ситуации. Единственное, что она придумала: это тотчас уйти, переночевать где-то в другом месте, лишь бы не видеть мать, не возобновлять с ней разрушающий душу и отношения разговор. И это решение, хотя и было принято в пылу душевного смятения, заставило вспомнить о Николае. Забыв в порыве обиды поблагодарить за обед, Лада прошла к нему и сказала:

— Пошли прогуляемся!

Когда они вышли в прихожую и начали собираться, Ольга Сергеевна забеспокоилась и поспешила спросить у Лады:

— Вы надолго?

— Не знаем...

— Если будете задерживаться — позвоните!

Лада что-то буркнула и не стала ничего объяснять, потому что ей хотелось поскорее выйти на улицу, чтобы не слышать голоса Ольги Сергеевны, не видеть вещей Хмыря. И вообще ей хотелось разрыдаться и долго-долго плакать, и чтобы кто-то непременно пожалел при этом.

Почему-то так получилось, что, не сговариваясь, они направились в городской парк, — объяснить они не смогли бы, если кто-нибудь вдруг спросил их об этом. Парк, конечно, в эту пору был завален снегом. Как же всё изменилось, и не только от снега! А ведь и десяти лет не прошло с тех пор, когда они здесь до упаду гоняли шайбу! И Лада, и Николай, наверное, подумали одинаково. Поэтому даже словом не обмолвились о том, что чувствовали в эти минуты. Они молча вернулись на Губернскую улицу и не знали о чем говорить.

Многие прохожие оглядывались, смотрели им вслед, потому что все знали самохваловскую дочку. А Ладе в этот момент было не до прохожих. Горечь расставания с родным городом, в котором теперь, после размолвки с Ольгой Сергеевной, ее никто не будет ждать, никому она здесь будет не нужна, разрывала душу. А более всего душила обида от поступка матери, настолько вероломного, что ее поведение не укладывалось в голове.

Когда они шли мимо городского собора, то Лада остановилась и неожиданно для себя троекратно перекрестилась и сказала Николаю, как пожаловалась:

— А ведь я мечтала обвенчаться с тобой в этом храме...

Увидев слезы на ее лице, Николай подхватил Ладу под руку:

— Пошли, пошли...

Лада покорилась, но через некоторое время спросила:

— Куда мы идем?

— На стоянку, за машиной! Нечего здесь расстраиваться!

Она более никак не отозвалась, и, пока шли к машине, не обронила ни единого слова. Только когда уж уселась на переднее сиденье, то разревелась по-настоящему. Шишкин попытался ее успокоить, но без видимого успеха. Когда они выехали со стоянки и доехали до Заставы, Лада достала телефон и попросила остановиться, словно не могла говорить на ходу. Она звонила Ольге Сергеевне.

— Мамуль, мы сейчас уезжаем в Москву, но ты ничего плохого не думай о нас... Прости меня, я была не права... Мы с Николаем скоро будем расписываться, приезжай на нашу свадьбу... Почему одна?! Вдвоем! Мы вас будем ждать... А когда распишемся, то приедем в Княжск и обвенчаемся в нашем соборе...

Наверное, полчаса Лада разговаривала с Ольгой Сергеевной, и Николай радовался, что Лада пошла на поклон, и удивлялся женскому характеру. Мужики так не могут. Они тоже, конечно, идут на мировую, но им сперва надо какое-то время выносить в себе обиду, поднять ее до самой высокой высоты и только потом что-то предпринять конкретное, чтобы забыть обиду.

Если бы они задержались у Заставы еще минут на десять, то могли бы видеть, как рядом с Верстовым столбом, где заканчивается Губернская улица, остановился забрызганный черной джип и настороженно замер. Но тот, кого, видимо, ожидали в машине, всё не шел и не шел, и, чтобы не терять времени, водитель вышел и начал протирать тонированные стекла. Человек, сидевший на переднем сиденье, закурил, и дым тоненькой полоской пополз из приоткрытого окна. Вскоре водитель вернулся за руль, но джип по-прежнему оставался на месте.

Почти никто в Княжске не знал, что в машине, помимо водителя, находился высокий губернский чиновник — Герман Львович Шастина, ехавший на встречу с избирателями. Именно они, избиратели, должны в скором времени решить, кому отдать свои голоса на внеочередных выборах нового главы района. Шастина рекомендовал на этот пост заместителя губернатора Кузьмичёв, рекомендовал неспроста, а после того, как Герман Львович грамотно провел камеральную проверку в Княжске, проявил себя знающим специалистом, которому можно доверить большой район. Никто, конечно, не знал, лишь мог догадываться, что Шастина давно готовили на этот пост, и вся эта предвыборная суета — пустая формальность, которую, тем не менее, нужно соблюсти, чтобы у избирателей не сложилось ложного и негативного мнения о предстоящих выборах. Надо всё сделать грамотно, по закону, чтобы потом никто не мог упрекнуть и опротестовать итоги выборов.

В какой-то момент, томясь ожиданием, Герман Львович посмотрел на часы. Потом снял с передней панели телефон и собрался позвонить, спросить у своего доверенного лица, что, мол, случилось, где мы находимся, дорогой Игорь Романович, но вернул телефон на место, увидев бежавшего к машине Севрюкова, и, когда тот открыл дверь, первым спросил:

— Что случилось?

— Жену в роддом отвез... Приспичило не вовремя!

— Это дело хорошее... Кого ждете?

— Мальчика...

— Прекрасно! О наследниках забывать не надо! Династия, однако, намечается! Присоединяйся! — кивнул Шастина на заднее сиденье.

— Добрый день, Герман Львович! — еще разок поздоровался Севрюков в машине и, протерев шарфом запотевшие очки, глубоко и шумно вздохнул, а Шастина подал руку для приветствия, попросил:

— Доложи обстановку!

— Всё штатно идет... Всем организациям довел объявление, пенсионеров собрал во Дворце культуры, организовал бесплатный обед, а сейчас их забавляет художественная самодеятельность.

— Всё обговорил?

— А как же... Вот список, так сказать, оппонентов, которые будут задавать вопросы по вашей предвыборной программе. Вопросы вам известны.

— От себя ничего не добавил? А то я знаю вас, доверенных лиц! Всегда что-нибудь этакое от себя ввернете, а после радуетесь в кулачок, хихикаете, шельмы!

— Нет, нет, Герман Львович, что вы! Действуем по согласованному плану!

Когда они проезжали мимо здания библиотеки, то, заметив, как двое рабочих суетятся у стены, Шастин спросил:

— Чего это они затеяли?!

— Памятную доску Федор устанавливает... Лаврик шахматный клуб организовал. Завтра состоится торжественное открытие. Из губернии обещали приехать!

— Оригинально! Пусть пока потешится наш Ефим Константинович... Что сам думаешь по этому поводу?

Замявшись и не зная, что сказать, Игорь развел руками.

— Да ладно уж, не стесняйся... — усмехнулся Герман Львович и, о чем-то подумав, усмехнулся повторно: — Я слышал, в Княжске много поклонников бильярда... Кстати говоря, я тоже не прочь иногда партийку-другую замутить! А что — прекрасно снимает стресс! Как относишься к этому?!

— Очень даже положительно!

— Вот и отлично. Надо будет продвинуть эту идею! Договорились?

— Вполне!

У Дворца культуры их ждала делегация граждан Княжска, встречавшая кандидата хлебом-солью и хороводом фольклорного ансамбля. Впереди всех мелькал тесть Севрюкова. Немыкин подбежал к остановившемуся джипу и, открыв дверь, известил Шастина:

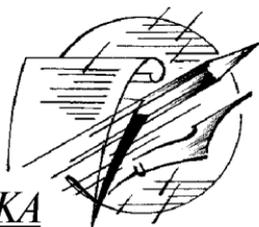
— Народ ждет! Милостиво просим, уважаемый Герман Львович!

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАЕН

ИЗВЕЧНАЯ ВОЙНА С РУССКИМ МИРОМ

Вступление

Многие из людей старшего поколения помнят всенародное движение, развернувшееся в начале 80-х годов XX столетия против преступного «проекта века», предусматривавшего переброску части стока северных и сибирских рек в среднеазиатские республики СССР. Помнят они и то, как общими усилиями общественности зловещий замысел разрушения природы, экономики и уникальных исторических памятников России был похоронен. Катастрофа была предотвращена. С тех пор прошло четверть века. Время это для России было погибельным. Великая Русская сверхдержава в форме Советского Союза разрушена. На его месте влачит нищенское существование некое подобие государства с названием Российская Федерация. В стране царит разруха, более 80% народа живет в ужасающей нищете. В казне нет средств для развития промышленности, сельского хозяйства, науки, образования, здравоохранения. Нет их для решения острых социальных проблем и даже для вооружения армии современными средствами защиты. Люди, озабоченные судьбой страны,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

представители не только старшего поколения, но и молодежи, в частности студенчества, с которыми мне приходится общаться, не могут понять, почему в этих трагических условиях возникли предложения о реанимации разорительного проекта переброски.

Такие вопросы во множестве адресуются и мне, как экономисту-экологу, активно участвовавшему в свое время в обосновании недопустимости реализации замышлявшегося злодеяния. Это побуждает меня ответить моим корреспондентам в печати.

Как специалист в области системного анализа, считаю, что **необходимо рассматривать переброску в ее прежнем и нынешнем варианте не как отдельную, изолированную враждебную акцию против России, а как звено в общеисторической цепи преступлений, совершаемых Западом против нашего Отечества.**

Со времени становления Киевской Руси, осуществлявшей первые шаги к православному вероисповеданию, и до наших дней, против России организовывались крупномасштабные злодеяния. Череды их бесконечны: это набеги кочевников, большие и малые войны, нашествия с юга, востока и запада, бунты, расколы в общественной и церковной жизни, народные смуты, революции, экономические и политические блокады, реформы, идеологическая, финансовая и информационная агрессия, духовно-нравственное разложение общества, активная пропаганда лжи и клеветы на государствообразующий русский народ. Все эти страшные беды возникали и происходили не сами собой, не стихийно, а вдохновлялись и организовывались злейшими, вековыми врагами православной России и русского народа — **идеологами иудаизма и католицизма.**

Приведу здесь лишь самую краткую историческую хронологию преступлений, творимых этими враждебными силами.

VII—X века. Хазарский каганат

Хазария представляла собой раннефеодальное государство, существовавшее по соседству с территорией Древней Руси. Начиная с VIII века хазарские разбойники грабили славянские племена — полян, древлян, вятичей, кривичей. Вспомним пушкинскую «Песнь о вещем Олеге».

Хазары — тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после нашествия гуннов в IV веке н.э. и кочевавший в западной прикаспийской степи на огромной территории, преимущественно в междуречье от Дона до Волги. В VII

веке в структуру этого народа внедрились иудейские миссионеры и купцы, которым удалось организовать здесь раннефеодальное государство — Хазарский каганат. Столицей этого государства был вначале Семендер, а с VIII века — Итиль. Пределы этого государства охватили территорию Северного Кавказа, Приазовья, большую часть Крыма и Приднепровья. Основной деятельностью Хазарского каганата возглавляемого иудеями, была торговля со странами Восточной Европы, Средней Азии, главным содержанием которой была продажа рабов, захватываемых во время разбойных походов на указанные славянские племена, включая и древнюю Киевскую Русь.

Такое положение продолжалось до середины X века, точнее до 965 года, когда великий киевский князь Святослав Храбрый разгромил каганат и освободил окрестные народы и самих хазар от иудейского порабощения.

Враждебное государство пало, но множество иудеев и этнических хазар, принявших иудаизм, под натиском княжеских дружин бежали от справедливого возмездия в окрестные регионы. Так возникли крупные иудейские диаспоры на Северном Кавказе, в Закавказье (ашкеназы), в Крыму (караимы), в Средней Азии (бухарские евреи), где и до нашего времени сохраняются и культивируются антирусские и антироссийские настроения, разрабатываются и проводятся разного рода провокации, имеющие целью разрушение православия и уничтожение державообразующего русского народа.

XIII век. Агрессия католицизма против Святой Руси

Так было в первой половине XIII века, когда Римская католическая церковь предпринимала многочисленные походы, имеющие целью порабощение русского народа и уничтожение Русской Православной Церкви путем насаждения католической веры. Русские летописцы отмечают, что только в период с 1216 по 1240 год было произведено до 40 таких походов. В своих посланиях к завоевателям главы католической церкви называют русских «нарушителями католической веры», повелевают не слагать оружия до полной победы, насильственно принуждать русских к принятию католичества, объявляют всю русскую землю собственностью католической церкви на вечные времена. Для достижения этих зловещих целей формировались военно-монашеские ордена, в частности, орден «меченосцев», ливонский орден, тевтонский орден и другие, главной задачей которых было уничтожение православия.

Так Папа Григорий IX «именем Всевышнего» обещал прощение грехов всем участникам походов на Русь, а падшим в бою — вечное блаженство. Исполняя его волю, в 1240 году шведский король отправил в русские пределы многочисленное войско под командованием своего зятя — ярла Биргера. Последний послал князю Александру предписание: «Выйди против меня, если можешь сопротивляться. Я уже здесь и пленяю землю твою». Вражеские отряды на ладьях вошли в Неву, в составе которых находились священники, готовые проводить крещение русских дикарей.

Но Бог поругаем не бывает. Этому сатанинскому натиску Господь противопоставляет великого князя Александра Ярославовича. Дружина его была невелика, но будущий святой встречает врагов своим знаменитым утверждением «Не в силе Бог, а в правде». Агрессоры были разбиты, а их остатки под покровом тьмы покинули Неву и ушли в море.

Однако урок, преподанный юным князем Александром, ничему агрессоров не научил. Духовные вожди Римской католической церкви (папы) прилагали новые усилия по формированию военизированных отрядов для завоевания Прибалтийского края как территориальной базы для последующего распространения католичества по всей Православной Руси. Исполнителями этих предписаний «святых отцов», в частности, стали монахи-воины, давшие обет распространять католическую веру с помощью оружия. Остатки разгромленного русскими ордена меченосцев были соединены с прибалтийским отделением тевтонского ордена, и на их базе был создан более мощный ливонский орден, перед которым была поставлена задача — завоевание русских земель и уничтожение Русской Православной Церкви. Для реализации своих замыслов завоевателями было выбрано время, когда Русь была ослаблена нападениями татаро-монголов в 1237—1240 годы. В частности, русское войско, возглавляемое князем владимирским Юрием Всеволодовичем, потерпело большой урон в битве с полчищами хана Батыея, которая произошла на реке Сити в 1238 году и в результате которой было сломлено сопротивление северо-восточной Руси татаро-монголам.

В 1242 году Римская католическая церковь организовала новый поход на Русь. На сей раз нападение было совершено главными силами крестоносцев — ливонским орденом. Решающая битва состоялась 5 апреля на льду Чудского озера, получившая название — Ледовое побоище, где князь Александр разгромил «непобедимых» рыцарей и защитил северные русские земли от католического порабощения.

Этой победой был положен конец военным вторжениям крестоносцев, но это не означало прекращения агрессии со стороны католической церкви. Теперь в ход была пущена ложь и клевета. В 1251 году папа Иннокентий IV прислал князю Александру двух кардиналов — Гальда и Гемонта со специальной дипломатической грамотой, в которой сообщалось, что будто бы отец Александра — великий князь Ярослав незадолго до кончины (1246 год) обещал принять католичество, и лишь смерть помешала ему выполнить это намерение. Папа убеждал князя пойти по стопам отца, описывал выгоды, которые получит Русь и лично князь от союза с Западом и подчинения Римской католической церкви. Пределом лжи было обещание оказания помощи князю в борьбе с татарами, что было явной зловещей провокацией. Провокационное посольство было отвергнуто в ответном послании князя, в котором говорилось: «Учение Евангелия, семи Вселенских Соборов, предания святых отец храним, а от вас учение не приемлем и словес ваших не слушаем».

XIII—XIV века. Союз католической церкви и татаро-монголов

В 1207—1209 годы племена, под предводительством Чингисхана, покорили уйгуров, бурят, киргизов, обитавших к северу от реки Селенги и в верховьях Енисея. В 1219 году разграбили процветающие города Средней Азии — Ходжент, Ургенч, Бухару, Самарканд, Хорезм. После этого они двинулись на запад, и, обогнув с юга Каспийское море, опустошили Грузию, Азербайджан и захватили Северный Кавказ. В 1223 году южнорусские князья вместе с половецкими отрядами вступили в бой с татаро-монголами на реке Калка, но потерпели жестокое поражение. В последующие 20 лет войска Батыя захватили и разрушили Рязань, Коломну, Москву, Владимир, Суздаль, Переславль, Чернигов, Киев и другие города северо-восточной и южной Руси. В 1241 году татаро-монгольское войско под руководством хана Батыя двинулось в глубь Европы и захватило Венгрию, что вызвало ужас у западных государей. Император Фридрих II писал английскому королю: «Если татары прорвутся в Германию, то и другие царства увидят ужас грозы... Будем осмотрительны, пока враг губит соседа».

Имея в тылу дееспособную русскую армию, которая нанесла значительный урон завоевателям, Батый со своим войском отступил на восток, в низовья Волги, где на захваченных землях организовал государство — Золотую Орду. На-

шествие на Западную Европу, по определению митрополита Иоанна (Снычева), «захлебнулось русской кровью».

Отныне Александру Невскому приходилось вести тяжелую борьбу одновременно с двумя враждебными силами — Римской католической церковью и с Золотой Ордой. Многочисленные, нередко продолжительные поездки Александра в Золотую Орду с дорогими подарками предотвращали опустошительные набеги татаро-монголов на Русь, завершавшиеся пленением русских юношей, девушек и детей, продажей их в рабство. А самое главное, такая политика князя позволяла уберечь Русскую Православную Церковь от разрушения кочевниками с Востока и сосредоточению сил на ее защите от католиков с Запада.

Великий князь Александр Невский скончался на 43-м году жизни в 1263 году. Последующие великие князья с различным успехом продолжали политику великого Александра на протяжении почти 120 лет. Русь копила силы для будущего освобождения от татаро-монгольского ига. Выдающаяся роль в этом принадлежала Иоанну Даниловичу, прозванному Калитой. Историческая развязка наступила в 1380 году. В это время темник Мамай, который не принадлежал к роду чингизидов, поэтому официально не обладал ханским званием, но фактически осуществлял ханскую власть, собрал огромную армию, в которой участвовали не только воины Золотой Орды, но и отряды наследников Хазарского каганата, проживавших на Северном Кавказе и в Поволжье, и генуэзские наемники. Кроме того, Мамай заручился союзнической поддержкой со стороны великого литовского князя Ягайло, лютого врага Московской Руси. С этой армией он рассчитывал окончательно уничтожить Русь. Однако, по благодати Божией, русское воинство под предводительством великого князя московского Дмитрия разгромило полчища Золотой Орды.

Показательно, что католическая церковь и здесь выступала против Святой Руси в союзе с татаро-монголами. Имеются сведения, что по договоренности с Мамаем литовский князь Ягайло со своим войском направился на поддержку татаро-монголов в район верхнего Дона, не дойдя до места сражения приблизительно 100 километров. Лишь сокрушительный разгром ордынцев вынудил литовских наемников, направляемых папским Римом, вернуться в свои пределы.

Куликовская битва не избавила окончательно от ордынского ига, но она стала грандиозной духовной победой русского народа.

Полное освобождение от ига совершилось лишь в 1480 году при великом князе московском и всея Руси Иване III, когда

состоялось знаменитое Стояние на реке Угре. Великому князю Ивану III удалось не только избавиться от татаро-монгольского ига, но и вести победоносные войны с агрессивной католической Литвой, в результате которых были возвращены Русскому государству исконно русские пространства с городами Новгород-Северский, Стародуб, Гомель, Вязьма, Брянск, Дорогобуж, Мценск и другие, находившиеся под литовской оккупацией в течение 100—150 лет.

XV век. Ересь жидовствующих

С очередной напастью, угрожавшей существованию Святой Руси со стороны воинствующего иудаизма, пришлось бороться первому русскому царю Ивану Васильевичу Грозному. Речь шла о борьбе с «ересью жидовствующих». Начало этому злу было положено в 1471 году, когда в Новгород прибыл из Киева, находившегося под литовским владычеством, жидовин Схария («Захарья еврейнин») — князь Гаманский, принадлежавший к иудейской секте караимов. Секта имела свою широкую сеть в Европе, на Ближнем Востоке и в Западной Руси. Сектанты выступали против христианского учения, отрицали Святую Троицу, возводили хулу на Сына Божия и Святого Духа, отвергали Воскресение Спасителя, Второе Пришествие Христа и Его Страшный Суд. Отвергали апостольские и святоотеческие писания и основные положения Нового Завета, призывали соблюдать закон Моисеев, надругались над Честным Крестом, Святыми иконами и мощами. Пропаганда иудаизма сопровождалась блудом и развратом. Ересь быстро распространялась, в том числе и среди нестойких в вере православных священников не только в Новгороде, но даже и в Москве, где жидовствующие объединялись вокруг дьяка Федора Курицына, руководителя внешней политики при великом князе Иване III.

Конечной целью жидовствующих было разрушение Русского Православного государства. Их враждебная деятельность была разоблачена в 80-е годы XV столетия выдающимися иерархами Русской Православной церкви Геннадием Новгородским и Иосифом Волоцким.

Архиепископ Геннадий начал иноческую жизнь в Валаамском монастыре под руководством преподобного Савватия Соловецкого. Здесь он проявил себя как истинный воин Христов. За выдающиеся труды он был введен в сан архимандрита Московского Чудова монастыря, а затем — в сан архиепископа Новгородского. Здесь он вел 20-летнюю тяжелую работу по созданию полного свода Священного Пи-

сания, названного Геннадиевской Библией. Усилий одного святителя Геннадия для победы над нечестивыми жидовствующими было недостаточно, поскольку их разрушительная деятельность широко распространилась и в Москве. Дело дошло до того, что Московским митрополитом в 1491 году был провозглашен архимандрит Зосима, тайный приверженец ереси жидовствующих.

Против нечестивого владыки с великою святою ревностю выступил преподобный Иосиф Волоцкий. В своем обращении к пастырям Русской Православной Церкви митрополит Волоколамский писал: «В великой церкви Пречистой Богородицы, на престоле святого Петра сидит скверный злобесный волк в пастырской одежде, Иуда-предатель, бесов причастник, злодей, какого не было между еретиками и отступниками. Если не искоренится этот второй Иуда, то малопомалу отступничество утвердится и овладеет всеми людьми. Как ученик учителя, как раб государя молю, учите все православное христианство, чтоб не приходили к этому скверному отступнику за благословением». На Соборе 1494 года стараниями этих двух русских святых подвижников жидовствующий митрополит Зосима был смещен с кафедры. По их призыву против ереси встали практически все русские люди. В 1504 году Иван III созвал специальный Собор, на котором главари жидовствующих были осуждены и по приговору суда казнены.

Но окончательно ересь не была уничтожена. Жидовствующие продолжали свои козни против Русского православного государства в течение нескольких десятилетий, пока царь Иван Васильевич Грозный не предпринял в 1569 году свой карательный поход на Новгород, где мирские и духовные изменники были подвергнуты жестокой казни.

Начало XVII века. Смута

Очередное злодеяние против Русского православного государства было совершено Римской католической церковью в начале XVII века (Смутное время). Трагические события начались с 1601 года, когда митрополит Ростовский Иона объявил патриарху и царю, что в московском Чудовом монастыре объявился «сосуд дьявольский» — Юрий Отрепьев, принявший при пострижении имя Григорий. Этот честолюбивый инок проявлял недопустимые вольности в делах православной веры, за что распоряжением царя Бориса за ересь должен быть отправлен на покаяние в Соловецкий монастырь. Однако строптивый инок сбежал в Литву, где яхшался

с сектантами, учился в латинской школе, а больше разбойничал в местных бандитских шайках. Заимев духовника иезуита, Отрепьев заявил ему, что он, якобы, есть Димитрий — законный наследник русского престола. В 1604 году папский нунций Рангони представил его польскому королю Сигизмунду. Тот признал Лжедмитрия сыном Ивана Грозного и обещал ему поддержку. Новоявленный наследник русского трона перешел в католичество и подписал брачный контракт с Мариной Мнишек, дочерью Сandomирского воеводы, подарив при этом широким жестом невесте Новгород и Псков, а будущему тестю — княжества Смоленское и Северское. Поляки в знак благодарности в августе 1604 года помогли проходившему сформировать войско из нескольких тысяч польских авантюристов и благословили поход на Россию. Московские бояре-изменники организовали убийство законного наследника престола — сына царя Федора Бориса.

13 апреля 1605 года внезапно умирает царь Борис Годунов, и уже 20 июня Лжедмитрий торжественно въезжает в Москву и занимает царский трон. Самозванец низлагает патриарха Иова, жестоко обличавшего преступника, и объявляет лжепатриархом архиепископа Рязанского Игнатия, который совершает таинство венчания Лжедмитрия на царство. В ответ на клятвопреступление русский народ начинает восстание, в результате которого Самозванец был свергнут и убит, сожжен, а пепел от праха заложен в пушку и выстрелен в сторону католической Польши. На престол был возведен Василий Шуйский. Но смута продолжалась и кончилась тем, что в 1610 году Москва разразилась очередным боярским мятежом. Василий Шуйский был свергнут с престола, пострижен в монахи и выдан полякам, где и скончался два года спустя. «Семибоярщина», опасаясь народного восстания, впустила в Москву интервентов и в условиях полного хаоса признала русским царем польского королевича Владислава IV.

И тут проявились грозные признаки духовного прозрения русского народа. Лжепатриарх Игнатий был свергнут. Законным предстоятелем Русской Православной Церкви стал патриарх Гермоген. В своих многочисленных грамотах, обращенных к русскому народу, которые по его распоряжению читались во всех православных храмах, святитель писал: «Да будут благословенны те, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные московские изменники, будьте прокляты! Благославляю всех умереть за православную веру». Поляки бросили патриарха в темницу, требуя, чтобы он встал на их сторону, но святитель был непреклонен, и голос его нашел горячий отклик в русских сердцах. Патриарх

тические силы возглавили Кузьма Минин и князь Пожарский. Изгнание поляков с русских земель позволило избрать нового царя. Всероссийский Земский собор порешил возвести на престол юного Михаила Федоровича Романова — родоначальника славной династии, которая триста лет вела Россию к ее величию и славе.

Очередная злодейская атака католицизма на Святую Русь была отбита.

Начало XIX века. Нашествие Наполеона. Декабристы

В ряду крупнейших враждебных акций против православной России было нашествие Наполеона, организованное объединенными усилиями католицизма и иудаизма. Наполеон, этот «гений войны», был порождением сатанинской, беспрецедентной по своей кровожадности Великой французской революции 1789—1794 годов. Эта чудовищная бойня, уничтожившая половину французского народа, была подготовлена идеологами так называемого «Просвещения». Основателями и сотрудниками французской «Энциклопедии» во главе с Вольтером, Руссо, Д'Аламбером, Дидро и другими. Осуществлялась же она действиями т.н. «малого народа», представленного иудеями и лицами других национальностей, исповедующих иудаизм. Суть формирования этой относительно небольшой части населения раскрывает выдающийся французский историк Огюстен Кошен (1876—1916) в книге «Малый народ и революция», переведенной на русский язык и изданной в 2004 году с предисловием академика И.Р. Шафаревича. По утверждению автора, «процесс заключается в отделении этого слоя от остального народа любой страны, в интеллектуальном и духовном противостоянии ему». Этот особый слой внутри народа О. Кошен и называет «малым народом», который считает себя не связанным никакими узами или ограничениями в отношении к остальному народу. «Малый народ» выступает в роли мастера, в руках которого остальной народ — лишь «материал», используемый для обогащения избранных.

На этой идеологии во Франции XVIII века сформировались масонские ложи, среди которых наиболее многочисленной и влиятельной была ложа с именем «Великий Восток Франции». Члены масонских лож именовались «вольными каменщиками», призванными коренным образом изменить жизнь общества в их интересах и под их господством. Достижение этих целей и должен был обеспечить «малый народ». При этом подчеркивалось, что господство «малого народа» не может быть

достигнуто без принесения в жертву человеческого «материала». О. Кошен приводит по этому поводу руководящее указание одного из идеологов и лидеров революции: «Политическое избиение должно быть достаточно обильным, чтобы прекратиться только после уничтожения 12—15 миллионов французов». (Это при общей численности населения страны в 25—28 миллионов человек.) Такое сатанинское истребление народа объяснялось необходимостью освобождения от «темного» и «невежественного» людского балласта, мешающего освобождению общества от якобы сплошного мрака, дикости и варварства, царивших, по утверждению идеологов «Просвещения», при монархическом строе. В августе 1792 года монархия была низвергнута. В сентябре 1792 года Конвент, где хозяйничали жирондисты, установил Первую республику. Король Людовик XVI был казнен на гильотине 21 января 1793 года, королева Мария Антуанетта — в октябре того же года. В мае — июне 1793 года к власти пришли якобинцы. Гильотина работала все активной. Жирондисты были казнены. В 1794 году якобинцев постигла та же участь. Власть захватила крупная буржуазия, учредив Директорию.

В 1799 году Наполеон Бонапарт совершил в разоренной революцией Французской Республике государственный переворот, стал первым консулом, а в 1804 году провозгласил себя императором, установил диктаторский режим, отвечающий интересам финансово-банковской буржуазии. Самолюбивый император вынашивал планы мирового господства, в которых главное место занимало завоевание России, расчленение ее территории, отторжение от нее обширных земель и создание на оставшейся части марионеточного режима. Своим союзникам по агрессии Наполеон обещал передать отчуждаемые от России земли. К Австрии должна была перейти Малороссия, к Пруссии — Белоруссия и Русская Прибалтика.

К этому времени Наполеоном были покорены практически все европейские государства. Эти завоевания узурпатора с необыкновенной глубиной и точностью охарактеризовал А. С. Пушкин в своем стихотворении «Наполеон»:

*Среди рабов до упоенья,
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья
И цепи лаврами обвил.*

*Ты вел мечи на пир обильный,
Все пало с шумом пред тобой;*

Но этого утоления жажды власти завоевателю Европы было мало. В своих дневниках он писал: «Для мирового господства нужна была безграничная власть. Да, я желал мирового господства: но кто не желал бы его на моем месте? Сам мир призвал меня управлять собой». Разгром России, по замыслу честолюбивого завоевателя, должен был обеспечить успешный поход в Индию, победа над которой делала его властелином мира. Несомненную и скорую победу над Россией Наполеон связывал с внезапностью нападения, большим перевесом сил над русской армией и активной помощью со стороны «пятой колонны» внутри России — многочисленных членов масонских лож, которые были тесно связаны с французскими «вольными каменщиками».

12 июня 1812 года наполеоновская армия, насчитывавшая 640 тысяч солдат, вторглась в пределы России. В ее структуре около половины составляли немцы, австрийцы, испанцы, поляки, швейцарцы, хорваты, португальцы. Наполеоновским полчищам противостояла русская армия численностью 240 тысяч воинов. Под напором превосходящих сил русские с боями отступали. Под Смоленском, где Наполеон намеревался разгромить русскую армию, он хвастливо заявил: «Наконец-то! Они у меня в руках». Однако 4—6 августа русские войска основательно потрепали «непобедимых». Удручающее впечатление на «гения войны» произвело то, что французам не удалось взять в плен ни одного русского солдата.

8 августа главнокомандующим русской армии назначается М.И. Кутузов, который 26 августа дает решающее Бородинское сражение, в котором Наполеон потерял свыше 59 тысяч солдат и офицеров, 43 генерала и множество своих, овеянных победами, знамен. Потери русских также были велики. Фельдмаршал Кутузов послал императору Александру I донесение о победе, а 1 сентября военный совет в Филях принимает решение оставить Москву.

1 сентября авангард вражеских войск находился в непосредственной близости от Москвы, на Поклонной горе. Не дождавшись парламентариев с белыми флагами и ключами от вожделенной древней столицы, 2 сентября завоеватель вступает в Москву, где рассчитывал встретить депутацию бояр и мольбы русского царя о мире.

Увы. В Москве из 200 тысяч жителей оказалось лишь несколько тысяч. Пожар, бушевавший 4 дня, уничтожил практически все деревянные постройки. «Это — предвестник на-

ших величайших бедствий», – воскликнул «гений войны». Окаменевшего от отчаяния императора гренадеры насильно вывели из Кремля в загородный дворец. Отсюда он послал письмо Александру I с лицемерным сожалением о гибели Москвы и предложением о мире. Ответа он ждал 33 дня. Наполеон послал своего генерала Ларистона к М.И. Кутузову с предложением прекратить войну и заключить мир. Выслушав парламентаря, светлейший князь с величайшим достоинством и беспримерной лаконичностью заявил: «Как прекратить войну? Мы ее только начинаем».

Французы в Москве учинили несусветный грабеж, превратив уцелевшие каменные храмы в казармы и конюшни. В сентябре—октябре М.И. Кутузов проводит блестящий Тарутинский марш-маневр, вынуждая французов бежать из Москвы и отступать по разграбленной ими же старой Смоленской дороге. В бессильной злобе Наполеон приказывает взорвать Кремль. На изгнание завоевателя поднимается весь русский народ, развергается партизанская война. 14—16 ноября состоялось завершающее крупное сражение на Березине, доконавшее «великую армию». 14 декабря нашествящие полностью были изгнаны из России. От «великой армии» осталась 1000 солдат из личной гвардии Бонапарта и около 20 тысяч безоружных деморализованных завоевателей.

1 января 1813 года русское войско во главе с царем Александром I перешло границу, неся освобождение народам Европы от наполеоновского порабощения. 31 марта 1814 года русские вступили в Париж.

Победа России в войне с Наполеоном не только обеспечила свободу и независимость русского народа, но и освободила все народы Европы от рабского унижения перед тираном.

А.С. Пушкин так оценивал эту величайшую освободительную миссию России:

*И ненавидите вы нас...
За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..*

Победа в Отечественной войне 1812 года придала мощный импульс развитию всех сфер русской жизни. Однако не всем

это доставляло радость. Внутренние враги России масоны скорбели об изгнании своего кумира — Наполеона, с помощью которого они рассчитывали захватить власть в России, установить свое господство и учредить антинародную республиканскую форму правления по образцу Великой Французской революции. Масоны-декабристы приступили к разработке сатанинского плана свержения монархии, расчленении России на ряд самостоятельных государств, убийства царя и всей его семьи, уничтожения Православной Церкви, установления вместо нее масонской «Религии Разума».

14 декабря 1825 года офицерами-масонами вместо запланированной на эту дату присяги Санкт-Петербургского гарнизона на Сенатской площади был организован антимонархический бунт. Этот дьявольский замысел был пресечен решительными действиями только что вступившего на престол молодого императора Николая I. Масонские главари по решению суда были сурово наказаны. В России были восстановлены законность и порядок, обеспечившие созидательное развитие страны. Без малого 100 лет Россия крепла политически, экономически и духовно. Особо успешным был период царствования великого монарха-миротворца Александра III (1881—1894), при котором Россия не вела ни одной войны. Среднегодовой прирост промышленной продукции за 1881—1910 годы составлял 9 процентов. По темпам роста производительности труда Россия опережала все страны мира. Ее могущество, политический вес, расцвет культуры не имели равных на планете.

Начало XX века. Русско-японская война и революции

Впечатляющие успехи усиливали извечную вражду и ненависть к русскому православному народу и монархическому государству со стороны иудейских промышленно-финансовых кругов Запада, прежде всего США и их агентов внутри страны. В целях разрушения динамично развивающейся тысячелетней державы «малым народом» была развязана очередная широкомасштабная агрессия в форме революции.

К созданию революционной ситуации в России ее внешние и внутренние враги шли системно. При этом особо зловещую роль играл восхваляемый нынешними российскими либералами С. Ю. Витте. В действительности этот «экономический гений» был типичным западником: ловким, честолюбивым и нечистоплотным карьеристом, ненавидевшим Россию. Он представлял собой слугу трех господ. Господами для него были, во-первых, крупная монополистическая бур-

жуазия, прежде всего в виноторговле, во-вторых, финансово-банковский капитал США во главе с мультимиллионером Янкелем Шиффом, в-третьих, непомерное тщеславие.

Прологом к революции 1905—1907 годов послужили организованные сионистами два роковых события. Первое из них — это финансируемое американскими банками военное нападение в 1904 году Японии на Россию, к отражению которого наши армия и флот были не готовы. Причиной такого бедственного положения было то, что С.Ю. Витте, занимавший с 1892 года пост министра финансов, а с 1903 года — председателя кабинета министров, не понимал, а скорее не хотел понимать, геополитических интересов России на Востоке. В результате было полностью дезорганизовано снабжение русской армии и флота живой силой, военным снаряжением и провиантом.

Мало того. Несмотря на героическое сопротивление русской армии превосходящим силам японских агрессоров (достаточно указать на тот факт, что защита гарнизона Порт-Артура продолжалась 11 месяцев), С.Ю. Витте по указанию своего патрона Янкеля Шиффа 5 сентября 1905 года подписал в США позорный Портсмутский мир, по которому Россия передала Японии стратегически важную часть своей территории, включая Южный Сахалин, Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний и Курильские острова. Эта трагическая ситуация была использована врагами России для атаки на ее самодержавную власть.

Второе преступное событие было устроено в Петербурге 9 (22) января 1905 года, получившее у его устроителей название «кровавое воскресенье». Творцами этого злодеяния были все тот же банкир Шифф и его подручные — известный двойной агент-террорист Евно Азеф, «серый кардинал» боевой террористической организации Пинхас Рутенберг, молодой Лейба Бронштейн (Троцкий) и российский и германский социал-демократ, банкир Израиль Гельфанд (Парвус). С этой «великолепной» пятеркой находился в контакте и глава правительства С.Ю. Витте.

Для осуществления преступной провокации террористами был привлечен священник Георгий Аполлонович Гапон, который возглавлял «Общество русских фабричных и заводских рабочих». Гапон был противоречивой личностью. С одной стороны, он проявлял заботу о рабочих и пользовался их большим уважением. С другой стороны, он находился под сильным влиянием Рутенберга, который, работая инженером на Путиловском заводе, в провокационных целях организовал волнение рабочих. Некоторые из них, в том числе члены

гапоновского «Общества», были уволены. В их поддержку возникла массовая стачка рабочих, которые требовали не только восстановления уволенных, но и защиты своих прав, в частности, 8-часового рабочего дня. Гапон призывал рабочих к обращению со своими нуждами непосредственно к государю. Текст обращения был написан лично Рутенбергом. На воскресенье 9 января 1905 года намечалось массовое шествие народа к Зимнему дворцу, чтобы вручить петицию лично царю.

Витте, будучи председателем Кабинета министров, не мог не знать о том, что царя в это время в Петербурге не было, но ничего не сделал для того, чтобы предотвратить предстоящую манифестацию. Воскресным утром масса рабочих с женами и детьми, неся царские портреты, хоругви и иконы, с пением молитвы двинулись к Зимнему дворцу. Впереди этого крестного хода шел Гапон. Священник был убежден, что защищает права рабочих, и не подозревал, что слуги сатаны Азэф и Рутенберг уготовили ему роль организатора кровавой провокации. Первыми в солдат, преградивших путь демонстрантам, начали стрелять провокаторы, затесавшиеся в толпу рабочих. Среди солдат оказались убитые и раненые. В ответ пришлось стрелять в демонстрантов.

Этот трагический день получил название «кровавое воскресенье». Обманутый священник Гапон произнес знаменитые, написанные Рутенбергом, слова: «Пули убили веру в царя», а сам Рутенберг, от имени священника, выступал с призывами: «Бомбы, динамит — все разрешаю. Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты! Уничтожайте ненавистную народу полицию!»

Кровавая смута, организованная врагами России, была с негодованием воспринята лучшими представителями русской интеллигенции. Так, выдающийся историк, педагог и публицист Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1919) в октябре 1907 года писал: *«Пора бы русскому обществу очнуться от угара, который наслали на него органы жидовской печати, вот уже три года нагло утверждающие, что в России происходит, якобы, освободительное движение в смысле гражданской свободы. Движение это у нас сопровождается полным упадком нравственности, бесконечными убийствами из-за угла, грабежами, бессмысленными рабочими забастовками, от которых страдают сами же рабочие... Главная причина таких результатов заключается в том, что означенное движение — не русское, не национальное, что им овладело и руководит жидовство, с помощью захваченной в его руки печати, которая все русское преследует и толкает в грязь»*. Такая оцен-

ка трагических событий тех лет не потеряла своей объективности и до наших дней. Она вполне применима и к не менее трагическим событиям, происходящим в России последние 20—25 лет. К несчастью, призыв выдающегося русского патриота Д.И. Иловайского народом не был услышан.

Зловещий замысел террористов успешно осуществился. Россия погружалась в пучину революций. Из Петербурга она распространялась по городам и весям России. Во многом она расширялась посредством организации пропаганды, ведущейся Парвусом и Троцким на японские деньги. В своих мемуарах «Моя жизнь» Троцкий рассказывает, что *«получив от японцев первые 2 миллиона фунтов стерлингов, Парвус буквально стал духовным вождем революции. Вместе с Парвусом мы стали во главе маленькой «Русской газеты». В течение нескольких дней ее тираж вырос с 30 до 100 тысяч. Через месяц он увеличился до полумиллиона. Кроме того, я печатался в «Началах» и в «Известиях». Это были воззвания, манифесты, резолюции. Мы не только вертелись в революционном водовороте, мы создавали его»*.

Революция превращалась в массовый кровавый террор. С февраля 1905 по май 1906 года было совершено 15 покушений на губернаторов, 267 — на строевых офицеров, 12 — на священников, 26 — на крупных торговцев. Среди жертв были женщины и дети. Подстрекаемые врагами, крестьяне поджигали помещичьи усадьбы, школы, гимназии. Остановилась работа фабрик, заводов, железных дорог.

В Петербурге был создан «Совет народных депутатов», председателем которого стал Хрусталеv-Носарь, а его заместителем — Троцкий. Последний подготовил и провел резолюцию Совета «О вооруженном восстании и свержении самодержавия».

Революционной разрухе способствовала предательская деятельность главы правительства С.Ю. Витте. Его содействие инородцам-революционерам вызвало недовольство императора Николая II, и 16 апреля 1906 года премьер был отправлен в отставку.

Правительство возглавил министр внутренних дел, выдающийся государственный деятель Петр Аркадьевич Столыпин. Его решительными действиями революционная вакханалия была прекращена, и Россия вернулась на путь мирного, созидательного развития.

Ненавидистники России не могли смириться с поражением в 1905—1907 годы и активно готовили новые революционные бесчинства против православной России и ее самодержавной власти. Ими формировались одна за другой так на-

зываемые социал-демократические партии, главными целями которых были не провозглашаемые интересы рабочего класса и всего трудового народа, а разрушение монархического государства и захват власти. Среди множества партий особо агрессивную роль играли большевики, меньшевики, эсеры, анархисты, кадеты, бундовцы. Трагедия заключалась в том, что представители этих партий составляли большинство в IV Государственной Думе, руководящий слой которой возглавляли масоны. Этот законодательный орган, по существу, был механизмом разрушения великой империи. Интеллигенция, лишенная национального сознания, придала Думе форму западного парламента, который служил лишь интересам узкого круга торгово-промышленной буржуазии. Ее лидеры во главе с Родзянко, Гучковым, Львовым были предателями национальных интересов России и личными врагами императора Николая II.

В этой ситуации вновь вышла на арену зловещая фигура Янкеля Шиффа и его слуг, «ветеранов революции» 1905 года, находившихся в эмиграции в США. 14 февраля 1916 года в Нью-Йорке состоялась закрытая конференция эмигрантов-революционеров, устроенная на деньги Шиффа, определившая задачи по организации новой революции в России. Ровно через год из США отплыли два парохода с эмигрантами, численностью 265 человек, среди которых были небезызвестные Бронштейн (Троцкий), Коген (Володарский), Радомысльский (Урицкий) и другие известные враги России.

В феврале 1917 года произошло роковое событие, повергшее Россию в пучину бед и страданий, был свергнут и арестован император Николай II. Власть перешла к Временному правительству.

Враждебные эмигрантские и внутренние силы объединились, когда 21 марта 1917 года были отменены все ограничения по въезду в Россию. Этим воспользовалась волна эмигрантов во главе с Лениным. Проехать в Россию из Швейцарии обычным путем было невозможно, так как эти государства находились в состоянии войны с Россией. Выручили немцы, которые за большие деньги Парвуса провезли через германскую территорию спрятанными в запломбированных вагонах 224 революционера в Швецию, откуда они через Финляндию прибыли в Петроград.

Именно из этих возвратившихся в Россию двух эмигрантских групп после большевистского переворота в октябре 1917 года был сформирован аппарат петроградского правительства. В начале марта 1918 года это правительство, возглавляемое В.И. Лениным, перебралось в Московский Кремль.

Для сохранения национального состава не только в органах центральной, но и местной власти, 27 июня 1918 года в «Известиях» было опубликовано Постановление Советского правительства «Об энергичной борьбе с антисемитизмом», по которому граждане, выступавшие с критикой евреев, объявлялись «вне закона». В том же году был издан декрет «О красном терроре», открывавший неограниченные возможности для уничтожения лиц, не угодных новому режиму. Террор принял чудовищные масштабы. Когда в августе 1918 года был убит председатель Петроградского ЧК Моисей Соломонович Урицкий, в порядке «красного террора» было расстреляно 10 тысяч человек, списки которых были расклеены на заборах и стенах домов города.

Но врагам России не удалось достигнуть главного — уничтожить православную веру в душах большинства русских людей и их любовь к Отечеству.

Под руководством Иосифа Виссарионовича Сталина была отстранена от власти эмигрантская «пятая колонна» в лице так называемой ленинской гвардии, которая не просто терзала русский народ, но рассматривала Россию как горючий материал для сатанинского костра мировой революции. В кратчайшие сроки была проведена индустриализация страны, создан могучий образовательный, культурный, научно-технический и военный потенциал. Это обеспечило победу в Великой Отечественной войне и спасение народов мира от фашистского рабства.

Конец XX — начало XXI века. «Перестройка» и «Реформирование»

Вторая половина XX века и начало текущего столетия характеризуются опасным расширением и углублением коммерциализации жизни общества, неуклонно ведущей его к духовной деградации и физической гибели. «Коммерция» в переводе с латинского — торговля. Но ныне мы наблюдаем не просто развитие традиционной торговли, а наступление агрессивного всеохватного торжища с целью безмерного получения денег. В так называемой «западной цивилизации» достижением этой абсурдной цели и служит пресловутый «рынок», на котором продается и покупается все, включая не только материальные блага, но и достоинство, свободу, честь, совесть и саму жизнь как отдельного человека, так и целых стран и народов.

Такая сатанинская практика жизни возникла и утвердилась не на пустом месте. Ее генетическими корнями явились

идеи о том, что основной целью экономической (хозяйственной) жизни является накопление денег и капитала «избранными» за счет обмана и угнетения «неизбранных».

В противоположность этому в русской православной цивилизации экономическая (хозяйственная) деятельность строилась на следующих принципах:

1. Хозяйство есть преимущественно духовно-нравственная категория, ориентированная на справедливый миропорядок, учитывающий интересы всех и каждого участника хозяйственной деятельности — труженика.

2. Функционирование хозяйственных единиц и системы в целом, основанное на использовании собственных ресурсов, обеспечивающих их самодостаточность и относительную замкнутость (автаркия).

3. Способность к самоограничению — разумному потреблению материальных благ.

4. Труд есть добродетель, не бремя и проклятие, не принуждение, а добровольная естественная потребность человека в производительном труде.

5. Собственность есть результат труда, а не капитала. Капитал является производительной частью собственности, а не ростовщичеством.

На этих позициях стояли гиганты русской мысли Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, святые Сергей Радонежский, Иосиф Волоцкий, Михаил Ломоносов, Иван Посошков, Андрей Болотов, Иван Киреевский, Иван Аксаков, Дмитрий Менделеев, Сергей Булгаков.

Мысли, идеи, учения и конкретные дела русских экономистов, предпринимателей, купцов, сельских хозяев создали в России эффективную, самодостаточную и конкурентоспособную экономику, ставшую одной из главных составляющих роста мировой экономики. Развитие России было беспрецедентно.

За 1901—1990 г. объем национального богатства страны возрос в 80 раз, в том числе объем промышленности — в 160 раз, сельского хозяйства — в 4,2 раза при росте численности населения за этот период в 2,2 раза. Принципиально важно отметить, что соответственно в США за этот же период национальное богатство увеличилось в 17 раз, в том числе промышленное производство в 18 раз. Особо подчеркну, что гигантский рост российской экономики не могли затормозить даже такие разрушительные события, как Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная войны, навязанные русскому народу его извечными врагами. Такова плодотворность идеологии и созидательная мощь механизма русского хозяйствования.

Современные враги и ненавистники России увидели в этом динамичном созидании смертельную угрозу своему грабительскому хозяйничанию и стремлению к мировому господству. Не надеясь победить Советский Союз как преемника исторической России, мировые хищники в лице финансово-банковского и промышленного капитала США, Израйля и Западной Европы по благословению Римской католической церкви приняли решение взорвать его изнутри, используя для этого свою «пятую колонну» из прогнившего руководства КПСС и продажных средств массовой информации. Используя свои неограниченные финансовые ресурсы, алчность и предательскую суть этой прослойки российского общества, была организована так называемая «перестройка» во главе со слабовольным и неграмотным Горбачевым, а затем лживое «реформирование» планомерно развивавшейся советской экономики под пьяным «руководством» большого самодура и карьериста Ельцина. Но это были мнимые руководители деятельности по разрушению России. Они были лишь исполнителями указаний истинных инициаторов и руководителей этого зловещего процесса, среди которых — М.Тетчер, Р.Рейган, Г.Коль, Б.Клинтон, Г.Киссинджер, З.Бжезинский и их «духовный» покровитель, глава католической церкви — папа Иоанн Павел II (поляк Войтыла).

Оценку их враждебной деятельности дал митрополит Виталий (в миру Устинов Ростислав Петрович) — первоиерарх Русской Зарубежной Церкви (1910—2001). Вот его слова из обращения к русской молодежи, сделанное в 1989 году: «Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя русского возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почизе Наполеона и Гитлера».

Мудрое предсказание митрополита Виталия было реализовано вышеперечисленными западными лидерами и их пособниками в самой России с поразительной точностью. Разрушение нашей страны проводилось под иезуитским предлогом перевода российской экономики на рыночные отношения.

Приступая к разрушению мощнейшего научно-технического и экономического потенциала СССР, команда Горбачева, прошедшая подготовку в Гарвардском университете США, выдвинула лживую версию о «застое» в развитии экономики страны, о необходимости «ускорения». В действительности никакого застоя не было. Шло планомерное совершенствование структуры экономики, предусматривающее приоритетное развитие отраслей хозяйства, непосредственно работавших на повышение благосостояния народа, — легкой и пищевой

промышленности, жилищного и культурно-бытового строительства, объектов образования, здравоохранения, спорта, сферы услуг. Если посмотреть в процентном отношении все среднегодовые темпы прироста в СССР, то динамика роста экономики и изменение ее структуры красноречиво укажут **не о застое, а о важном прорыве в направлении социальной эффективности экономического роста и об увеличении темпов прироста производительного капитала почти в 2 раза.** Это был мощный задел для развития страны.

Быстро возростала культура и материальное благополучие всех слоев советского общества, совершенствовался оборонный потенциал, укреплялся авторитет Великой державы — защитницы мира на Земле. СССР начинал, не утрачивая превосходства над США в области развития науки, образования и тяжелой индустрии, опережать эту наиболее богатую страну и по уровню жизни населения. Достижения этой цели не могли потерпеть отцы финансово-банковского капитала Запада. России была объявлена новая смертельная война. Словооблуд Горбачев был заменен пьяницей Ельциным с его окружением, руководящие посты в котором получили и такие «корифеи» государственного управления, как Гайдар, Чубайс, Явлинский, Козырев, Березовский, Гусинский, Немцов. Первой задачей этих правителей было разрушение Великой державы и разграбление ее несметных богатств.

Не владеющий азами управления экономикой наследственно-недоразвитый штатный журналист «Правды» и «Коммуниста» Гайдар назначается руководителем правительства РФ и директивно изрекает: «Россия как государство русских не имеет исторической перспективы». Враги России ликуют. Осенью 1993 года госсекретарь США Уоррен Кристофер заявляет: «Реформы Гайдара — это инвестиции в национальную безопасность США».

Началось систематическое уничтожение России, продолжающееся по сей день. Ее убивают грабежом, безработицей, нищетой, алкоголем, наркотиками, клеветой, ложью, духовным растлением молодежи, беспризорностью детей, беззаконием, диктатурой воров-олигархов, произволом высшего чиновничества.

Ставленник США, беспредельно наглый Чубайс так говорил о делах Гайдара и своих собственных, имея в виду преступную приватизацию: *«Мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма. Это — разные задачи с разной ценой. Что такое приватизация для нормального западного профессора? Для него, в соответствии с западными учебниками, это — классический экономический процесс. А мы знали,*

что каждый проданный завод — это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого ли, дешево, бесплатно, с приплатой — двадцатый вопрос, двадцатый. А первый вопрос один: каждый появившийся частный собственник в России — это необходимость». Нет, каждый свой ржавый гвоздь они забивали не в гроб коммунизма, в живое тело России, в тело и душу каждого русского человека, в его достоинство, в его духовно-нравственное мировоззрение, в его уникальную историческую культуру. За это неслыханное преступление их ждет суровое возмездие.

За время либерально-демократического режима Россия потеряла 5 миллионов квадратных километров своей территории. Уничтожено 20 тысяч сел и деревень. Утрачена продовольственная безопасность страны. Заброшены сотни городов, в том числе десятки наукоградов. Разобраны многие тысячи километров железных дорог и линий электропередачи. Практически полностью уничтожены станкостроение, сельскохозяйственное и мелиоративное машиностроение, авиационный и автопром. Разорены армия, военно-морской и военно-воздушный флот. Гибнет академическая и отраслевая наука. Вместо полноценного высшего образования насаждается примитивный бакалавриат. Уничтожена стройная система профессионально-технического образования. Реформами, проводимыми под руководством министра образования Фурсенко, средняя общеобразовательная школа приспособляется к нуждам колониально-депрессивной экономики. Доказательством реализации этого преступного замысла является тот факт, что только за 2007—2008 годы в стране было уничтожено 2,5 тысячи сельских школ.

Угрожающе деградирует национальная структура населения. За 1992—2010 годы вымерло 17 миллионов русских людей. Кроме того, за эти годы Россия недосчиталась примерно 20 миллионов русских душ из-за резкого сокращения рождаемости. Одновременно в страну въехало около 30 миллионов мигрантов нерусской национальности. Страна на глазах теряет политический, военный, экономический, культурный и национальный суверенитет. Демографы ожидают, что при сохранении нынешней ситуации доля русского народа в общей численности населения к середине текущего столетия составит менее 50%. А это означает, что русские как государствообразующий народ исчезнут с исторической арены. Чтобы избежать этой трагедии, русскому народу необходимо осознать угрозу грядущей катастрофы, сбросить наваждение обреченности и объединить свои могучие, ныне дремлющие силы на противление чудовищному злу путем создания

Русского православного государства. Только таким путем и возможно вернуть Россию на путь ее исторического созидательного развития.

Им всё нейдет

В начале 80-х годов прошлого века в недрах крупных государственных, точнее сказать, ведомственных учреждений «Гидропроект» и «Гипроводхоз» был разработан чудовищный по своей разрушительной силе **проект переброски части стока северных и сибирских рек в южные регионы страны**. Воды северных рек — Западной Двины, Сухоны и Печоры предполагалось перебрасывать в акватории Каспийского и Азовского морей. А воды сибирских рек — Иртыша, Оби и Енисея — на территорию среднеазиатских республик СССР. Названные учреждения с их огромными штатами были, по существу, наследниками карательных организационных структур ОГПУ, НКВД, занятых в начале 30-х годов XX века сооружением Беломорско-Балтийского канала.

Показательно, что начало этой злодейской акции по времени было приурочено к «перестройке» — разрушению СССР, начатому предателем Горбачевым и его советниками по благословению врага православия — папы римского Павла Иоанна II.

Переброска замышлялась как глобальная задача, над реализацией которой трудились многие тысячи аморальных, бездуховных, безнравственных технократов-карьеристов, готовых за «тридцать серебряников» пойти на любые черные дела. Назову фамилии лишь некоторых начальников, руководивших работами по реализации «проекта века». Это — Березнер и Штепа, Полад-Заде и Бастанджогло, Коронкевич и Гангардт, Львович и Местечкин, Воропаев и Духовный, Засухин и Подкопаев, Израэль и Грищенко, Паскарь и Каплан, Авакян и Герарди — вот лишь некоторые из злоумышленников, имя которым — легион. Ныне некоторых из них уже нет, а другие — далече. Но остались их наследники в лице американских и российских идеологов глобализации, жаждущих уничтожения России.

Главным аргументом в пользу замышляемого черного дела было и остается нелепое утверждение о том, что природа совершила роковую «ошибку», крайне неравномерно разместив водные ресурсы по территории России. В результате, по мнению этих лжеученых, на севере воды оказалось слишком много, а на юге — слишком мало, и ее следовало перераспределить и тем исправить «ошибку» природы.

Необходимость переброски **северных** рек проектанты объясняли катастрофическим падением уровня Каспийского моря. Между тем уровень Каспия не понижался, а, наоборот, повышался. Проектировщики это не смущало. Подъему Каспия они давали до убожества примитивное объяснение: мол, в верховьях Волги прошли обильные дожди, и поэтому уровень водостояния моря поднялся. Но это явление, утверждали они, должно закончиться через год, после чего уровень Каспия резко упадет. Мнение многих ученых, в частности, такого авторитетного, как Лев Николаевич Гумилев, научно доказавшего цикличность динамики уровня моря, происходящей на протяжении веков, в расчет не принимались. Обоснованные на базе гравитационной теории предсказания талантливой гидролога-практика Бориса Михайловича Козенко (г. Краснодар) о том, что начавшийся в 1980 году подъем уровня Каспия, будет продолжаться 30 лет, перебросчиками были расценены как шарлатанство. Между тем шарлатанами оказались перебросчики. Каспий поднимался в течение более 20 лет, его уровень повысился на 2 метра. Море затопило десятки санаториев, пансионатов, турбаз, подтопило огромные площади плодородных ближайших и отдаленных земель. Сооружаемые прибрежные защитные дамбы, над созданием которых перебросчики трудились не покладая рук, не избавляли от ущерба, наносимого водной стихией.

Чтобы обеспечить передачу перебрасываемой воды с севера на юг «самотеком», проект предусматривал сооружение 35 огромных водохранилищ и затопление громадных территорий с древними городами и селами, с обширными лесными угодьями, с плодородными заливными лугами и ухоженными пашнями, с бесценными историческими памятниками русской православной культуры.

Есть основание думать, что это тяжкое злодеяние и было истинной целью разработчиков и исполнителей проекта. Так, директор Института водных проблем Академии наук СССР Г.В. Воропаев, «научно» обосновывая необходимость переброски, по поводу гигантского затопления северных территорий — этой колыбели русской национальной цивилизации, заявлял: «А что их жалеть. Это же Богом забытый край, там, кроме клюквы, ничего не растёт».

Что же касается переброски **сибирских** рек в среднеазиатские республики, то её, по объяснению проектантов, следовало осуществлять для расширения орошаемых земель под возделывание хлопка. В действительности же страна вовсе не нуждалась в расширении производства хлопка-сырца. Все внутренние потребности в нём и экспортные обязательства

перед странами социалистического лагеря полностью удовлетворялись существующими в то время объемами производства этой культуры.

Проект предусматривал проведение грандиозных работ в три этапа. На начальном из них (первая очередь) предусматривалось перебросить 24—27 кубокилометров сибирских вод, изымаемых в месте впадения Иртыша в Обь. Вторая и третья очереди переброски составляли 60 и 120 кубокилометров воды, в том числе и из Енисея. Первоочередно изымаемую воду предполагалось передавать на юг по гигантскому каналу с земляным руслом, протяженностью 2,5 тысячи километров, шириной 200 метров и глубиной 16 метров. Проектанты отвергали мнение специалистов-почвоведов, агрономов и гидротехников о том, что при таком способе транспортировки передаваемая вода превратится в раствор, который окончательно загубит и без того засоляемые земли Средней Азии и обречет проживающие здесь народы на вечный голод и болезни. Не было перебросчика дела и до того, что «дефицит» орошаемой воды был искусственным. Реки Амударья и Сырдарья несли в себе из горных районов 110—115 кубокилометров чистой воды.

Ее рациональное использование было основой жизни местных народов. Здесь успешно развивались рыбное хозяйство, садоводство, виноградарство, шелководство, пчеловодство, разводились уникальные ахалтекинские лошади, тонкорунные и курдючные овцы, создавались величественные памятники духовной исламской культуры.

Что же касается пресловутого дефицита воды, то он был обусловлен царившей бесхозяйственностью, при которой 90% магистральных и распределительных оросительных каналов были не облицованы, и поэтому более половины воды терялось из-за фильтрации, что приводило к засолению земель и разрушению их плодородия. Но необходимость совершенствования технологии в орошаемом земледелии проектантов не заботила. Их целью было, во-первых, хищническое «освоение» гигантских народных средств, а, во-вторых, отвлечение их от решения насущных социально-экономических проблем в жизни советского общества.

Мне как руководителю Отдела экономических проблем природопользования Центрального экономико-математического института Академии наук СССР и эксперту ООН по окружающей среде, были очевидны катастрофические последствия реализации «проекта века» для экономики, экологии и культурно-исторического наследия страны. Чтобы не допустить этого, приходилось вести тяжелую борьбу про-

тив сплоченной водохозяйственной мафии, поддерживаемой чиновниками высших партийных органов страны. Критические выступления против переброски не допускались. Прорвать заговор молчания удалось, лишь воспользовавшись следующим обстоятельством. Шел 1985 год — канун разработки очередного пятилетнего плана развития страны на 1986—1990 годы. По существующей в то время практике, основные положения и контрольные цифры перспективного плана были опубликованы во всех центральных газетах для всенародного обсуждения. В составе важнейших задач развития народного хозяйства в предстоящем пятилетии предусматривалась и реализация проекта переброски части стока северных и сибирских рек. Мною было направлено в несколько центральных газет и журналов предложение об исключении из проекта плана намечаемой деятельности по осуществлению переброски как экономически разорительной и социально-экологически опасной для страны. Большинство редакций от публикации этого «крамольного» предложения воздержались.

Исключение составила газета «Советская Россия», которая опубликовала 20 декабря 1985 года мою статью «Против течения». Публикация статьи вызвала широкий отклик среди общественности. Из отзывов, поступивших в редакцию, наиболее весомое значение имела реакция группы русских писателей, которые в той же газете «Советская Россия» от 3 января 1986 года писали: «Глубокую тревогу вызывает проект переброски части стока рек на юг. Вполне разделяя аргументированную позицию эксперта М.Лемешева, хотим высказать и свою точку зрения. Мы внимательно изучали экономическое, социальное, техническое обоснование проекта, не раз бывали на Севере, выслушали мнение ученых, партийных руководителей заинтересованных областей, энтузиастов охраны памятников культуры и истории, встречались с авторами проекта и руководителями центральных ведомств, ответственных за мелиорацию. Все это позволяет нам считать, что проект переброски страдает приблизительностью и слабой научной обоснованностью. Он необычайно дорог — равных ему не было еще в практике мирового строительства... В этих условиях мы поддерживаем предложение — исключить из «Основных направлений» запланированное задание о переброске северных вод на юг». Статью подписали: Виктор Астафьев, Василий Белов, Юрий Бондарев, Сергей Залыгин, Леонид Леонов, Дмитрий Лихачев, Валентин Распутин.

Публикация этих двух материалов активизировала движение общественности против переброски. В борьбу против

зловещего замысла активно включились ученые, писатели, журналисты, кинодокументалисты, жители районов, обрекаемых на затопление, а также широкий круг людей самых разных специальностей, проживавших во многих регионах СССР.

Одновременно мне и моим единомышленникам удалось учредить специальную Комиссию при Президиуме Академии наук СССР, которую возглавил вице-президент, выдающийся геолог, академик Александр Леонидович Яншин. В Комиссии было создано 7 специализированных секций, что позволяло рассмотреть проблему переброски всесторонне и оценить неизбежные разрушительные последствия реализации проекта. В работе Комиссии активное участие принимали выдающиеся, всемирно известные ученые — академики Лев Семенович Понтрягин, Георгий Иванович Петров, Георгий Сергеевич Голицын, Борис Сергеевич Соколов, Тимур Магометович Энеев, академики ВАСХНИЛ Владимир Александрович Тихонов, Евгений Евгеньевич Сыроечковский, Александр Николаевич Каштанов, многие доктора и кандидаты наук, специалисты в области географии, геологии, археологии, гидрологии, почвоведения, климатологии, мелиорации. Активное участие в работе комиссии принимали писатели, художники, архитекторы, реставраторы, скульпторы.

Мне довелось быть заместителем академика А.Л. Яншина и руководителем социально-экономической секции. Работа Комиссии продолжалась в течение 6 месяцев. Ее материалы составили 40 томов, основное содержание которых было обобщено в заключительном докладе, с которым выступал академик Яншин на заседании Правительства СССР и Политбюро ЦК КПСС.

Существенным было и то, что я как эксперт ООН обратился к правительствам стран — членов Европейской Экономической Комиссии с просьбой высказать свое суждение о переброске. В ответ на него правительства Германии, Англии, Болгарии заявили правительству СССР, что природо-преобразующий проект такого масштаба недопустимо реализовывать без совместного обсуждения с компетентными органами стран Европейского континента. Комплекс этих мер позволил Политбюро ЦК КПСС и Совету Министров СССР 13 августа 1986 года принять разумное «Постановление о прекращении работ по переброске рек». Грядущая катастрофа была предотвращена. Советская экономика продолжала динамично развиваться. Тогда враги России организовали более масштабное преступление.

«Преобразователи» природы на время затихли. На смену им выступили «реформаторы», поставившие перед собой бо-

лее грандиозную цель — уничтожить Россию путем демонтажа могущественного Советского Союза. Целями разрушения были уничтожение Советской власти, отказ от социалистического пути развития общества с его централизованной системой планирования и управления экономикой, ликвидация общественной собственности на народное богатство, его разграбление и передача в частную собственность ворами и проходимцам посредством преступной приватизации.

За 20 лет перестройки и реформирования великая держава была ликвидирована, а страна опущена до уровня колониальной территории, превращена в сырьевой придаток западных стран. Наука, образование, здравоохранение впадают в жалкое существование, порушены военно-промышленный комплекс и продовольственный потенциал, в стране царят безработица и беспризорность. Национальное достояние присвоено алчными представителями «малого народа», накопившими миллиарды долларов на бедствиях и страданиях народа. Нынешняя власть их именует «эффективными собственниками» и «талантливыми менеджерами», а рост их числа рассматривает как достижение и успех проводимых реформ. Примеру этих грабителей следует высшее чиновничество в структурах законодательной и исполнительной власти, среди которых народились уже сотни долларовых миллионеров посредством использования коррупции и лоббирования преступных интересов.

Но им всё нейдет. Так, бывший мэр Москвы Лужков, находясь у власти, отыскал обильный источник наживы в реанимации преступного «проекта переброски» части стока сибирских рек в среднеазиатские республики, отвергнутого народом четверть века назад. Разглагольствуя о высоких чувствах интернационализма и помощи дружеским народам новоявленных среднеазиатских государств в преодолении мифического водного дефицита, бывший московский градоначальник не скрывал, что главной его целью была продажа воды и обогащение дополнительного легиона бизнесменов-паразитов, ненавидящих Россию, русскую природу и русский народ. Лужков-то ушел, но его преступные идеи живут в мозгах оставшихся чиновников-разрушителей.

Нетрудно заметить, что вторым смыслом возвращения к идее переброски является отвлечение скудных ресурсов разоряемой России от решения её жизненно важных социально-экономических задач. Неслучайно Ю.Лужков выпустил книгу «Вода и мир» в разгар системного российского кризиса в конце 2008 года. Книга вышла по нынешним временам большим тиражом в 10 тысяч экземпляров в издательстве с

символическим названием «Московские учебники». Кто является подлинными авторами книги, сказать затруднительно. Чему учит этот труд, пусть судят читатели. Со своей стороны я лишь отмечу, что ее содержание полно невежества, лжи, клеветы и оскорблений в адрес множества честных и добросовестных людей, которые не жалея своих сил и знаний, в середине 80-х годов прошлого столетия боролись против сатанинского замысла разрушения природы и благополучия жизни миллионов граждан России. Приведу лишь некоторые примеры в подтверждение своей оценки содержания книги Лужкова.

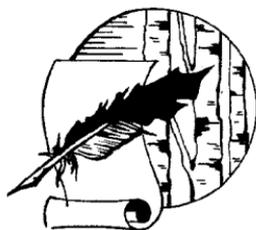
Первый из них — о невежестве. Рассуждая о целесообразности передачи воды в среднеазиатский регион, постоянно говорится о переброске части стока **северных** рек. Даже в аннотации к книге читаем: «Пора на новой технологической, экономической и политической основе вернуться к проекту переброса части стока **северных** (?) рек». Хотя любому специалисту ясно, что в Среднюю Азию предусматривалась переброска воды не **северных**, а **сибирских** рек, что это два самостоятельных проекта, непосредственно не связанных друг с другом.

Второй — о лжи. В книге утверждается, что «удар по проекту переброса воды имел скрытой целью разрушение единства судеб, общности истории России и Средней Азии, демонтаж СССР». Совершенно очевидно, что это — неуклюжий и лживый приём, чтобы свалить вину «с больной головы на здоровую».

Третий — о клевете и оскорблении. Автор или авторы утверждают, что при победе здравых сил над злым замыслом перебросчиков «произошло поругание профессионализма, победное шествие дилетантов, лжепатриотов и лжеэкологов, выступавших не только против проекта переброса, но и против СССР». Приведенный выше перечень специалистов высочайшего класса, участвовавших в борьбе против переброски, наглядно опровергает это наглое заявление.

И ещё одно принципиальное замечание. В книге читатель найдёт такие слова: «Один из известных экологов, много сил положивших, чтобы проект переброски воды не осуществился, придерживается и сейчас того мнения, что крупные, национального масштаба, проекты больше вообще не нужны России». Мне неизвестно, кого имеет в виду Юрий Михайлович, но лично я — горячий сторонник крупных, но не разрушительных, а созидательных проектов. В своё время («Русский дом», 2003, №2) я уже предлагал московскому градоначальнику организовать разработку и реализацию не просто

крупного, а грандиозного, жизненно необходимого проекта реконструкции и модернизации транспортной системы Москвы. Считаю возможным адресовать это предложение и нынешнему градоначальнику Москвы. Нерешённость этой проблемы на наших глазах превращает столицу в мёртвый город, здоровое проживание в котором становится невозможным. Содержание такого проекта должно состоять не в погибельном приобретении дополнительных миллионов автомашин в личное пользование, не в бессмысленном и разорительном сооружении наземных и подземных гаражей, не в устройстве «ловушек» за счёт уничтожения газонов и зелёных насаждений. Очевидно, что они не решат проблемы парковок машин. Необходимо интенсивное и крупномасштабное развитие **общественного** транспорта — метрополитена, троллейбусных и трамвайных линий, велосипедных и пешеходных дорог, транспортных развязок и других коммуникационных сооружений. Такое решение, в отличие от реанимации преступного «проекта века», будет наверняка встречено с искренним пониманием не только москвичами, но и всеми гражданами России.

Александр МОРИН

С ЛЮБОВЬЮ ЖИТЬ...

МОСКОВСКИЕ КРЫШИ

Из высотки на Покровке —
Славный вид московских крыш.
Видно, как в полете ловки
Грач, воробышек и чиж.

Мы любим картину
Труб и окон слуховых,
Взлетом кроны тополиной
И устройством гнезд витых.

Здесь и звонница поближе.
Слепит купол золотой.
Все земное здесь — пониже,
Выше только Дух Святой.

ГРААЛЬ

Человек — Всевышнего Грааль,
Чувствами наполненный до края.
В нем есть все: и радость и печаль,
Яд змеиный и вода живая.

Что из чаш отведать суждено,
Если жить с прикрытою душою?
Солнечно-искристое вино
Или лун коварные настои?

Наливайте для других в бокал
Доброты и радуги круженье.

* * *

Синью горизонт к себе манит.
Что за той чертой — никто не знает.
То ли это вход в ворота рая,
То ли ход в забвение открыт?

По аллее детство вновь бежит.
Вот исчезла старость за чертою.
Жизнь течет обычной чередою,
И аллея кленами горит.

ОПУСТЕВШИЙ ДОМ

Старый дом с покосившейся крышей,
Обнесенный нестройным плетнем...
Ветер ветхие ставни колышет
И гудит в дымоходе печном.

Почернел низкий сруб-пятистенки,
И труба ворона от золы.
Накренился в светелке простенок,
Провалились в подполье полы.

Опустевшая жизни обитель,
Очага родового скелет.
На погосте его прародитель,
Он покинул давно белый свет.

И птенцы из гнезда родового
Разлетелись по свету всему.
Не оставив в нем духа живого,
Не оставив надежды ему.

ВОДОПАД

Стеною падает вода
И закипает у подножья.
Не удержать и не взнудать
Нам водяное бездорожье.

Не успокоится, шумит
Река, спадая на пороги.

Никто ее не примирит
С твердыней, брошенной под ноги.

Да, красотой их борьбы
Века успеют насладиться
И водопадами судьбы
Со скал истории пролиться.

Галина РУДАКОВА

ПОСЕЯНЫ ПОД ЗИМУ СЕМЕНА

АВГУСТ

На сеновал в полумраке забраться.
Вот и закончились белые ночи...
Длинной волной монотонных вибраций
Тихо, чуть слышно кузнечик стрекочет.

Глухо стрекочет, чтоб сон не нарушить,
Или решил поскорей убаюкать.
Нет, не заснуть! Околдована звуком,
Платье накину и выйду наружу.

Вдруг — у колодца — вся гамма созвучий:
Кто-то гремит и ведерком, и цепью,
Крутится, крутится ворот скрипучий,
Грустью нечаянной сердце зацепит.

Вспомнится, как еще было при маме, —
Этот колодец поил полдеревни;
Как начиналось здесь утро дымами,
Мыком коровьим да словом распевным...

Ну а теперь всё пустынно и глухо.
Рядом горят торфяные болота.
Ветка упавшая хрустнула сухо...
С красным оттенком луны позолота...

Ветер, и тот, видно, прячется в ивах.
Речка иссохла до самых источников.
Дымно и душно. И как-то сонливо,
Тихо, чуть слышно кузнечик стрекочет.

* * *

Ночь августа. Вот-вот всплывет луна,
Пробрызнут звезды, приумолкнут птицы...
За островами катится Двина.

Илья-пророк на звонкой колеснице
Проехал по небу, и ясно виден след
Ее колес... да растерялись спицы...

Горят костры на ближних островах,
И отсветами озеро искрится,
А мы вдвоем, и только ночь права...

Ответь, ужель нам это всё не снится:
И музыка, и робкий полусвет...
Как запах расточает сон-трава!

Не отвечай... В твоих глазах — ответ.

КОЛОКОЛЕНКА

По осенней поре
 навещаю места эти дивные.
Отзвучало здесь детство,
 как заигрыш жизни, судьбы.
Здесь родители наши
 гуляли с тальянкой да с ливенкой,
А теперь и жилой
 ни одной не осталось избы.

Вот стою и смотрю,
 и ничто не нарушит безмолвие,
Только сердце стучит,
 да глухое волнение в груди,
А из прошлого вдруг
 колоколенка выплывет звонкая —
И сквозь дымку времен
 развиднеется там, впереди...

На высоком угоре,
у рады сосновой — на Дымкове
Красовалась она
среди житных полей до войны,
Испокон на нее
любовались идущие мимо,
И звучал благовест
над лесами, над руслом Двины...

Всё быльем поросло,
всюду травы здесь непроходимые.
Где тропинка, которой
по праздникам шли на поклон?
Лишь крутые ветра
раздувают платки пестрядинные
Прихожанок — берез,
что, смиренные, встали на склон.

Для кого же теперь
эта синь, эта даль колокольная?
Лишь метель-плачя
здесь зимой запеваёт окрест.
Нам остались от дедов поля
и дороги окольные
Да на острове ближнем —
молельный раскольничий крест.

Пролетят журавли,
оживет с ними высь бирюзовая.
Кто помашет им вслед
на пустынных дорогах села?
Голосам журавлей,
сердца вечному, тайному зову ли —
Как собратья, в ответ
вдруг откликнутся колокола.

* * *

Осеннего солнышка взгляд отрешенный,
Да тучи, что движутся медленным стадом...
Мы с мамой жнём жито и ставим суслоны,
И полнится сердце покоем и ладом.

Откуда она, красота неземная,
Ведь голы поля и обкошены склоны?

По этой земле, что такая родная,
Идем, отдавая земные поклоны.

Срезаем серпом золотые колосья,
Наклонно снопы прислоняем друг к другу.
Под крышей они, словно братья и сестры,
Обнявшись, стоят после долгой разлуки.

И мама под шорох жнивья напевает
(Хоть редко теперь ее вижу веселой)...
И поднята ветром пернатая стая
Под неба осеннего скомканный полог.

* * *

Развешиваю влажное белье
У ивы, под окном заиндевелым.
Мой дом — мое уютное жилище —
До окон утонул в сугробах белых.

Здесь утро начинается с забот:
От русской печки — до кровати детской.
Пусть нескончаем дел круговорот,
Мне эта жизнь по вкусу и по сердцу.

Здесь глаз родных неугасимый свет,
Здесь пишутся стихи и акварели.
Я на земле оставила свой след,
И этот след не заметут метели.

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

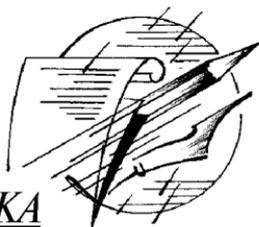
Глава 4. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСПАНИЯ: ПРОЦВЕТАНИЕ НА ГРАНИ КРАХА

От диктатуры — к социализму и к преддверию дефолта

После того, как фашистская Италия и нацистская Германия были разгромлены во Второй мировой войне, их союзник (как его воспринимали в мире) — режим Франко в Испании — оказался в изоляции. Испания, в войне, с юридической точки зрения, участия не принимала. (Если не считать посылки Франко «Голубой дивизии» на советско-германский фронт, но ведь он не воевал на стороне Гитлера, а «боролся с коммунизмом».) Следовательно, у США и Англии не было формального повода оккупировать её после войны. Но и безоговорочно принять её в «семью демократических стран» они тоже не могли. Поэтому Испания была наказана: США не предоставили ей экономическую помощь по плану Маршалла, но это пошло Испании на пользу. Она стала развивать замкнутую самодостаточную экономику. Это повлекло за собой высокую степень вмешательства государства в рыночные отношения.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сам Франко был выходцем из испанского среднего класса кастильской рыцарской среды с её стремлением к завоевательным походам и с презрением к деньгам, к «золотому тельцу», предпринимательству и тем более ростовщичеству. Его идеал был прост: «Вся страна — как армия». Естественно, что Франко были чужды принципы рыночной экономики. И опираться ему приходилось на Фалангу, программа которой носила подчеркнуто антикапиталистический характер. Она провозглашала целью проведение «националистической революции» и установление справедливого строя. Из фалангистов тоже вряд ли могли получиться эффективные рыночники. Но фалангизм — это не нацизм и не фашизм. Франко создал совершенно новый государственный строй. В стране создавались «органическая демократия» и «корпоративное государство» — многое в этом вопросе франкисты позаимствовали у итальянских фашистов, но с существенными отличиями, обусловленными конкретной обстановкой в своей стране. Франко вынужденно установил режим автаркии, стремясь к полному самообеспечению страны всеми необходимыми товарами.

Социальные конфликты Франко решал, с одной стороны, жестоко подавляя любые попытки борьбы с режимом ради улучшения условий жизни. С другой стороны, он ввёл единую форму экономической организации, решив «рабочий вопрос» через создание «вертикальных синдикатов» («профсоюзов»), объединявших и наёмных работников, и работодателей и полностью контролируемых государством. Рабочие и предприниматели рассматривались с общегосударственной точки зрения как составные части единого промышленного организма и получили одинаковое название «производители». Тем самым как бы устранился классовый антагонизм, классовое сознание заменялось национальным. **Эта черта — общая всем корпоративным государствам.**

Синдикаты выступали арбитром в спорах об условиях и оплате труда. **Испания, чуть ли не единственная из стран Западной Европы, не только до, но и после Второй мировой войны имела широкую сеть «профсоюзных» санаториев и домов отдыха, детских летних лагерей.** Франко на словах пытался воплощать в жизнь данное обещание — «проводить всю свою экономическую политику прежде всего в интересах низших и средних классов». На деле, конечно, чем дальше, тем в большей степени главные выгоды получал крупный капитал, в меньшей мере — средний класс, а уж низам доставалось то, что оставалось от пиршества состоятельных слоёв общества. **И всё же новая система одинаково далеко отстояла как от со-**

циализма советского образца, так и от классического либерального капитализма.

Трудно сказать, как долго удалось бы Франко балансировать на грани провала, но тут изменилась в благоприятную для него сторону международная обстановка. Надвигалась «холодная война». Ещё когда советские войска вели бои за Берлин, Черчилль уже разрабатывал стратегию «отбрасывания коммунизма». Он даже строил планы операции «Немыслимое» — бросить в бой против Советской армии немецкие дивизии, сдавшиеся в плен американцам и англичанам. Вскоре в США начали разработку планов нанесения ядерных ударов по советским городам. Естественно, Сталин не мог на это не реагировать. Советский Генштаб также стал прорабатывать планы разгрома англо-американских войск на Европейском континенте, предусматривавшие выход Советской Армии к Ла-Маншу. Американцам срочно понадобились военные базы в Европе, которые оказались бы вне зоны предстоящих непосредственных боевых действий, лучше всего — за Пиренеями. США вынуждены были пойти на поклон к Франко. Они признали Испанию демократической страной и оказали ей экономическую помощь, что обеспечило стабильность режима. В 1955 г. Испания была принята в ООН. Но после 15 лет политики «экономического национализма» она оказалась на грани банкротства, и Франко был вынужден сменить курс.

Франко заявил фалангистам, что Испания должна выбрать между режимом, который он назвал мирной революцией, и коммунизмом. Политическая система западных держав-победительниц, по мнению каудильо (вождя — таков был титул Франко), также не подходила для испанцев. В испанской истории всякая попытка импорта любой внешней доктрины была обречена на провал в силу своего несоответствия национальному характеру и традициям страны. Франко реорганизовал Фалангу в Национальное движение, лишив её роли главной опоры режима, и предложил ключевые министерские посты членам организации мирян в рамках Римско-католической церкви — «Дело Божье» (Opus Dei), иначе говоря — технократам. Они и разработали в начале 1960-х годов стабилизационный план, осуществление которого привело к тому, что позже стало известным как «испанское экономическое чудо», выведшее Испанию из состояния одной из беднейших стран Европы на уровень вполне развитого европейского государства. В 1960—1974 гг. экономика росла в среднем на 6,6 процента в год, что было выше, чем у любой другой страны мира (за исключением Японии). Важнейшую

роль сыграло открытие Испании как мирового курортного и туристического центра. А дальше развитие Испании шло в русле общемировых тенденций — через спады и экономические подъемы.

Франко умер в 1975 г., предварительно создав условия для восстановления монархии. Франко выбрал из числа претендентов на трон принца Хуана Карлоса и соответственно подготовил его. Франко был уверен, что молодой принц продолжит его политику и сохранит созданную им авторитарную систему. Однако, став в 1975 г. королём, Хуан Карлос I вступил на путь демократических преобразований.

Общий взгляд на современную Испанию

Ныне Испания — высокоразвитая индустриально-аграрная страна, которая начала переход к постиндустриальному обществу. Об этом свидетельствуют изменения в структуре занятости населения.

В период индустриализации 1960-х годов быстро росло число рабочих. Однако «век пролетариата» в Испании оказался недолгим. Уже с середины 1970-х годов наметилась новая, типичная для развитых стран тенденция сокращения доли рабочего класса в социальной структуре общества. Ведущую роль стали играть занятые в непроизводственной сфере: работники сферы услуг, служащие, творческая интеллигенция. Ныне основу испанского общества составляет средний класс, к которому относится две трети населения. Он стал опорой эволюционных демократических преобразований в стране. Сейчас в сфере услуг (включая индустрию туризма) уже заняты 60 процентов всех работающих. 30 процентов работают в промышленности и порядка 10 процентов занимаются сельским хозяйством, рыболовством и горным делом.

Экономика Испании является пятой по величине в Европейском Союзе (ЕС) и двенадцатой в мире. ВВП номинальный (по обменному курсу) достиг максимума в 2008 г. и составил 1,4 триллиона долларов — по данным МВФ, 1,5 триллиона — по данным Всемирного банка и 1,6 триллиона по данным ЦРУ. После этого начался спад в экономике. ВВП на душу населения — 35 тысяч долларов, что соответствует уровню Германии или Франции.

Официально эти итоги экономического развития Испании признаны мировым сообществом как несомненный успех. Однако после длительного периода процветания испанскому правительству пришлось прибегнуть к резкому сокращению расходов при почти 20-процентной (!) официальной безработ-

тице. Это вызывает социальные протесты. Но выхода у Мадрида нет, огромные долги Испании и других стран зоны евро подрывают доверие инвесторов к Европе в целом. Пессимисты предсказывают развал еврозоны или, по крайней мере, исключение из неё наиболее экономически слабых стран. Первым кандидатом «на вылет» считается Греция, вторым — Италия, а третьим-четвёртым — Испания и Португалия.

Как же могло случиться, что страна шла от успеха к успеху, а оказалась в итоге едва ли не у разбитого корыта и гирей на ногах у всего ЕС? Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться в некоторых особенностях развития испанского общества.

Раскол на века?

Испания была единственным корпоративным государством Европы, в котором этот строй утвердился в результате кровавой гражданской войны. В советское время победу Франко над республиканцами в испанской гражданской войне изображали как победу зла над добром, фашизма — над справедливостью и прогрессом. А после распада СССР победу Франко стали представлять как победу добра над злом.

В 1936-й год, когда та война началась, Испания вошла расколотой надвое. Столкновение 1936—1939 гг. нелепо изображать как борьбу добрых со злыми. Взаимная жестокость была огромна, число убитых без суда измерялось десятками тысяч с каждой стороны. Бесмысленно даже спрашивать, кто первый начал. Страна и так уже полыхала.

Журнал «Вокруг света» напоминает горькую истину: *«Любая война — трагедия для каждого, кто в ней участвует. Но... международные конфликты рано или поздно заканчиваются подписанием некоего договора, после которого армии — бывшие враги — расходятся, чтобы возвратиться каждая на свою родину. А внутренние сталкивают семьи, соседей, однокашников, после чего по их завершении наступает неизбежное «мирное» сосуществование этих однокашников, изуродованное воспоминаниями, ненавистью, обидами, простить которые выше человеческих сил».*

А ведь этих обиженных и жаждущих мести в Испании были миллионы. Точного числа жертв гражданской войны не знает, видимо, никто. Приблизительно подсчитано, что тогда с обеих сторон погибло до 850 000 человек или 3,3 процента населения. Это очень много для страны с населением в 25 миллионов человек (такова была тогда его численность). Смертные приговоры выносились почти до самой смерти

каудильо. Кроме того, 7,5 процента получили физические увечья. Испания за своё понимание правды и справедливости заплатила очень высокую цену. И ещё: Испанию покинули почти 200 000 человек. И хотя Франко попытался добиться национального примирения, установив в Долине павших памятник всем жертвам гражданской войны — и левым, и правым, раскол не был преодолен. Остались сторонники республики, и франкисты тоже никуда не делись.

Новая гражданская война едва не вспыхнула снова — в 1981 году, когда организаторы путча собирались восстановить старые порядки. Но король заявил: отныне он будет служить интересам всех испанцев. И подавил попытку военного переворота.

Раскол Испании временно ушел вглубь, но вовсе не исчез, а сменился мирным (пока) сосуществованием противников.

Наиболее острые споры происходят между монархистами и республиканцами.

Монархия ли республика?

С тем компромиссом, результатом которого стал нынешний строй в Испании, согласны далеко не все. Сторонники республики выступают за пересмотр политики, которую, как и монархию, они считают «трагическим наследием» диктатуры. У республиканцев есть претензии к нынешнему главе государства. Надо, чтобы доходы короля и членов его семьи декларировались, чтобы они, как и все граждане, платили налоги, чтобы стали невозможными тайные финансовые операции королевской фамилии. Звучат даже требования, чтобы королю установили зарплату, не превышающую заработок премьер-министра. А наследнику престола — принцу Фелипе — предсказывают, что ему не придётся когда-либо править страной. Некоторые депутаты парламента настаивают на уничтожении всех дворянских званий.

Но ещё более страстные споры кипят вокруг фигуры покойного каудильо.

Отношение к Франко

В СССР Франко представляли кровавым диктатором и реакционером, такое же отношение к нему унаследовали и многие современные россияне. Отношение к нему современных испанских республиканцев — не лучше. А монархисты убеждены, что Франко было суждено выполнить великую миссию, как перед Испанией, которой он беззаветно служил

до последнего вздоха, так и перед христианским миром, в традиции и идеалы которого искренне верил и руководствовался не на словах, а в каждом своем поступке. Именно его решительные и самоотверженные действия спасли Испанию и испанцев от очередного бесчеловечного и богоборческого «социального эксперимента» по российскому сценарию, в который его родину был готов ввергнуть мировой коммунизм, победно шествовавший по Европе в те годы. Поэтому режим Франко необходимо оценивать сугубо с религиозно-традиционной и охранительной точек зрения. Франко начал первые социальные преобразования, развернул строительство, поднимал заводы, фабрики. В этой стране не было безработицы. Там можно было ходить по улице среди ночи, не боясь, что тебя ограбят. Как и должно всякому христианину, Франко заявил перед смертью: «Я прошу прощения у всех, кто объявил себя моими врагами, как и сам всем сердцем прощаю их, даже если никогда их таковыми не считал. Я верю, что у меня не было иных врагов, кроме врагов Испании».

Монархисты сетуют, что ныне наследие Франко забыто. «Обезбоженная Испания» восстала из пепла и ведёт борьбу с Испанией католической и исторической. Хуан Карлос не сдержал обещания, легализовал Коммунистическую партию, распустил Национальное движение, в верности которому клялся. Самоустранившись от власти, он допустил к управлению государством социалистов, которые недавно легализовали содомский грех. Но «великая, единая и свободная» Испания, за которую сражался Франко, ещё не побеждена. Не всё еще потеряно — белый и христианский реванш возможен. Франко же навсегда останется в памяти потомков.

Политика

Каковы же основные политические силы Испании после Франко и кто их вожди?

Ведущим политиком периода перехода Испании от диктатуры к демократии был **Адо́льфо Суарес Гонсалес**. Он родился в 1932 г., юрист. В 1958 г. вступил в партию Национальное движение. С 1967 г. — депутат парламента, затем — генеральный директор Испанского радиовещания и телевидения, президент Национальной компании туризма. В 1976 г. король назначил Суареса главой правительства. Суарес объявил частичную амнистию осуждённым за политические преступления, провёл закон о политической реформе, одобренный в том же году на референдуме. В стране была восстановлена многопартийная система, упразднено Национальное

движение, легализована Коммунистическая партия. Затем были ликвидированы контролировавшиеся властями «вертикальные» франкистские профсоюзы и разрешена деятельность независимых профобъединений.

В 1977 г. были проведены первые после 1936 г. многопартийные выборы в парламент, на которых одержала победу созданная в том же году под руководством Суареса партия Союз демократического центра (СДЦ). Основные политические силы страны подписали так называемый «Пакт Монклоа» (по названию резиденции правительства в Мадриде) о гражданском мире.

В 1978 г. была принята гарантировавшая населению страны широкие права и свободы демократическая Конституция. Но в 1981 г. Суарес подал в отставку.

Хуан Карлос I присвоил Суаресу титул герцога и наградил его орденом Золотого Руна. В 1991 г. Суарес покинул политику по состоянию здоровья.

Ныне в Испании зарегистрировано более 200 политических партий, но реальными претендентами на власть выступают всего две — социалисты и «народники». Некоторым влиянием пользуются также коммунисты.

Испанский социализм

Испанская Социалистическая Рабочая партия (ИСРП), была основана в 1879 г. с целью представлять интересы рабочего класса. Существовала в подполье. За 100 лет партия изменилась. Сначала она перестала быть рабочей, потом отказалась и от марксизма. Численность партии — 460 тысяч членов. Наиболее значимыми были два её лидера.

Фелипе Гонсалес Маркес родился в 1942 г. юрист. Работал адвокатом, защищая права рабочих. В 1964 г. Гонсалес Маркес вступает в ИСРП, находившуюся в то время в подполье, и на партийном конгрессе в 1974 г. во французском городе Суресне становится генеральным секретарем партии. Именно он поставил ультиматум своей партии: «Марксизм или я». В 1977 году Гонсалес Маркес получает мандат депутата Конгресса и приводит ИСРП к победе на выборах в 1982 г. с абсолютным большинством голосов.

Гонсалес Маркес был председателем правительства Испании с 1982 по 1996 г. За эти 14 лет в Испании были проведены реформы, позволившие ей стать высокоразвитой страной. Испания вступила в ЕС. В стране значительно повысился уровень жизни. В то же время скандалы, связанные с коррупцией, подорвали популярность Гонсалеса и его партии.

В 1996 г. ИСРП потерпела поражение на выборах. Через год Гонсалес Маркес покинул пост председателя партии.

В 2007 г. главы государств и правительств стран ЕС выбрали Гонсалеса Маркеса главой «Комитета мудрецов». Надо думать, что «чужака» власти Западной Европы на такой пост не выбрали бы.

Хосе Луис Родригес Сапатеро (Родригес — фамилия по отцу, Сапатеро — фамилия по матери) с 2004 до 2011 г. — председатель правительства Испании. По профессии адвокат. Родился в 1960 г. В 2000 г. внутри ИСРП Сапатеро создал фракцию «Новый путь», которая выступала аналогом движению «Третий путь» в Лейбористской партии Великобритании, который представлял Тони Блэр. В том же году Сапатеро был избран генеральным секретарем ИСРП. Депутат парламента Испании с 1986 г.

Став главой оппозиции, Сапатеро резко критиковал Народную партию за застой в экономике, растущую безработицу и участие в операции по вторжению в Ирак военной коалиции под командованием США в 2003 г. Сапатеро обещал провести жилищную реформу, целью которой было предоставление жилья всем малоимущим жителям Испании, обеспечить реальное равноправие полов, предоставить широкую автономию Басконии и либерализовать миграционное законодательство. В 2004 г. ИСРП победила на парламентских выборах.

Правительство Сапатеро вывело испанские войска из Ирака, объявило амнистию для нелегальных иммигрантов.

В 2004 г. Сапатеро учредил комиссию для расследования преступлений времён гражданской войны, а в 2005 г. по его указу был демонтирован последний памятник Франко в Мадриде (и в 2009 г. — последний памятник в Испании).

В 2005 г. правительство Сапатеро добилось принятия закона, разрешающего однополые браки, что вызвало бурю негодования со стороны католиков. Но Сапатеро заявлял, что политика партии является строго секулярной.

На парламентских выборах 2008 г. ИСРП снова одержала победу, что позволило Сапатеро остаться премьер-министром. В новом кабинете министров впервые в истории страны численно доминируют женщины, в том числе и пост министра обороны принадлежит женщине.

Из-за всемирного экономического кризиса экономика Испании оказалась в тяжёлом положении. Выросли безработица и государственный долг. И что же предложил социалист Сапатеро? То же, что предлагают и либералы: сократить расходы, отменить пособия на новорождённых, повысить

тарифы на электроэнергию и пр. Это сделало правительство социалистов крайней непопулярным в стране. И Сапатеро заявил о роспуске парламента и назначении досрочных выборов. В октябре 2011 г. Испания согласилась принять участие в системе противоракетной обороны НАТО.

На прошедших 20 ноября 2011 г. досрочных парламентских выборах ИСРП потерпела сокрушительное поражение и уступила власть Народной партии.

Ещё одной политической силой, имеющей своей перспективной целью построение социализма, является Коммунистическая партия Испании. Она была основана в 1921 г. В период национально-революционной войны 1936—1939 гг. КПИ была основным организатором отпора франкистам, поддержанным Германией и Италией. По инициативе КПИ был проведён ряд мер, направленных на повышение обороноспособности республики; на республиканской территории была проведена аграрная реформа, в результате которой крестьяне получили свыше 5 млн. га помещичьих земель; значительная часть крупных банков и предприятий перешла под контроль государства; Каталония и Страна басков получили автономию. В годы войны число членов КПИ достигло 300 тыс. (в начале 1936 г. их было 30 тыс.). После падения республики и установления в Испании диктатуры Франко КПИ ушла в подполье.

После смерти Франко КПИ была легализована. Однако её деятельность осложнилась процессами «еврокоммунизма», разрыва с советской моделью социализма. Это привело в начале 1980-х гг. к расколу, к созданию параллельной Коммунистической партии и к новому их воссоединению... Лидером коммунистов стал Хосе Луис Сентелья. Идеология партии — коммунизм, социализм, марксизм. Количество членов — 35 000.

Из прежних лидеров компартии наиболее известен **Сантьяго Каррильо Соларес**. Он родился в 1915 г. в рабочей семье. Член компартии с 1936 г. В гражданскую войну был одним из руководителей обороны Мадрида. После поражения республиканцев был в эмиграции. Один из лидеров еврокоммунизма, автор книги «Еврокоммунизм и государство». Был генеральным секретарём компартии до 1982 г. Твёрдые коммунисты обвиняли его в пропаганде еврокоммунизма, который они рассматривали как разновидность ревизионизма, а еврокоммунисты — в том, что он признавал объективные причины возникновения в СССР сверхцентрализации и культа личности Сталина.

Каррильо способствовал мирному переходу страны от диктатуры к демократии. В 1981 г. после попытки государствен-

ного переворота, устроенного военными, стремившимися восстановить франкистский режим, Каррильо воскликнул перед телекамерами: «Боже, храни короля!»

Известный сейчас своими умеренными взглядами, Каррильо считает, что «наряду с огромным научным, социальным и политическим прогрессом, достигнутым человечеством на протяжении века, в то же время в мире произошла внушающая большую тревогу деградация культуры, гуманизма и морали».

В 2003 г. Каррильо в резкой форме выступил против политики США в отношении Ирака и угрозы использования ими ядерного оружия: «Временами кажется, что мы вернулись к позорным временам Мюнхенского соглашения 1938 г. Только роль Гитлера теперь исполняет не выходец из Германии или Австрии, а из штата Техас».

После прихода социалистов к власти газета «Нью-Йорк таймс» предсказывала: «Новое будущее для Испании: «социальный социализм».

Сексуально-социальная революция социалистов

Когда социалисты пришли к власти, Сапатеро заявил: страна должна пережить сексуальную и социальную революцию. Он вознамерился легализовать однополые браки, избавиться от католической догматики общественных школ и медицинские исследования, создать внепартийное государственное телевидение и ввести законы, искореняющие сексизм в испанском обществе.

Наверное, больше всех благодарно Сапатеро испанское гей-сообщество. 68 процентов испанцев одобряют однополый брак (в сравнении с 58 процентами во Франции и 47 процентами в Италии). Будет разрешено и усыновление приёмных детей однополыми парами. В Мадриде один из центральных районов города Чуека всем известен как район гомосексуалистов — они живут там, у них свои магазины, бары. Ситжес — курортный город в Испании — мировой курорт гомосексуалистов. На территории города имеется нудистский и гей-пляжи. Город называют официальной столицей геев и лесбиянок Испании, столицей кинофестивалей и карнавалов, городом модернистов, художников и богачей, зажигательных вечеринок. На курорте уже редко можно встретить обычную гетеросексуальную семейную пару. Целующиеся однополые парочки на набережной Сиджеса — самое обычное явление.

А Барселона является одним из европейских лидеров порнографической индустрии с ежегодным фестивалем эроти-

ческих фильмов. Проституция (а не сутенёрство) является легальной, как и платная реклама таких услуг в прессе. В католической стране (!) разрешены аборты девочкам с 16 лет без согласия родителей.

Испанский город Моклинехо в андалузской провинции Малага может стать первым в мире населенным пунктом, в котором будут жить только геи и лесбиянки.

Сапатеро намерен повысить благосостояние испанцев. Так, он объявил о создании министерства жилья, чтобы предоставить жилье для молодых людей и новых иммигрантов с малым и средним уровнем доходов. Эта мера совпадала с экономическим бумом, невиданным в Испании со времён открытия Америки, и поразительно низким ипотечным кредитом, что помогло обеспечить один из наиболее высоких уровней обеспеченности собственным жильем в Европе.

За период правления Сапатеро количество мусульман в Испании выросло в шесть раз за счет массового приема эмигрантов из Марокко. По всей стране начали расти мечети. Это лишь элемент процесса исламской колонизации Европы и превращение европейцев в угнетённых туземцев.

Испытание кризисом

И вот грянул мировой экономический кризис. Он обнажил массу проблем. Лопнувший финансовый пузырь, который в последнее десятилетие гарантировал рост рынка недвижимости, положил конец испанскому экономическому буму и привёл Испанию в 2008 г. к глубокой рецессии. В 2011 г. европейский долговой кризис задолженности замедлил восстановление экономики страны.

ИСРП долгое время приукрашивала социально-экономическую ситуацию в стране, но в конце концов вынуждена была резко перейти к политике жесткой экономии. Это — сокращение расходов, в том числе социальных пособий, замораживание пенсий (кроме самых низких) и зарплат в государственном секторе. Это также сокращение государственных инвестиций, повышение пенсионного возраста с 65 до 67 лет, снижение на 5 процентов зарплат госслужащим и их замораживание в дальнейшем. Отказ от выделения пособий для поддержки безработных и т.п. Все эти меры — шоковые.

Самое интересное — то, что **при всех этих сокращениях доходов большинства тружеников число испанских долларовых миллиардеров растёт!**

Неудивительно, что народ отреагировал на антикризисные меры правительства социалистов резко отрицательно.

Многие испанцы потеряли доверие к политическим партиям. В стране родилось «Движение 15-го мая», которое объединило безработных, чиновников, бюджетников (многие из которых находятся в тяжелом положении). Но особенно много в нём студентов, которые назвали себя «Возмущённые молодые испанцы». Анализу этого нового движения посвящена статья профессора Сергея Хенкина «Движение возмущённых» в Испании: новая форма социального протеста», помещённая в интернет-газете «Столетие», из которой я взял несколько важных положений:

«В мае 2011 г. улицы и площади 60 испанских городов заполнили десятки тысяч людей, требовавших изменения правительственной политики и проведения в стране глубоких политических и социально-экономических реформ. На центральных площадях столиц многих испанских автономий участники манифестаций разбили палаточные лагеря, в которых жили несколько недель... Эти протестные акции получили название «движение возмущённых». Массовость и долговременный характер движения свидетельствуют, что оно выражает интересы и чаяния многочисленных групп испанского общества. А 15 октября испанские «возмущённые» вышли на улицу уже как составная часть манифестаций протеста, охвативших многие страны мира.

В лице «возмущённых» Испания обрела социальное движение нового типа, которое самоорганизуется снизу, посредством социальных сетей Интернета, вне традиционных каналов партийной мобилизации и СМИ».

Сергей Хенкин анализирует болевые точки испанской модели развития и показывает, как кризис ударил по трём несущим её опорам — строительству, иммиграции и туризму.

Особенный упадок переживает приоритетная для экономики туристическая отрасль, еще недавно процветавшая и обеспечивавшая работой миллионы людей. Качество услуг, предоставляемых ею, резко упало, при том, что цены на них выросли. В период кризиса выявились недостаточная диверсификация, технологическая отсталость, неконкурентоспособность испанской экономики.

Уровень социального неравенства в Испании — один из самых высоких в Западной Европе. Доходы 10 процентов самых богатых испанцев в 7,6 раза превышают доходы 10 процентов самых бедных. При этом разница в доходах постоянно увеличивается. Оклады административно-управленческого персонала, одни из самых больших в ЕС, продолжали в период кризиса возрастать (в 2009 г. они увеличились на 15%). В то же время заработная плата «среднестатистичес-

ких» испанцев снижалась даже в «тучные» предкризисные годы. Средняя зарплата в Испании, одна из самых низких в ЕС, в два раза меньше, чем в Германии, Голландии и Великобритании. В 2010 г. 20,8 процента испанцев жили ниже уровня бедности.

В особенно тяжелом положении находится молодежь. В 2010 г. 40,1% молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет были безработными, 15,6 % не работали и не учились. Те из них, кто трудится, зачастую вынуждены выполнять работу ниже своей квалификации. Более половины молодых людей от 18 до 34 лет живут со своими родителями, так как часто не имеют средств на приобретение собственного жилья. Все больше молодых испанцев с университетскими дипломами вынуждены уезжать из страны и работать за границей. Президент Давосского форума Клаус Шваб предрекал в конце 2010 г., что ситуация в Испании может привести к молодежной революции, новому маю 1968 г.

После семи лет правления ИСРП «испанский социализм» задышал на ладан. ИСРП превратилась в стадо овец, разбегающихся в разные стороны. А их лидер лишь беспомощно наблюдал за этим. Но что он мог сделать? Курс можно менять, когда все идут в одном направлении. Когда же все разбегаются в разные стороны, то курса уже нет. Власть утекала из рук социалистов. Но при этом нет никаких сомнений, что главный конкурент социалистов — правая Народная партия в подобных условиях проявила бы себя еще хуже.

«Испания устала от социализма». Под таким заголовком еженедельник «Эхо планеты» (31.05.2011) рассказал, как каталонская полиция устроила побоище на площади Барселоны, вытесняя оттуда демонстрантов, которые протестовали против экономической политики правительства социалистов. Для разгона митингующих полиция применила слезоточивый газ и резиновые пули, резиновыми дубинками избивали даже лежачих. Демонстранты, среди которых было много женщин с детьми, не остались в долгу — бросали в спецназовцев камни и пивные бутылки. Потом пять часов поливальными машинами смывали кровь с асфальта. С обеих сторон ранения получили более 120 человек. Оппозиционно настроенная молодежь в Каталонии ещё долго будет помнить кровавые стычки с властью, и её лидеры уже заявляют, что будут мстить.

Вот такие они, испанские социалисты — радители за трудовой народ. Вожди социалистов, как было показано выше, преимущественно рекрутируются из адвокатов, то есть из круга состоятельных людей, причём многие из них ещё и профессора. Как тут не вспомнить следующие строки Генриха Гейне: «75 адвокатов — Отечество, ты предано; 75 профессоров — Отечество, ты потеряно».

Из общей мрачной, картины «испанского социализма» есть и любопытные исключения, например, город Мариналеда в Андалусии. Он является самопровозглашённым коммунистическим анклавом.

Бессменным главой Мариналеды в течение вот уже трех десятилетий является Хуан Гордилло, в офисе которого висит портрет Че Гевары. Мэр утверждает, что экономический кризис доказал мудрость его социалистического мировоззрения: «Они думали, что рынок — это Бог, который приводит всё в движение одним мановением своей волшебной руки. Раньше считалось смертным грехом одно упоминание о том, что государство может играть роль в экономике. А сейчас мы столкнулись с необходимостью поставить экономику на службу обычному человеку».

В то время как остальная Испания брала дешевые кредиты на покупку жилья по завышенным ценам, жители Мариналеды строили собственные дома, не связывая себя ипотечными обязательствами. При этом горожане не имеют права продавать свое жилье. В случае потери местным жителем работы его нанимает сельскохозяйственный кооператив, который занимается выращиванием овощей, бобов и пшеницы. В городе с населением 2,7 тысячи человек нет безработицы, что притягивает сюда даже жителей Барселоны, которых привлекают не только наличие работы, но и низкие цены (так, детский сад стоит 17 долларов в месяц). Средний заработок члена кооператива составляет 1500 долларов.

В городе нет полиции, что позволяет властям экономить до 350 тысяч долларов в год. На стенах домов выведены революционные лозунги, улицы города названы в честь латиноамериканцев левого толка. В красное воскресенье большая часть населения занимается уборкой городских территорий. Каждую субботу мэр по местному телевидению делится с горожанами своими взглядами на политику или цитирует стихи собственного сочинения.

Конечно, город зависит от денежных поступлений из регионального и федерального бюджетов. Так, строительство одного дома в Мариналеде обходится властям провинции в 25 тысяч долларов.

Но после поражения социалистов на досрочных выборах в парламент в ноябре 2011 г. к власти пришли правые.

Испанский консерватизм

Народная партия была образована в 1976 г. бывшими членами Национального движения — партии, созданной при Франко. Основателем и председателем НП был Мануэль

Фрага, бывший министр в правительстве Франко, который затем дистанцировался от режима, собирая вокруг себя либеральные силы. Эта политическая партия правоцентристского толка правила в Испании в 1996—2004 годах. Она — одна из самых крупных в Европе. Её численность превышает 700 тысяч человек. Особо следует сказать о двух её лидерах.

Хосе Мария Лопес Аснар родился в 1953 г. в семье франкистов. Он с шести лет воспитывался в частной и религиозной школе. Аснар юрист. На парламентских выборах 1982 г. Аснар избирается в Конгресс депутатов и оказывается в рядах оппозиции пришедшим к власти социалистам.

В 1989 г. Аснар был избран заместителем председателя, а в 1990 г. — председателем Народной партии, сменив престарелого Фрагу. После победы Народной партии на выборах в парламент 1996 г. стал премьер-министром. В 2000 г. Народная партия вновь одержала победу, и Аснар снова занял пост премьер-министра.

В программе Аснара фигурировали такие пункты, как обеспечение экономической стабильности, «модернизация Испании», реформа системы налогообложения, создание профессиональной армии, сокращение аппарата, борьба с коррупцией и баскским сепаратизмом и терроризмом. Аснар одним из первых европейских политиков выступил в поддержку политики России, направленной на борьбу с сепаратизмом и терроризмом на территории Чечни.

11 марта 2004 г. в Мадриде произошёл теракт, осуществлённый террористами «Аль-Каиды», который стал ответом террористов на участие испанских военных в иракской авантюре. Испанцы возложили вину за теракты на Аснара. Он проиграл выборы 2004 г., а его преемник социалист Сапатеро вывел испанские войска из Ирака.

Мариано Рахой Брей родился в 1955 г. Юрист. В 1986 г. стал депутатом парламента Испании. Когда Аснар стал председателем Народной партии, Рахой был избран заместителем генерального председателя НП.

В 1996 г. Народная партия победила на выборах. Аснар был выбран премьер-министром, а Рахой последовательно занимал ряд министерских постов. Затем Рахой был избран новым лидером Народной партии.

Находясь в оппозиции к социалистам, Рахой критиковал их намерение изменить Статут об автономии Каталонии, ибо это могло поставить под угрозу само существование единой Испании. В 2007 г. он заявил, что обвинения в адрес Ирака о наличии у последнего средств массового уничтожения были ошибкой всего мирового сообщества. В 2011 г. НП взяла ре-

ванш, и Рахой стал премьер-министром. Это была крупнейшая победа консерваторов со времен падения диктатуры Франко. Народная партия получила абсолютное большинство в парламенте, что дает ей возможность проводить самостоятельную политику, не прибегая к союзу с другими партиями.

Детально разбирать программу Народной партии нет смысла, это пока «декларация о намерениях», не свободная от демагогических обещаний возврата к здоровой и конкурентоспособной экономике, укрепления равных возможностей и демократических реформ. Но смысл её уже ясен: снижения налогов на бизнес, жёсткая экономия и пр. Рахой выступил против возвращения к налогу на имущество и подчеркнул, что все испанцы «обязаны будут прикладывать в будущем больше усилий».

Другие руководители Народной партии не скрывают, что «Испании придется пойти на большие жертвы». Дескать, мы жили в очень богатой стране. Люди привыкли к высокому уровню жизни. А теперь надо понять, что мы стали беднее, что у нас много долгов и, чтобы расплатиться с ними, нам необходимо снизить траты на общественные нужды и завоевать доверие рынков». Словом, это обычная программа либералов: выйти из кризиса за счёт снижения уровня жизни большинства трудящихся.

И что же получается в итоге? В Испании при демократии (может быть, самой широкой в Европе) установлена своеобразная «двухпартийная диктатура». Только при «классической» диктатуре легально функционирует лишь одна, правящая партия, остальные действуют в подполье. А при «демократической диктатуре» партий более 200, однако у власти попеременно оказываются только две, обслуживающие интересы двух разных фракций класса подлинных хозяев страны. Эти подлинные хозяева, манипулируя голосами избирателей, приводят к власти то одну, то другую из своих карманных партий, не оставляя народным массам никакого реального выбора. И исторический опыт, и наставления Франко говорят: при двухпартийной системе не видать испанцам ни счастья, ни хотя бы справедливости. Впрочем, это беда не одной лишь Испании.

Экономика

Исследовать в одной статье экономику Испании вряд ли возможно, укажу лишь на те моменты, которыми отмечен переход от корпоративного государства к социал-демократическому.

При Франко Испания была бедной страной, но зато само- достаточной, она сама обеспечивала себя почти всем необхо- димым, внешняя торговля не играла в её экономике решаю- щей роли. Ныне Испания — экономически развитая страна. Но, во-первых, для её экономики характерен средний техно- логический уровень — в числе мировых лидеров стране не бывать. А во-вторых, Испания втянута в процесс глобализа- ции так, что, специализируясь на производстве определён- ных товаров, фактически оказалась лишённой экономичес- кой самостоятельности.

США, например, тоже втянуты в процесс глобализации, это даже привело к их деиндустриализации. Американские компании переводили свои производства в страны с более дешёвой рабочей силой и с меньшими налогами. Однако США с их финансовой и военной мощью и более привлека- тельным образом жизни остаются гегемоном, и втянутые в их орбиту страны-вассалы обслуживают Америку. Не то Ис- пания. Так, она стала одним из самых крупных в мире произ- водителей запасных частей для автомобилей. Ясно, что она зависит от потребителей этих товаров — от стран, производя- щих или собирающих автомобили. Стоит там чихнуть — Ис- панию уже лихорадит.

Вместо закрывающихся дорогих магазинов открываются ширпотребные китайские. Вместо производства испанской обуви — открываются производства китайской.

В последние десятилетия в Испании, как и в других наи- более развитых странах мира, проявилась тенденция к пере- ходу от «экономики масштаба» (т.е. концентрации производ- ства на крупных предприятиях для снижения удельных рас- ходов на производство продукции) к «экономике многооб- разия» (создание меньших предприятий с разнопрофильной продукцией).

Испания успешно привлекала иностранные инвестиции, особенно в промышленность. Это позволило модернизи- ровать многие предприятия, но и привело к переходу большей части промышленности Испании в руки иностранных инве- сторов и корпораций. В экономике страны сильные позиции занимают компании США, Франции, Германии, Великоб- ритании, Швейцарии. Им принадлежит более 50 процентов предприятий электроники, машиностроения, металлургии, фармацевтики, производства продуктов питания. По сути, страна лишилась экономической независимости. А повы- шение жизненного уровня населения способствовало росту внутреннего спроса, но не на отечественную продукцию. До- полнительно стимулировалось увеличение притока иностран-

ных товаров широкого потребления, что удушало отечественного производителя. Испания оказалась в капкане, от которого ей не освободиться.

Испанский капитал, оказавшись неконкурентоспособным в собственной стране, активизировал свою инвестиционную деятельность за рубежом, приобретая доли участия в капитале фирм в странах Латинской Америки и вкладывая средства в финансовую сферу.

Заметные успехи достигнуты Испанией в развитии транспорта. Создана и расширяется сеть скоростных маршрутов поездов. Аэропорт Мадрида — один из самых загруженных в мире.

Природные условия Испании весьма благоприятны для сельского хозяйства. Здесь выращивают пшеницу и даже рис, картофель и овощи, виноград (и, соответственно, производят вина), миндаль, цитрусовые, табак, инжир, гранаты, хлопчатник. Финики и сахарный тростник в Европе произрастают только в Испании. Но...

За последние годы тысячи испанских крестьян переехали в города в поисках более высоких заработков, хотя для повышения производительности сельского хозяйства были осуществлены крупные проекты орошения и выделены средства на приобретение сельскохозяйственной техники. Однако в стране обрабатывается только 40% земель. (Около 16% возделываемых земель орошаются.) Поскольку ранее во многих местностях леса нещадно вырубались, правительство реализовало программу лесовосстановительных работ. Особенно ценится пробковый дуб; Испания занимает второе место в мире (после Португалии) по производству коры пробкового дерева.

Во многих районах почвы эродированы и малопродуктивны, а в ряде районов выпадает недостаточное количество осадков. Но главное — слишком много земли принадлежит неэффективным латифундиям (очень крупным поместьям) и минифундиям (очень маленьким фермам с наделом менее 20 га). В латифундии вкладывалось недостаточно капиталов, и они нуждаются в модернизации, а площади минифундий слишком малы, чтобы вести экономически эффективное хозяйство. Лишь отдельные латифундии были механизированы, и там стали выращивать новые культуры, например подсолнечник, и внедрять современные методы круглогодичного сбора урожая в парниках, что повысило доходность ферм.

Животноводство играет второстепенную роль в сельском хозяйстве страны, хотя в послевоенные годы поголовье до-

машней птицы выросло более чем в 2 раза, крупного рогатого скота — в 1,5 раза, больше стало свиней и овец. Но это привело к усилению зависимости от других стран, так как Испания испытывает дефицит кормов и зависит от их импорта.

Для реструктуризации сельского хозяйства Испания добилась увеличения финансовой помощи от ЕС, однако она не способна решить проблему разорения испанских крестьян. Конкурентоспособность их продукции, например зерна и продуктов животноводства, на 30 процентов ниже, чем у центральноевропейских производителей.

Испания входит в первую десятку стран мира по улову рыбы и морепродуктов

Население и демографический кризис

Численность испанцев составляла в 2009 г. 47 миллионов человек. При Франко рождаемость была достаточной для обеспечения естественного прироста населения, а после его смерти она сократилась почти вдвое. Ныне естественный прирост населения близок к нулю, есть реальная угроза убыли населения. Складывается так называемое суженное воспроизводство, когда каждое новое поколение по численности меньше предыдущего. По прогнозам, доля молодых людей трудоспособного возраста сократится к 2030 г. до 5%, что неизбежно приведет к увеличению социальной нагрузки на экономику. Власти утешают себя тем, что общее сокращение числа детей школьного возраста позволит повысить уровень образования, так как даже в случае замораживания государственных расходов на образование удельные затраты будут расти. Точно так же демографический кризис несколько облегчает совершенствование медицинского обслуживания. За последние 20 лет уровень младенческой смертности в стране сократился в два с лишним раза — до уровня наиболее развитых стран.

И в Испании власть часто сетует на низкую рождаемость, но умалчивает о том, что более 60% замужних женщин в Испании хотели бы иметь детей, но не могут себе их позволить, для этого у них слишком низкие доходы, а кроме того, им трудно совмещать работу с воспитанием детей. К тому времени, когда их финансовое положение и статус на работе становятся стабильными, как правило, детей они иметь уже не могут. По этой причине так много испанских женщин предпочитают усыновлять детей.

В Испанию эмигрирует немалое количество жителей Африки, что обеспечивает скромный прирост населения, а так-

же благоприятно сказывается на сельском хозяйстве, где особенно не хватает рабочих рук.

Вопрос о том, как иммиграция изменит национальный состав населения и как это отразится на будущем страны, кажется, не особенно интересует власть.

Качество жизни испанцев

Да, испанцы стали жить богаче. Однако число людей, проживающих за чертой бедности (те, кто получает доход ниже 60 процентов от среднего по стране), составляет 20,8 процента. Три из десяти семей с трудом доживают до зарплаты, а четыре не могут оплатить непредвиденные расходы.

Сегодня в Испании стоят пустыми от 700 тысяч до 1,5 миллиона непроданных домов или квартир. Рынок недвижимости и другие отрасли испанской экономики остались без финансирования, что затрудняет возобновление роста экономики.

Снижение уровня жизни очевидно. Ранее в сезон отпусков Валенсия буквально пустела, да и на выходные тоже подавляющее большинство уезжало отдыхать. Теперь разница между рабочими днями и выходными совсем не видна. 40 процентов семей не могут позволить себе отдых вне дома даже одну неделю в год.

Взятки (то, что в России называется коррупцией и подкупом) в Испании возведены в норму, бывают, правда, коррупционные скандалы, когда не учитываются интересы всех заинтересованных сторон.

А народ не понимает, что происходит, он деморализован. Бедственное положение замазывается футболом и пивом, и дружное движение в пропасть продолжается.

Изменения в отношении испанцев к труду отмечают многие исследователи. Исторически испанцам не была присуща забота о своем материальном положении. Этим во многом объясняется отсутствие стремления к постоянной трудовой деятельности, пренебрежение каждодневным трудом как источником доходов для роста благосостояния. Ни благосостояние, ни работа не являлись ключевыми компонентами их ценностных ориентаций. «Прохладное» отношение к труду нашло отражение в многочисленных пословицах.

Но в последние десятилетия испанцы стали проявлять немалый интерес к потребительству, к материальному благополучию. В стране появился новый культ — культ работы. Испанцы буквально одержимы ею. Работа стала для них едва ли не смыслом их жизни. Но, сколько ни напрягайся, за пре-

делу достатка, характерного для среднего класса, не высочайший. В Испании, как и у нас, от трудов праведных не выстроит палат каменных.

Жилищный вопрос. В среднем на каждого испанца приходится 27,5 м² общей площади жилья. Несмотря на массовое строительство, в Испании до сих пор не хватает жилья, особенно в крупных городах. Арендная плата за жилье растёт. Многие семьи живут в тесных перенаселённых квартирах, и молодые люди часто остаются вместе со своими родителями, не в состоянии приобрести собственное жильё.

В последние годы резко росли проценты по ипотечным кредитам, которыми пользуются примерно 65% испанских семей. А домохозяйствам Мадрида приходится тратить порядка 40% своего ежемесячного дохода на выплаты по ипотечным кредитам.

Система образования

Школа Испании стремительно интегрируется в общеевропейскую систему и переходит на европейские общеобразовательные стандарты. Она включает в себя следующие этапы:

1. Детское образование с 0 до 6 лет (ясли и детский сад) — не обязательно;

2. Начальное образование с 6 до 12 лет — бесплатное и обязательное для всех; даёт основы по всем предметам.

3. Среднее обязательное образование с 12 до 16 лет — бесплатное, включающее унифицированную общеобразовательную среднюю школу и профессиональное образование.

Существуют также частные школы.

Идеал для семьи — дать детям безупречное образование, чтобы они смогли закончить школу, бакалавриат или институт профессиональной подготовки и, наконец, учиться в высшем учебном заведении.

В бакалавриате можно выбрать гуманитарное направление или направление точных наук (возможно и их сочетание).

Существует система стипендий для тех, кто живёт далеко от своих учебных заведений или не может себе позволить купить необходимый учебный материал.

Популярны внешкольные занятия (посещение спортзалов, изучение иностранных языков, музыки, искусства, рисунка и живописи). Молодёжь объединяется в подростковые клубы, где они занимаются искусством и культурой или просто играют на музыкальных инструментах.

Университеты делятся на частные и государственные. Обучение в частном вузе стоит приблизительно 5000—15 000 евро в год, в государственном вузе — от 700 до 1000.

Испанские вузы сильны прежде всего в области истории, географии, физики, философии и математики. В последнее время значительно «усилились» новые дисциплины — биомеханика, информационные технологии и экология.

Испанские дипломы признаются во всем мире.

Испанская система образования считается образцовой. Однако Испания показывает самый низкий уровень знаний среди выпускников средних школ в ЕС. Треть молодых людей обычно бросает школу, не получив обязательного среднего образования. Причин этого много, в том числе духовный и моральный кризис испанского общества, отсутствие положительных идеалов и так далее. Но главное — это все же несовершенство самой образовательной системы Испании. Там широко применяется тестирование (ЕГЭ), в том числе по каждому предмету школьной программы. В частности, поступить на двухгодичные академические курсы и получить по их окончании степень бакалавра (т.е. свидетельство о получении полного среднего образования) можно лишь при положительных результатах тестирования.

Система здравоохранения

Как это ни странно, но иногда капиталистические страны оказываются ближе к идеалам социализма, чем иная из бывших социалистических. Вот и система здравоохранения Испании считается одной из самых лучших и современных не только в Европе, но и в мире. Наряду с превосходным частным сектором, отлично развита система государственного здравоохранения. Во всех государственных больницах неотложная медицинская помощь предоставляется круглосуточно. Почти в каждом городе имеется одна большая государственная больница, укомплектованная новейшим медицинским оборудованием, в которой работают врачи высшей квалификации. Многие испанцы, несмотря на развитую систему государственного медицинского обслуживания, пользуются услугами частных медицинских центров и страховых компаний. Стоимость страхового полиса от 400 евро и выше в год. Чаще всего выгоднее иметь страховой полис, чем оплачивать отдельные приемы у платных специалистов. Почти все медики в Испании, работающие в социальной системе, имеют частную практику, так что в качестве медицины разницы большой нет.

Подробности можно не разбирать — в них картина сходная с тем, что отмечалось и в других странах ЕС. Везде больной должен обратиться к врачу общей практики, который и решает, нужно ли давать направление к узкому специалисту или в стационар. В больнице проводят интенсивную терапию, чтобы вытолкнуть пациента домой после нескольких дней лечения. И в целом оказывается, что «образцовая система здравоохранения» — это всего лишь вариант хорошо известной нам зурабовщины.

Система социального обеспечения

Часто можно прочесть, что в Испании — развитая система социального обеспечения, и она может служить примером для всего мира. Государство, особенно через профсоюзы, осуществляет социальное обеспечение, включая субсидии малоимущим семьям и пенсии пожилым людям, бесплатную медицинскую помощь и пособия по безработице. В 1989 г. в соответствии с общеевропейской практикой оплачиваемый отпуск по беременности и уходу за новорожденным был продлен до 16 недель.

В Испании пенсионная система долгое время считалась весьма успешной, однако перспективы ее развития удручают. Но профессор университета Эстремадура Диего Идалго считает, что пенсионная система Испании нуждается в реформах. Вот его главные тезисы:

Благополучная ныне пенсионная система Испании на пороге неминуемого краха.

Все страны постепенно движутся от государственной модели пенсионного страхования в сторону смешанной системы, а от нее — к частной.

Приватизация пенсионной системы автоматически обеспечит большой объем сбережений и повысит уровень жизни.

В Испании менее чем на двух работающих приходится по одному пенсионеру. В XXI в. ситуация будет ухудшаться. Соотношение между этими двумя группами населения в 2030 г. понизится до 1:1, т.е. составит один человек, осуществляющий взносы в пенсионный фонд, к одному занятому.

Пенсионная система Испании шедра, она обеспечивает выплату почти 100 процентов предпенсионного заработка. Она тяжким бременем ложится на плечи тех, кто выплачивает взносы в пенсионные фонды, особенно на предприятиях.

Дальше можно не продолжать: либералы будут доказывать, что частные пенсии более эффективны, чем государственные. Затем пройдет приватизация пенсионных фондов, ко-

торая откроет новые возможности паразитирования капитала на нуждах стариков. И, в конце концов, окажется, что человек должен сам работать на обеспечение своей старости.

Участие работников в управлении

В Испании существуют различные формы участия работников в управлении предприятиями, наиболее распространены так называемые рабочие комитеты. Однако, как отмечают СМИ, подчас сами работники не могут решить, что это — завоевание или ловушка?

Да, это завоевание, потому что за право рабочего принимать участие в делах предприятия, а не быть только «говорящим орудием производства», которое приходит, отработывает свои часы и уходит домой, работники наёмного труда боролись многие годы. Но, как почти каждое завоевание, оно создало свою ловушку. Комитеты, отстаивая права работников, вписываются в общую систему производственных отношений и невольно служат орудием контроля над рабочим движением со стороны государства. Рабочий комитет предприятия значительно облегчает переговоры между рабочими и работодателем, каждый рабочий получает информацию о насущных проблемах предприятия и имеет возможность обсуждать их на ассамблеях. В настоящий момент рабочий мир не может быть совершенно изолированным от государственных институтов и от законодательства. Ведь в том же самом законодательстве есть статьи, которые защищают права работников, и рабочие заинтересованы в совершенствовании законов, которые бы закрепляли и расширяли эти права. Например, легализация синдиката (в Испании ещё сильны противоречия между профсоюзами и организациями анархо-синдикалистов, отрицающих иерархию и требующих полноправного участия каждого члена коллектива в принятии решений). Нужно использовать все свободы и возможности, в том числе и рабочий комитет предприятия, но при этом чётко осознавая, что всё это — не подлинная свобода и не демократия, которые при существующем политическом строе в капиталистическом обществе недостижимы. Рабочие комитеты предприятий — это инструмент, и результаты его использования могут быть различны. Генеральный Союз Рабочих и Комиссии Рабочих — это организации, которые, с одной стороны, принимают решения за рабочих, а с другой — дают возможность рабочим пользоваться плодами подписываемых соглашений, получать необходимую информацию и разрешать многие иные проблемы.

В ФРГ и Нидерландах представители наёмных работников участвуют в советах директоров компаний и обладают довольно широкими полномочиями. А во Франции и в Испании участие персонала в управлении компаниями осуществляется в значительно более узких формах. В японских фирмах профсоюз следит за тем, чтобы каждый работник периодически менял участки приложения труда, овладевал смежными профессиями, участвовал в работе кружков качества и пр. С точки зрения японских работников, на испанском предприятии профсоюз менее твердо отстаивает права рабочих в вопросах найма и увольнения, но более жёстко контролирует зарплату и рабочее время. В целом в Испании отсутствуют желательные для японцев смена мест приложения труда, совмещение стандартных и нестандартных операций, всеобщий контроль качества продукции и пр. Японский работник в большей мере, чем испанский, ощущает предприятие как «своё».

Испания ушла от корпоративного государства, созданного Франко, и пришла к хлипкому псевдосоциалистическому. Но социализм испанских социалистов оказался настолько ублюдочным, что достаточно было наступить экономическому кризису, и эти радетели о народе пустили в ход против народа дубинки и слезоточивый газ. Народ отказал в доверии таким своим защитникам и отдал на выборах предпочтение партии крупной буржуазии. Это его трагедия.

При благоприятном развитии событий, насколько такое сейчас в Испании возможно, страна пойдёт к созданию неокорпоративного государства, следуя примеру Германии и ряда других развитых стран. При неблагоприятной ситуации Испанию ожидает фашизм, гораздо более суровый, чем пережитый ею режим Франко. Будем надеяться на здравый смысл испанского народа, к которому в нашей стране испытывают давнюю, не подверженную переменам конъюнктурного характера симпатию.

Продолжение следует

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЖАЛОБА ПОЛЯЧКИ

Вечер 6 сентября 1996 года в Будапеште выдался теплым и ясным. В начале осени в Венгрии погода вообще стоит славная, какая положена в бархатный сезон, но в тот день она старалась особенно. Часам к пяти с небосвода ушла последняя тучка. Синий полицейский вертолет одиноко кружил над Дунаем. Ни птица не обозначилась в вышине, ни бабочка не порхнула над деревьями, ни стрекоза не повисла над водой. Недвижим был Дунай в лучах заходящего солнца. Какой-то лещ решил было порезвиться на закате, но, слышав полицейскую моторку, пугливо юркнул в глубину. Замер и ветер, дабы в сквере, что прилегает к торцевой части здания парламента, не шелестели листья каштана. Ждали папу Иоанна Павла II. Это был первый за долгие годы визит римского первосвященника в Венгрию. Юзеф Войтыла прокладывал свои пасторские пути поближе к границам бывшего СССР, рассчитывая, во-первых, вызвать прилив энтузиазма у братьев-католиков, освободившихся от тоталитарного режима, во-вторых, поощ-

ПРОЗА

ритель униатов. Среди мадьяр их найти трудно, но рядом Западная Украина, а там греко-католическая церковь — таран, которым пробивают бреши в твердых схизматиков.

Блеснув лобовыми стеклами, пронесли по набережной полицейские мотоциклы, и снова все успокоилось. Сквер постепенно наполнялся людьми. Они, надо признать, в отличие от природы, не выказывали особого благоговения в ожидании понтифика. Торговцы раскладывали свой товар, продавали свечи, газеты, мороженое, напитки. Публика жевала бутерброды, угощалась пивом, разговаривала. Парочки стояли в обнимку, иные целовались, лежа на зеленом газоне. Супружеская чета выгуливала таксу. То и дело слышался смех.

— А вот он! — стоящие у балюстрады заметили плывущий по реке теплоход в сопровождении катеров охраны. Причал где-то внизу и в стороне — нам не видно, как к нему швартуются суда. Проходит примерно полчаса, и, свернув с набережной, обогнув здание, появляются машины полиции, за ними шагает довольно многочисленная группа рослых молодых людей в белых подрясниках — личная, надо полагать, гвардия Войтылы. И наконец, медленно катит папамобиль. Под колпаком из пуленепробиваемого стекла, подслеповато щурясь, старчески согнувшись, стоит с приподнятой для приветствия рукой глава католической церкви.

Появление Иоанна-Павла II немного изменило в атмосфере, царившей на сквере, разве что несколько пожилых женщин зажгли свечи, и валявшиеся на газоне поднялись, чтобы увидеть высокого гостя. Жевавшие продолжали жевать, стоявшие в обнимку парочки не думали отстраняться друг от друга. Коричневая такса тянула поводок в сторону валявшегося в траве колбасного огрызка... «Дере висса!» — «Назад!» — приказывают хозяева вислоухому неслауху. Вдруг слышу на хорошем родном языке: «Вы русский?»

Поворачиваюсь, вижу среднего роста русоволосую женщину лет тридцати. Плотную фигуру облегает платье цвета морской волны, в глазах — голубое пламя:

— Вы русский, я вижу, — говорит она горячо. — Я тоже славянка — полячка. Скажите, когда к вам, православным, приходит патриарх, вы разве так его встречаете? А эти — она повела головой в сторону окружающих, — эти... Помните Откровение Иоанна Богослова: «О, если бы ты был холоден или горяч! Но ты тепл». Эти... теплохладные, — выдохнула она с ненавистью. Знаете, как у них называется Пасха, Воскресение Иисуса? Пасха на их языке — Хушвит, мясной день, мясоед, день, когда надо есть мясо...

В этот момент папомобиль поравнялся с нами, полячка заторопилась, чтобы видеть своего соотечественника Кареля Войтылу, проводить его до того последнего момента, пока машина въедет в ворота.

...Почему я вспомнил эпизод пятнадцатилетней давности? Все дальше и дальше расходятся русские и польские дороги. Возня вокруг жертв Катыни, увековечивание памяти Джохара Дудаева в Варшаве, катастрофа под Смоленском, проклятия в адрес пакта Риббентропа—Молотова... Нет возврата в те годы, когда два поколения поляков и русских называли себя братьями. Наверное, нет. И все же тот горячий монолог голубоглазой полячки, поиск именно у русского человека сочувствия оскорбленному религиозному чувству лично мне внушает какую-то надежду. Что делать полякам на антихристианском по своей сути Западе? Примирять свою духовность с его теплохладностью? Или принять то, что на нелюбимом востоке у них есть родственники по неравнодушию к истине, по тяге к вере, к которой становится все более безразличен, а то и прямо враждебен мир, в союзе с коим они пребывают сегодня.

СОЛДАТСКАЯ ФЛЯГА

Когда человек догадывается о том, что он есть, с какого момента? Наверное, с того, с какого начнет себя помнить. Мои два самых первых детских воспоминания — о лете 1944 года. Начну со второго.

...Нагретый солнцем луг. Мы с братом лежим в траве. Лежим на животе — охотимся. Над нами качаются цветы, жужжат пчелы. Вот одна из них садится на колокольчик. Сначала обследует лепестки с внешней стороны, потом перебирает лапками по краю, наконец, заползает вглубь — ниже, ниже, и когда она совсем скрывается в голубой чашечке, Толя ловкими пальцами зажимает зев цветка. Пчела недовольно жужжит, пытается освободиться, выбрасывает наружу клинок с острыми зубринами, но поражает лишь воздух. А брат на чеку — он быстрым движением выдергивает пчелиную саблю, припадает губами к брюшку и передает свою жертву мне. Там, где было опасное жало, — пахнувшая медом прозрачная капелька. Я слизываю эту конфету военного лета, и мы ползем к следующему цветку...

И первое мое воспоминание тоже о сладком. Лето 1944 года. Открытый товарный вагон. Из невоенных людей в нем только мама, я и мой брат — остальные солдаты. Нам добираться до Винницы, недавно освобожденной от немцев, — там жи-

вут мамины родичи, а солдатам дорога дальше на запад. Поезд только отошел от станции Мена Черниговской области, и начался налет. Немецкие летчики преследовали наш состав минут пятнадцать, пока их не отогнали.

Все это время мама прятала нас под своим платком, прижимала к груди, затыкала уши, чтобы мы не видели самолетов и не слышали, как рвались бомбы.

Ощутил ли я частое биение материнского сердца, общее ли напряжение, царившее в вагоне, передалось мне или же потому, что быть мне или не быть, судьба окончательно решала именно в ту бомбежку, но факт остается фактом: начиная с этой поездки в товарном вагоне, я помню себя.

А помню вот что. Солдат держит меня на коленях и дает пить воду из своей фляги. То ли я, напуганный, плакал, и меня надо было успокоить, то ли жарко было в товарняке. А, может, солдат, с которым свела меня дорога, дома оставил такого же мальчика. Словом, поил он меня из своей фляги, и ничего слаще и вкуснее этой воды не было. Какой-то волшебный напиток. Потом я все хотел еще хоть раз попить такой же. Но ничего похожего не находил. В конце концов, я решил, что все дело во фляге — это в ней вода приобретает такой сказочный вкус.

И вот удача: мне десять лет, меня собирают в пионерский лагерь и в рюкзак кладут жестяную флягу, совсем такую же, из какой я пил тогда. Отвинчиваю пробку, делаю глоток — полное разочарование. То было поистине райское питье, а тут вода совсем другая: невкусная, жесткая, пахнет металлом... Так и осталось для меня на всю жизнь загадкой, почему столь необыкновенной была вода из фляги солдата.

Никогда-то я не узнаю, прошел ли он до конца свою военную дорогу или сложил крылья посреди степей, как тот герой песни, написанной через год в победном 1945 году.

МОЛИТВА

В Никольском храме, что на Черкизовском кладбище, шла утренняя Великого Пятка. Храм одно время был старообрядческим, потом староверов утеснили, трапезную отдали Московскому Патриархату и устроили в ней церковь греческого обряда с двумя приделами, освященными во имя Святого Николая Угодника и Успения Божией Матери. В приделах этих и раньше не бывало особо просторно, а когда служить здесь стал отец Димитрий Дудко, стоять стали совсем плотно — батюшка привел сюда своих духовных чад, да и любопытствующих было много, хотевших увидеть и послушать священника,

знаменитого своими смелыми проповедями и беседами, которые он с амвона после службы вел с верующими и неверующими. Словом, теснота была здесь обычным делом, платочки традиционных прихожанок — седеньких бабулек, которыми тогда, в годы хрущевских гонений, держалась наша Православная Церковь, — соседствовали с вихрастыми головами юношей и повязанными по-монастырски «внамурку» темными косынками молоденьких девушек.

А на утрени Страстной Пятницы, когда вспоминаются страдания Господа, молящиеся зажигают свечи, и читаются 12 страстных Евангелий, стояли так, что руку для крестного знамения трудно было поднять. В тесноте было душно и жарко — молодому-то сердцу нелегко выдержать. И вот, когда отец Димитрий прочитал восьмое Евангелие о том, как злословила толпа распятого на Кресте, и пропел хор «Мал глас испусти разбойник на кресте, велию веру обрете во едином мгновении спасеся и первый, райская врата отверз, вниде», стоявшая рядом со мной малорослая бабуля уронила свечку и стала медленно оседать.

Я подхватил ее сухенькое тело и стал протискиваться к выходу.

— Ноги, сынок, не держат, — сокрушалась бабуля поси-невшими губами. Наконец мы дошли до стоящих в дверях, а там уже воздух посвежее. Еще усилие — и вот мы во дворе церкви. Посадив старушку на лавочку, я побежал искать такси. Время было не очень позднее, машин мчалось много, но мою поднятую руку они что-то не замечали. Наконец, минут через десять безуспешной «ловли» притормозила «Победа», опустилось стекло, и высунулась голова в кепке.

— Куда?

— Да недалеко. Надо только к церкви подъехать, бабушку забрать.

— К церкви?!

Кепка тут же нырнула вниз, стекло поднялось, и машина рванула вперед.

К скамейке, приютившей бабулю, я шел, разводя руками.

— Ничего, сынок, такси, значит, не для нас. А вот до трамвая я с тобой, даст Бог, дойду.

Остановка была, по счастью, недалеко, да и бабуля моя шла, уже не так сильно опираясь на мою руку.

— Ну, все, сынок, спаси тебя Христос. Теперь я сама.

— Сама...А ну, как упадете дорогой. Нет уж, я с вами поеду.

В трамвае сидели молча. У меня в ушах все звучало: «Разделиша ризы Моя себе, и о одежды Моей меташа жребий». Бабуля шевелила губами, так думаю, что молилась. Мы со-

шли на четвертой остановке. Шли мимо палисадников, за которыми стояли деревянные барачного типа двухэтажные дома.

— Пришли, сынок. — Она остановилась под фонарем около выкрашенной зеленой краской калитки. — Спасибо, выручил старую.

Она внимательно как-то по-особому посмотрела на меня, потом подняла голову вверх, и вдруг я услышал:

— Господи, не суди Ты по всем делам его.

Она сказала это как-то даже сердито. Наверное, только сильная вера, чувство постоянного присутствия Бога и неустанная молитва позволяли бабуле так Его просить за другого. Но надо быть, по меньшей мере, праведником, и видеть мое сердце, чтобы дерзнуть сказать эти точные, единственные слова...

И как же корю я себя за то, что не догадался спросить ее имя. А то мог бы теперь обращаться к ней за молитвенной помощью. В селениях праведных она меня наверняка бы услышала.

ЛУГИН И БЕСЫ

РАССКАЗ

Спиритов было пятеро. За медиума выступала хозяйка дома Катерина Николаевна. Был ещё Волков и две какие-то дамы, которых Лугин прежде не видел. Дамы опоздали, и в ожидании Лугин успел выпить две чашки крепкого чёрного кофе. У Катерины Николаевны он был впервые.

Аскетическая мебель, бывшая в моде в семидесятые годы, стояла вдоль стен. На полках фотографии каких-то индусов в белых одеждах соседствовали с фигурками вислоухих и многоруких божков. Свежие цветы наполняли комнату ароматом.

Катерина Николаевна и Волков принесли из другой комнаты круглый ореховый столик, все расселись, и Катерина Николаевна окурила комнату индийскими благовониями. Потом достала оплывший огарок на яшмовом подсвечнике, чистый лист бумаги и длинный, недавно вновь очинённый простой карандаш. Все молча наблюдали за приготовлениями. Катерина Николаевна зажгла свечу, потушила электрический свет и под села к гостям.

ПРОЗА

Лугин оказался между Катериной Николаевной и Волковым.

— Ду-у-ух! — простонала Катерина Николаевна. — Ду-ух! Лугин вздрогнул.

— А-а-а! — снова простонала Катерина Николаевна, передёрнувшись, и Лугин увидел, что она быстро пишет карандашом на листе бумаги.

«Я здесь», — прочёл Лугин, когда она отвела руку.

Все молчали. Лугин украдкой взглянул на Волкова: не смеётся ли тот. Но Волков был мрачен и сосредоточен.

— Дух! — громко и торжественно прерывающимся голосом возвала Катерина Николаевна. — Скажи нам! Исповедуешь ли ты Бога Живого?

«Исповедую», — прочёл Лугин на листе бумаги.

Катерина Николаевна вздохнула и закивала гостям. Гости зашевелились.

— Дух! Как имя тебе?

И Лугин прочёл:

«Нас много».

— Кто вы?

«Григорий Отрепьев, Емельян Пугачёв, граф Толстой, Маша Лугина».

У Лугина заколотилось сердце.

— Что ты хочешь сказать своему мужу? — с напускной лаской спросила Катерина Николаевна.

«Пусть ждёт меня дома. Пусть сам пишет», — прочёл Лугин.

Катерина Николаевна улыбнулась ему понимающе. Но Лугин вдруг вскочил и бросился вон из комнаты.

Лугин был женат четыре года. Женился он поздно — тридцати восьми лет. И был счастлив в позднем своём браке. Маша была много моложе Лугина. Она казалась ему то прелестной оболъстительницей, то простодушным ребёнком. Пылкость и нежность к ней соперничали в его сердце.

Однажды в воскресенье за обедом Маша вдруг вскрикнула и неловко упала на бок. Лугин бросился к ней — она была без сознания. Лугин вызвал «скорую». Приехавший врач констатировал смерть от сердечного приступа.

На кладбище к Лугину подошёл Волков.

— Сегодня, знаешь, в порфире, а завтра в могиле, — сказал он.

Лугин слушал и не понимал, о чём он говорит.

Проводить Машу пришли многие. На кладбище было холодно и тихо. Кое-кто плакал бесшумно. Свежий снег сава-

ном укрывал могилы, холмиками лежал на ветках и перекладинах крестов. Галки резкими, отрывистыми криками нарушали торжественную тишину. Не снимая чёрной кожаной перчатки, Лугин поднял отрезанный лопатой ком мёрзлой, похожей на кусок торта земли и бросил его в страшную яму.

Все смотрели на него с сожалением и любопытством.

Когда на девятый день собрались помянуть Машу у Лугина, Волков сказал:

— Что, знаешь, гусь без воды, то мужик без жены. Ты веришь ли, что она не умерла? Веришь, что душа её пребывает в астральном теле?

Лугин пожал плечами.

На сороковой день снова собрались помянуть усопшую. Пришли родные Маши, Волков и сестра Лугина. Женщины, озабоченные угощением, суетились на кухне. Мужчины тихо переговаривались в гостиной. Когда, отобедав, стали расходиться, Волков сказал:

— Завтра собираемся у Катерины Николаевны. Она, знаешь, чудеса творит... Уверяет, что может и Машу...

Лугин поморщился.

— Да ведь ты ничего не теряешь! — стал оправдываться Волков. — А вдруг правда!.. Надеючись, знаешь, и кобыла в дровни лягает. Приезжай завтра к девяти.

Оставшись один, Лугин стал думать о Маше, о приглашении Волкова, о спиритизме и о Катерине Николаевне.

Волков был старинным приятелем Лугина. Когда-то он увлекался восточной философией и писал в журналы разгромные статьи о религии. Потом необходимость в этом отпала, и Волков стал писать о новейших духовных учениях. Те же журналы с удовольствием печатали его. Научнообразие новейших учений убеждало Волкова в их истинности. Слова, позаимствованные у восточной философии, облегчали понимание.

Обратившись к практике, Волков пережил необычайные состояния. Как-то раз за медитацией показалось ему, что душа его покинула тело. Он увидел сверху себя и голую соседку, принимающую в своей квартире ванну.

Случай этот повлиял на Волкова чрезвычайно.

Подобно многим, не имеющим веры в потусторонний мир, но однажды вдруг лично ощутившим его существование, Волков попытался с ним соединиться. Доверившись Катерине Николаевне, он предался оккультизму.

В юности Катерина Николаевна переписывала стихи в тетрадку, а когда влюбилась в актёра Столярова, стала сочи-

нять сама. В старших классах Катерина полюбила театр и мечтала стать артисткой, но не стала, потому что поступила на физико-технический факультет. В институте она увлеклась авторской песней и переложила несколько своих стихотворений на незамысловатые аккорды.

Однажды на работе Катерина Николаевна услышала об эре Водолея, заинтересовалась, и на другой день сотрудница принесла ей книгу, отпечатанную и переплетённую кем-то вручную. Катерина Николаевна читала всю ночь, а наутро твёрдо знала, что нашла именно то, чего не доставало ей.

Вскоре явились новые книги, образовался круг знакомств — жизнь Катерины Николаевны переменилась. Красивая музыка, благоуханные цветы, белые одежды... Катерина Николаевна занялась медитацией, и в грёзах своих побывала на дне морском. На спиритических сеансах духи отвечали ей и подавали советы. Скопив денег, она поехала в Индию. И Учитель подарил ей золотое колечко, материализовав его из своего дыхания. На колечке стояла проба, но Катерину Николаевну это не смутило.

Вернувшись из Индии, Катерина Николаевна поняла, что у неё открылись макушечные чакры. Она стала видеть свечение кристаллов, заключённых внутри камней, ощущать предметы частью себя.

Когда Волков рассказал ей о смерти Маши Лугиной, Катерина Николаевна, не зная покойницы лично, пережила удивительное состояние. Во сне явилась к ней Маша. «Мне всё видно, — шептала она, — спрашивай...» Катерина Николаевна хотела спросить о чём-то, но вдруг сама оказалась там, откуда зывала к ней покойница. Время и пространство стёрлись, Катерина Николаевна поняла, что ей известно прошедшее и открыто будущее. Пробудившись и тотчас позабыв все откровения, Катерина Николаевна решила, что во сне ей был знак: она обязана установить контакт Лугина с Машей.

Лугин не любил Катерину Николаевну. Необыкновенные способности её он почитал за шарлатанство. Разнообразие интересов — за пустоту и суетность. В чудеса и загробный мир он не верил. Но после смерти жены ему мечталось когда-нибудь снова встретиться с нею. К предложению Волкова Лугин отнёсся безразлично, но в тот же вечер со стены в спальне упал фотографический портрет Маши. Лугину стало не по себе.

На другой день позвонил Волков и стал настаивать.

— Не знаю... — замылся Лугин. — Подумаю...

— А ты не думай! — подначил Волков. — Кто, знаешь, дуемает три дня, тот выберет злыдня.

Уставший от своего горя, Лугин решил сходить.

Никогда прежде не бывал он на спиритических сеансах и, не зная, как вести себя, был сдержан и осторожен. Но когда Катерина Николаевна стала поигрывать именем его жены, Лугин счёл это циничным и вышел из себя. Ни от Волкова, ни от Катерины Николаевны не ждал он бессердечия.

Дня три или четыре после спиритического сеанса Лугин проходил мимо книжной лавки, и в глаза ему бросилось название: «Жизнь после жизни». Лугин не остановился. Потом вернулся и купил книгу.

Воскресным утром Лугин расположился с новой книгой на кухне. Кофе в медной турке закипал на плите. Лугин поднял глаза и вдруг увидел, что сито, лежавшее поверх кофейника, шевельнулось. Ручка сита, как кошкин хвост, дрогнула и медленно стала опускаться. Лугин остолбенел. Но кофе закипел и стал уходить, и Лугин пришёл в себя.

Оказалось, что накалившаяся турка расплавила пластиковую ручку сита. Лугин был раздосадован. Но совпадение удивило его.

Во вторник после работы, оставив машину на станции технического обслуживания, Лугин спустился в метро. Был седьмой час в начале. Народ теснился в вагонах. Какая-то дама горячо дышала Лугину в шею, под колено впился ему металлический остов чьей-то хозяйственной сумки, мальчик, не дотягивающийся до поручня, повис на кармане пальто. Сияясь отвлечься от нарастающего раздражения, Лугин стал прислушиваться к разговорам.

— ... ну и скинулись бы хоть по ста рублей, брату-то на подарок!

— Мы принесли подарки, а он к нам даже не вышел!

— Кинули бы через забор!

— Ну вот будем мы у вас на заборе висеть!..

Лугин стал прислушиваться к другим голосам.

Вдруг среди общего вздора услышал он слово, заставившее его удвоить внимание.

— ...физическое, эфирное, астральное и ментальное.

— А потом?

— Потом физическое разрушается, и душа отходит с тремя оставшимися.

— Ну и?..

— Эфирное быстро умирает, а вот астральное долго живёт ...

Поезд остановился, и Лугин вышел на своей станции.

Всю дорогу до дома он думал о странных совпадениях, случившихся в последнее время.

Придя домой, он вымыл руки, включил телевизор и собрался поужинать. Но в это самое время диктор объявил:

— ...А прямо сейчас на нашем канале американский художественный фильм «Призрак».

Лугин опустил в кресло и забыл об ужине.

Субботу и воскресенье Лугин провёл в читальном зале, собирая материал о спиритизме, хотел было справиться у Волкова или Катерины Николаевны, но постыдился.

Самому себе не смел он признаться. «Это так только, — рассуждал он. — Надо убедиться, что всё обман, и нет ничего...»

В понедельник вечером он начал приготовления: проверил дважды, заперта ли дверь, занавесил окна, достал свечу и карандаш. Всё это проделывал он не спеша, стараясь не шуметь, точно готовился к непристойному делу. Наконец уселся за стол, взял карандаш в руки и так же, как это делала Катерина Николаевна, позвал:

— Дух!

Ответа не последовало.

Лугин подождал немного и снова позвал:

— Дух!

И снова не было ответа.

Лугин позвал в третий раз:

— Дух, появись!

Только свеча, обгорая, чуть потрескивала.

«О чёрт... — подумал Лугин, — хорошо ещё никто не видел...»

Он собрался уже задуть свечу, как вдруг показалось ему, что пальцы помимо воли крепче сжали карандаш. И в следующую секунду карандаш, увлекая за собой руку Лугина, побежал по листу бумаги.

«Я здесь», — прочитал Лугин.

Он отказывался верить. И точно в насмешку над самим собой спросил:

— Кто, я?

«Тот, кто вечно совершает благо», — вывел карандаш.

Лугин не мог опомниться и молчал.

«Что тебе нужно?» — спросил карандаш.

Лугин ещё помолчал и наконец робко ответил:

— Машу.

«Жди», — отвечал карандаш, и пальцы Лугина разжались.

Несколько минут прошли в томительном ожидании. Потом вдруг снова невидимая сила подхватила руку Лугина и стала водить ею.

«Я здесь», — написал карандаш.

— Кто? — спросил Лугин.

«Я, Маша».

Лугину стало страшно.

— Почему я должен верить? — спросил он после длинной паузы.

«В нашей спальне, — ответил карандаш, — в шкафу, в моём ящике на самом дне лежит белый шарф. Я не успела подарить тебе».

Лугин бросился в спальню.

На дне Машиного ящика под аккуратной стопкой её белья лежала плоская картонная коробочка со слюдяным окошком. Лугин сорвал картон, внутри оказалось белое шёлковое кашне.

С кашне в руках он вернулся к столу.

— Маша, — робко позвал он.

«Я здесь», — вывел карандаш.

— Спасибо, — прошептал Лугин и впервые после смерти жены заплакал.

Наутро Лугин уже стыдился и слёз, и любопытства, завлѣкшего его так далеко. Но вечером снова взялся за карандаш. Маша, казалось, уже ждала его, и они не могли наговориться. На другой и на третий день повторилось всё то же самое. Днём Лугин убеждал себя, что всё обман, самовнушение, какая-нибудь психофизиологическая сила. Вечером तोпился к карандашу.

Мало-помалу сомнения его стали таять: Маша указывала ему на давно утерянные вещи, и вещи отыскивались; подавала советы, как лучше вести дела, и, следуя им, Лугин оказывался в выигрыше. Вскоре Лугин уже не сомневался, что общается с умершей женой, продолжающей жить в астральном теле.

Иногда Лугин задумывался: «Вот стал некрофилом, волхвом, некромантом. Что дальше?» Тогда ему становилось стыдно и страшно и хотелось всё бросить. Но он успокаивал себя тем, что занятия его безвредны, а снова потерять Машу он не может.

В апреле, уже после Пасхи, Маша сказала: «Мне тяжело, я страдаю...» И Лугину показалось, что он услышал лёгкий вздох или стон.

«Мы не сможем больше говорить...»

— Как?! — вскричал Лугин.

«Между нами есть один человек...»

— Что ты говоришь? Какой человек?

«Человек, который мешает нам быть вместе. Я себе не хозьяка. Есть духи более могущественные, чем я. А у того человека власть, и он не велит им пускать меня».

— Кто это? — в нетерпении воскликнул Лугин.

«Катерина Николаевна», — вывел карандаш.

Лугин ахнул.

«Люблю тебя. Прощай...»

Последнее слово, написанное без нажима, было едва видно на бумаге. Рука Лугина обмякла, карандаш выкатился из пальцев.

Всю ночь Лугин звал Машу, звал графа Толстого, звал даже Гришку Отрепьева — никто не отозвался, карандаш не написал более ни слова.

Через неделю Лугин, измученный и обессиленный, решил объясниться с Катериной Николаевной. По телефону попросил он у неё свидания, и она, взволнованная просьбой, пригласила Лугина завтра к себе.

Она встретила его в белом сари с цветком лотоса в руке и проводила в гостиную, где был накрыт стол и тихо играла убаюкивающая музыка.

— Вы не совсем правильно меня поняли, — начал Лугин, — я пришёл не за этим.

Катерина Николаевна понюхала свой лотос и кивком пригласила Лугина присесть. Лугин сел, села и Катерина Николаевна.

— Прошу вас, Катерина Николаевна, — устало произнёс Лугин, — отпустите Машу.

— Простите? — удивилась Катерина Николаевна.

— Прошу вас, Катерина Николаевна, — повторил Лугин, — я всё знаю. Маша мне всё объяснила. Прошу вас... я не могу без неё!

— Я не понимаю! О чём вы? О чём вы говорите?

— Катерина Николаевна, — твёрдо проговорил Лугин, — не отпирайтесь. Мне всё известно.

— Да что известно-то? — воскликнула Катерина Николаевна.

— Говорю вам: не отпирайтесь! Я знаю, что вы повелеваете духами. Я знаю, что у вас есть власть. Скажите им... сегодня, сейчас! Скажите им, чтобы они отпустили Машу!

Катерина Николаевна молчала и в ужасе смотрела на Лугина.

— Если вы этого не сделаете... — плаксивым голосом закричал Лугин. — Слышите? Я не знаю, что я с вами сделаю! С вами! И с Волковым...

Катерина Николаевна окаменела. Когда Лугин вдруг вскочил, попыталась подняться и она. Но запуталась в сари и

осталась на месте. А Лугин, схватив с полки фигурку индийского божка, вплотную подступил к ней.

— Последний раз прошу вас, — прошипел Лугин, потрясая перед носом у Катерины Николаевны статуэткой. — Ну же?

Катерина Николаевна молчала и не сводила глаз с божка.

— Ну?! — рывкнул Лугин.

Катерина Николаевна не проронила ни звука.

Повинуясь более желанию логической развязки, нежели решению во что бы то ни стало наказать виновную, Лугин ударил вислоухим божком по голове Катерину Николаевну. Она удивлённо и с укором взглянула на Лугина, потом закрыла глаза и медленно повалилась на бок. Лугин подумал, что она умерла, и, не выпуская божка, бросился вон.

Прибежав домой, он схватился за карандаш.

— Маша! — позвал он.

Ответа не последовало.

— Маша! Ду-ух! — взмолился Лугин.

Вдруг он почувствовал, что пальцы его привычно сжимаются, и карандаш увлекает руку.

Сладкое чувство, от которого заныло нутро, овладело Лугиным. Он забыл про Катерину Николаевну, он плакал и смеялся, как сумасшедший.

«Чего тебе?», — спросил карандаш.

— Машу! — вскричал Лугин.

«Какую ещё Машу?»

Лугин оторопел.

— Маша... жена... — пролепетал он.

«Была, знаешь, жена, да корова сожрала; кабы не стог сена, самого бы съела. А дураки-то и после бани чешутся...» И, прибавив несколько грязных словечек, карандаш вывел крупно: «Ха-ха-ха!»

Лугину показалось, что он в самом деле слышит смех. Он закрыл ладонями уши и кинулся в спальню. Но смех и там преследовал его.

Лугина нашли повесившимся на белом шёлковом кашне. Он выжил — его вынули из петли и поместили в лечебницу. По странному совпадению там же оказалась и оставшаяся в живых Катерина Николаевна. После пережитого с ней приключилось что-то вроде нервной болезни. Волков, который в последнее время много пил, проходит курс лечения в той же клинике.

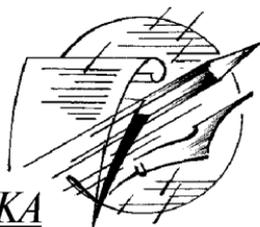
ОКЛЕВЕТАННЫЙ ГЕНИЙ

Борьба с русской культурой ведется жестокая.
Георгий Свиридов

Как-то, помню, дива растления Лолита голосила на НТВ (в поддержку сексуальных извращенцев), что Чайковский тоже был «геем». И никто в их энтэвэшном зале не вступился за честь великого композитора — не исключаю, впрочем, что такая попытка была вырезана на монтаже.

Господа из либерального племени давно уже атакуют память о Петре Ильиче Чайковском слухами о его гомосексуальности, но в последнее время адресованное этой памяти мозгоблудие превысило все мыслимые пределы. Вот и оккупанты отечественного телеэфира не упускают случая «оттянуться на теме по полной».

Эта массажированная атака на культурную память страны в ряде случаев достигает цели. Доходит до того, что и в стане традиционалистов едва ли не готовы принять эти наветы, лишённые доказательной основы, как горькую правду, как данность. Так обширна сфера вещательного воздействия на наши умы, так велико желание внушить нам это безумие.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Недавно известная писательница русского направления, влюбленная в музыку Чайковского, сказала автору с неким энтузиазмом обреченности: *«Да что вы переживаете — смиритесь, бывает и такое... Гениальность вообще вещь в сознании пограничная... Да главное и не в этом — главное, какую замечательную музыку писал этот человек...»*

Я обратился за поддержкой к авторитету профессора Михаила Буянова, президента Московской психотерапевтической академии. Он убежден, что «нетрадиционная ориентация» Чайковского — мстительные измышления, пошедшие от «либералок» сестер Пургольд, одна из которых истерично преследовала композитора. Отвергнутая им, она и принялась распространять эти выдумки.

«Чайковский был несчастным человеком, — Буянов подтвердил в телефонной беседе то, что писал и высказывал раньше, — но не был гомосексуалистом». По мнению авторитетного врача, глубоко изучавшего «проблему Чайковского», нельзя вместе с тем отрицать и того, что Петр Ильич страдал серьезными невротами и фобиями, был выраженным ипохондриком. По причине сверхмнительности и рефлексии, свойственной сложной душевной организации, он и называл себя самым никудышным человеком на свете. (Нормальная, кстати, реакция того, кто окружен восторженными поклонниками и поклонницами: *«Да отстаньте же, наконец, я такой же как все — а то и хуже...»*) Наложила негативный отпечаток и скоропостижная женитьба на Антонине Милюковой, страдавшей шизофренией и впоследствии более двадцати лет проведенной в психиатрической клинике.

На протяжении всей взрослой жизни композитору сопутствовало повышенное внимание журналистов, людей искусства и культурной публики вообще, под контролем был каждый его шаг. Однако ничто не выдавало его порочных наклонностей.

На свете есть немало радетелей духа либо людей отшельнического склада, которым не дано в этой брэнной жизни создать семью и продлить свой род, — так что же, по этой причине всех их надо огульно причислять к извращенцам? Михаил Буянов не исключает вместе с тем, что личностные изъяны, которые адресуют в этой связи Петру Чайковскому, в какой-то мере могут быть переадресованы его брату Модесту, написавшему книгу воспоминаний о композиторе. Это и могло отчасти спроецировать тень неверных эмоций на память о самом Петре Ильиче.

Предваряя попытку разобраться в личной драме Чайковского, доктор Буянов призывает нас осторожней относиться к творению Чезаре Ломброзо «Гениальность и поме-

шательство». Ни в результатах собственных трудов, ни у коллег он не находил подтверждения тезису Ломброзо о том, что гениальности непременно сопутствуют какие-либо серьезные психические или сексуальные отклонения. Напротив — физическое, психическое и нравственное здоровье человека, как правило, и образуют базис, способствующий развитию природного дара.

«Готова разделить ваше огорчение, но я привыкла доверять фактам», — сказала писательница, гордая осознанием диалектичности личностных процессов. Имея в виду, что устройство творческой личности может быть настолько сложным и противоречивым, что способно совмещать несовместимое. Иными словами, мол, можно быть убежденным монархистом и носителем традиционных ценностей, слагать гимны царю и отечеству и при этом посматривать в сторону лиц своего же пола...

Но каковы тогда факты? (Понятно, что шоуменам с ЦТ факты вообще не нужны — как не нужно было и подлинное народовластие в 93-м, и само гражданское общество, о котором они теперь так пекутся.) В качестве фактов сторонники «нетрадиционной ориентации» приводят письма Петра Ильича. «Хрестоматийным» в своем роде стало уже и письмо к брату с упоминанием «педерастической бордели», где якобы однажды побывал композитор, и прочие «покаянные» эпистолы. Но, господа, откуда эти письма и сохранились ли оригиналы?

Оказывается, нет ни оригиналов, ни копий таких писем ни в частных коллекциях, ни в музейных. Бессмысленно апеллировать к архиву и собственным материалам клинского музея. Зато обильна печатная продукция на эту тему, появившаяся у нас и за рубежом в последние 20—30 лет. Америка (с ее свободами, внешней политкорректностью и поликультурностью — но со стойким позитивистским упрощенчеством в трактовке поведения творца и засильем либерализма в творческой сфере) множит ряды «исследователей», «пакующих» великого русского композитора в новомодные лейблы «педерастии». Там живет и Александр Познанский, которому удобней сочиняется о Чайковском в отрыве от исторической почвы...

Вместе с тем серьезные и честные исследователи считают, что такого рода «письма» — целиком на совести А.А. Орловой (Шнеерсон), эмигрировавшей из СССР в 1979-м. Самым комплиментарным образом ее характеризует книга «Евреи в культуре русского зарубежья», однако знающие тему пишут, что в ее статьях зачастую не было ссылок на источники и присутствовали подлоги. Она же предложила публике и версию «самоубийства» композитора, якобы не выдержавшего «собственной порочности». Что он не умер от холеры во время эпидемии, а сознательно хлебнул из колбы с холерным вибрионом, потому что жить устал...

Заслуживают внимания и слова Артема Новицкого в ЖЖ, на которого так окрысилась за правду публика из лагеря извращенцев. Приведем несколько выдержек из его статьи: «Орлова утверждала, что все эти факты стали ей известны от Александра Войтова — выпускника училища правоведения, которому, в свою очередь, их поведала вдова самого Николая Якоби». Точнее выражаясь, «одна бабушка сказала».

Вот пример типичного якобы «письма»: «28.09.1876 г. Брату Модесту. *«Представь себе! Я даже совершил на днях поездку в деревню к Булатову, дом которого есть не что иное, как педерастическая бордель. Мало того, что я там был, но я влюбился как кошка в его кучера!!! Итак, ты совершенно прав, говоря в своем письме, что нет возможности удержаться, не смотря ни на какие клятвы, от своих слабостей».*

Любой человек, знакомый с письмами Петра Ильича, скажет, что автор этой грязной фальшивки не удосужился даже адаптировать свою стряпню («как кошка в его кучера!!!») к стилю композитора. Не говоря уже о том, что само «письмо» никто и никогда не видел.

Люди, сведущие в нравах и обычаях русского общества того времени, подтвердят, что подобные страсти не только не были ему свойственны, но им просто не было места. Не был исключением из правила и Чайковский.

Да и стал бы писать такое родному брату человек, тонко понимающий меру приличиям? Человек глубоко религиозный, чему есть несметное число свидетельств. Безнаказанность позволяет ненавистникам множить число фальшивок — но оно же, в свою очередь и разоблачает фальсификаторов. Несостоятельность подобных инсинуаций обнаруживается простейшим лингвистическим анализом.

Приведем несколько таких «писем» — не имеющих под собой оригинала, но распространяемых посредством интернета и печатного станка. Например, из «работы» В.С.Соколова, ссылающегося на некие архивные источники. В интересах дела преодолеем естественную брезгливость. Но если будем молчать, то зло распространится далее.

Вот эпистола Модесту (якобы в 1877 г): «Моя любовь к известной тебе особе возгорелась с новой силой! Причиной этого ревность. Он связался с Эйбоженкой, и они (...нецензур. слово) по 5 и 6 раз в день...»

Через год тому же адресату якобы пишется следующее: «От скуки согласился познакомиться с одним очень милым юношей из крестьянского сословья. У меня целый день сладко ныло сердце, ибо я очень расположен в настоящую минуту безумно влюбиться в кого-нибудь...»

После женитьбы на Милюковой композитор «отписывает» другому брату — Анатолию: «Просидели одно отделение и поехали домой. По части лишения девственности не произошло ровно ничего...» То же самое — чуть не слово в слово — он «пишет» другому брату в тот же день — опять, что «лишения девственности» не случилось...

Или вот еще («Петр — Анатолию», будто бы в 1871 г): «Что у тебя шанкр, меня нисколько не удивляет, ибо с кем его не было? Вспомни, какой шанкр мне насадила Гильда в Петербурге...»

То он в деталях описывает отцу (!), что обкакался, простите, в Ковно... то приводятся иные «подтверждения», что Чайковский состоял в половой связи со слугой Алексеем...

Ну и «семейка Симпсонов»! Да что же он за гениальный композитор, что за извращенец такой, что способен безо всякого стыда сообщать такое всей своей родне... Такого ведь и нынешние отморозки с зоны не напишут, а все «датируется» временем, когда в людях жил и божий страх, и нравственный самоконтроль присутствовал, и особенно в дворянстве, и уж тем паче в эпистолярном отношении... Да сколько перьев предшественники нынешних либералов поломали, описывая и критикуя пуританство XIX века... И ведь опусы, подобные опусу В.С. Соколова, и приводятся в подтверждение теории «педерастии»...

Такие, с позволения писать, «эпистолы» мог сочинить только некто, не уважавший ни себя, ни других. Некто без чувства собственного достоинства. И напротив — человек, столь глубоко и всеохватно постигший гармонию мира и духа, просто не может проявиться нравственным уродом — хотя бы и в одной какой-то случайности. Есть некая «точка развития» или нравственная детерминанта, за которой такое просто невозможно по определению. Гений и распутство — две вещи несовместные.

Но хватит уже — душновато от этих выдержек из мнимых писем... Уж лучше защитим честь русской культуры цитатой из того же Артема Новицкого: *«Странное совпадение, но после смерти Константина Романова, его память оскверняли тем же способом, что и честь Чайковского. Те же грязные измышления о педерастии. Характерные откровения Орловой о том, что-де сам царь приказал Чайковскому помереть, узнав о его якобы «нетрадиционной связи» с К.Р. Между тем, К.Р. был прилежным семьянином, глубоко верующим человеком, имел 9 детей, был главным начальником военно-учебных заведений, «отцом всех кадет», воспитал сына, героически погибшего на фронте и ещё троих, казненных большевиками в Алапаевске.*

Всё это, естественно, в расчет не бралось. Главное — дискредитация царской семьи любым способом. И Чайковский,

**конечно же, попал под это колесо. Кое-кому не по вкусу при-
шлись патриотические сочинения П.И. Чайковского».**

И главное: дневники композитора, существующие реально, доказывают, что композитору был присущ совершенно иной стиль письма: чрезвычайно краткий — до односложности, с назывными, рублеными фразами. И рядом-то ничего не было.

Так что же это — глупость или измена? Радения скандалистов от СМИ, инсинуации извращенцев, пытающихся социализовать свой срам, как оно имеет место в утомленных демократией странах, или культурная война, инспирированная мировым либерализмом? И есть ли еще что-либо, за что можно было бы так жестоко мстить Чайковскому?

Да почему же нет — сколько угодно. Например, в сопоставлении с фигурой Антона Рубинштейна. Вот еще цитата из ЖЖ: *«Деятельность Рубинштейна изобиловала конфликтами с придворными кругами, а также с композитором А.Н. Серовым и членами «Могучей кучки», предпочитавшими русское направление в творчестве. Несмотря на то, что Рубинштейн в детстве был крещен, он сохранял еврейское национальное самосознание. Вскоре после создания Общества для распространения просвещения между евреями в России, он стал его членом. В начале 1890-х гг. Рубинштейн хотел написать оперу, главным героем которой был бы современный еврей, гордый и насмешливый, однако ни одно либретто не удовлетворило его, и он предлагал своим студентам-евреям осуществить этот замысел»* («Электронная еврейская энциклопедия»).

Очевидно, смертельной обидой стало и то, что в 1944 г. Ленинградской консерватории, у истоков которой стоял А. Рубинштейн, было присвоено имя Н. Римского-Корсакова. Московской же консерватории, где Н. Рубинштейн был директором и профессором по классу фортепьяно, было присвоено имя П. Чайковского».

К тому же в части реально сохранившихся писем великого композитора кто-то усматривает брезгливое отношение к представителям еврейства. В одном из писем к брату Анатолию композитор одобрил «еврейский погром» в Смеле в 1881 г. За несколько лет до этого он пишет ему же: «Если можешь, то скажи Антону Рубинштейну: «Брат велел Вам передать, что вы сукин сын»... Никто так не оскорблял моего чувства собственного достоинства, как этот петергофский домовладелец. А теперь еще он лезет со своими паршивыми операми, чтоб мешать мне!»

Это тоже не могло не добавить мелких монет в копилку гнева...

Есть закон жизни: либерализм более чем терпимо относится к содомскому греху, опекает его и вербует в свой лагерь, ис-

пользуя в войне с традиционализмом. И вместе с тем, по контрологии вещей, когда желает очернить противника, то видит самое эффективное для себя средство в поношении его именно «по линии нетрадиционности сексуальной ориентации».

Слышал по какому-то «нашему» радио, что мужчины в древней Спарте чуть не поголовно занимались мужеложством. А как же, дескать, иначе-то: раз постоянно проводили время в походах, искушая плоть отсутствием противоположного пола, вольно или невольно удаляясь от него... Но так ведь, следуя этой линии, и про Великую Отечественную можно такого нагородить... Позвольте, господа, зачем врать-то: известно же, что в Спарте действовал закон, осуждавший на изгнание всякого, кто был замечен в этом грехе...

Увы — массы редко знают правду истории и доводы здравого смысла, информационные ресурсы у них украли еще до отъема собственности в начале 90-х. Того и гляди — невежественное большинство, основу любой демократии, заставят поверить, что перверсии и есть причина любого культурного достижения. Традиционализму с его хлипким информационным форматом все труднее противостоять культурной агрессии...

В наш электронно-клеветнический век именно величию подлинного таланта и высокой героике достается больше всего. Уродство не терпит рядом с собой красоты. Если не удастся добиться обладания — и если ты не способен стать вровень с культурно-историческим феноменом, а очень хочется, — то он попросту подлежит осквернению. Это — как «Лиса и виноград»...

Уж таково времечко на дворе: все эпическое, героическое и подлинно прекрасное — в лучшем случае набор ненужных архаизмов, а в худшем — пища для грязных анекдотов. Взглянем правде в глаза: массы давно уже приучены к потребительству — как материальному, так и духовному. Слыть циником и «пофигистом» уже не только не грешно, но и почетно. Когда очередная медийная персона анекдотизирует великое прошлое России, мы охотно смеемся с рассказчиком. Какая нам разница, на чьей стороне правда? Да и пусть себе глумятся — только здоровее будем... Да и чего нам — с суконной-то рожей в калашный ряд соваться...

Но рассуждать подобным образом — значит смириться с осквернителями национальных святынь. Блеснуть необидной шуткой, должно быть, вполне допустимо раз или два в приятельской компании — иногда и в качестве прививки, чтоб не переоценивать того или иного кумира или не слишком смягчать свой нрав в эпоху, которая диктует необходимость повышать конкурентность по отношению к другим

двуногим. Но позволять кому-то системно глумиться над культурно-исторической памятью с больших трибун может только рабское сознание — лишенное достоинства.

Мы часто боимся задать себе вопрос: почему именно либерализм так активно трактует и переписывает нашу историю и культуру на свой прихотливый лад? Иногда страшимся: может, мы и в самом деле такие мракобесы и антисемиты, что не способны оценить таланты и естественное право народа, унаследовавшего единобожие еще от фараона Эхнатона? Не может же нам кто-то бесконечно мстить за царский ценз оседлости, за казаков с нагайками и сталинский антикосмополитизм. Не может же целый народ руководствоваться иррациональными страхами и жаждой мести...

Конечно же, ревность к тому, кто способен творить из богоданной внутренней потребности, а не из тщеславия, не из надрывного желания доказать собственное превосходство, не имеет национальности, и все же...

Думается, многих бед здесь наделали и люди, подобные Георгию Бажанову, секретарю Сталина, сбжавшему на Запад в 1928 году. Своими «Воспоминаниями», имевшими множество изданий на Западе, он заложил в сознание людей мину замедленного действия. Так, в главе 12 «Сталинский переворот» Бажанов писал: «...Сталин дал партии почти открытую антисемитскую линию, а в 1952—1953-м обдумывал план полного уничтожения евреев в России, и только его неожиданная смерть спасла русских евреев от истребления...»

Хотел вождь этого или не хотел — поди докажи, но как не поверить оракулу эмиграции, спасшемуся из самых когтей зверя? И вообще как после этого можно доверять народу, доверившемуся такому чудовищу?

Не думаю, что в этом утверждении Бажанова была хоть какая-то правда. Судя по манере писать о себе, человек он был исключительно честолюбивый и просчитывающий издательскую конъюнктуру на Западе. Правды не было — а вот элементарный алогизм присутствовал, иначе как объяснить то, что началу кампании по борьбе с космополитизмом предшествовал указ об отмене смертной казни (1947 г.)? Обида была — добавившая дров в костер русофобии. А правды не было.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

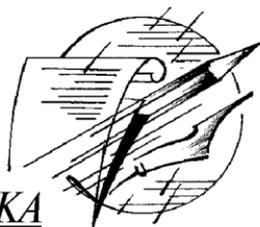
ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ОБАЯТЕЛЬНАЯ МУЗА

Разлапистые дальневосточные ели с экзотическими «усатыми» шишками устремляются куда-то далеко ввысь. Важно раскинул пышную крону царственный кедр. Скромное пробковое дерево прячет в листе свои липкие «резиновые» ягоды. Что это за местность такая? А самая что ни на есть черноземная глубинка с ее пунцовыми — по осени — кленами, ясенями, золотыми березками...

Под одной из таких берёз в селе Урусово бывшей Рязанской губернии вечным сном спит Анна Петровна Бунина. Нет, она не была музой известных русских поэтов и композиторов, как другая Анна Петровна — Керн, ее младшая современница. Кстати, они примерно в одно и то же время могли общаться с Пушкиным и его родителями, Крыловым, Жуковским, хотя Анне Буниной в пору молодости Керн было уже больше сорока.

Свою известность Бунина приобрела не красотой, хотя все отмечали ее внешнее очарование, и не принадлежностью

Продолжение. Начало в №5-6 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

к знатному роду, давшему России множество известных художников, архитекторов, ученых, литераторов. К последним принадлежали тот же Василий Жуковский — внебрачный сын тульского помещика Бунина, братья Иван и Петр Киреевские — философы, литературные критики, публицисты и одни из лидеров славянофильства, Иван Бунин — потомок воронежских Буниных и др. Бунинскими корнями похвлялась и Ахматова: оказывается, Анна Бунина приходилась тёткой её деду.

Ну а прославилась Бунина всё-таки своим литературным даром. Именно она стала, по сути, первой русской поэтессой, «научившей женщин говорить». Правды ради сказать, писали женщины и до нее. Но только Бунина получила такое широкое признание. Более того, она успешно работала и в прозе (книга «Сельские вечера»), занималась теорией стиха и переводами, внесла свой вклад в развитие русского литературного языка, готовя «почву» великому Пушкину.

Творчество Анны Буниной пронизано высокими духовными стремлениями, национальным духом, истинным патриотизмом, проистекающим из ее глубокой русской души и из дружбы с такими великими патриотами Отечества, как Державин, Жуковский, Шаховской и другими преданными сынами России. Она пела «подвиги мужей», погибших на поле Бородина. Только человеколюбивое правление монархов, писала Бунина, ведет «к бессмертию их имена», а не оковы и темницы. И еще: «Народа счастье есть лучший гимн царям».

Интересно, что при стремлении к демократизму, к самостоятельному образу жизни и такому неженскому тогда делу, как литература, она была истой монархисткой, пользовалась благосклонностью царственных особ, наградами и пенсиями из их рук и не роптала против существующего порядка вещей. Может быть, поэтому ее так надолго забыли революционные власти? Одни — потому что не нашли крамолы в ее строках против ненавистного строя, другие — потому что им вообще плевать на литературу..

Анна Бунина — имя достойное для памяти потомков. И судьба у неё удивительная. Родилась она в 1774 году в Урусове. Рано стала сиротой. Мать умерла, оставив на отца шестерых детей, младшей из которых, Анне, было всего 14 месяцев, — девочка воспитывалась у тетки. А вообще, как следует из ее поэтической исповеди, она сменила девять родственных домов, где «различны принимая нравы, не ведая забавы, выросла в слезах, ведома роком неминучим по терниям колючим...»

Детство и молодость Анны Буниной прошли в деревне. Её обучили, как и полагалось девочке, азам грамоты и четырём

правилам арифметики. Зато она хорошо вышивала и плела кружева. И в то же время уже в 13 лет писала стихи!

Обретя самостоятельный доход только после смерти родителя, когда ей было уже 28 лет, Анна уезжает к старшему брату в Петербург и не возвращается в деревню. Шокируя родню, селится в столице и, в отсутствие брата, живёт одна в его съёмной квартире на Васильевском острове. Чем же занимается немолодая уже, провинциальная барышня, получившая наконец волю и деньги? Вот что об этом пишет она сама:

*Заместо молодцов и франтов,
Зову к себе педантов,
На их себя состроя лад.
Но ах!
Науки здесь сребролюбивы!
Мой малый кошелек стал пуст!*

За полтора года она истратила весь свой капитал — на изучение иностранных языков, физики (!), математики (!) и, в особенности, российской словесности. А ведь ее будущее было совершенно неопределенно. Разве что опять оказаться на иждивении братьев и сестер? Однако старший брат, поразившийся произошедшим в сестре переменам, ее стремлением к самообразованию и открывшемуся литературному дару, ввел её в круг известных петербургских литераторов, которым она и показала свои стихи. Стихи понравились...

В 1806 году состоялась первая публикация Буниной в печати. За ней последовали другие. Её стихи высоко оценила Всероссийская императрица Елизавета Алексеевна, наградившая поэтессу (за публикации!) золотой лирой, осыпанной бриллиантами.

Первый сборник стихов «Неопытная муза» Бунина издали в 1809 году. И вскоре уже сам Державин благословил ее на литературный труд. А за «Неопытную музу» поэтессе была пожалована императрицей ежегодная пенсия в 400 рублей: вот оно, отношение властей к литературе и писателям.

Замуж Бунина так и не вышла, хотя какие-то романы были и ожидания руки и сердца предполагались. Однако не случилось. Похоронив отца в родном Урусове, Анна Петровна какое-то время живёт там у сестры, Марии Петровны. Пишет стихи и прозу. По возвращении в Санкт-Петербург издаёт новые книги — и тут у неё начинаются проблемы со здоровьем.

Царская семья выдаёт ей деньги на лечение и проживание в Англии. Однако всё напрасно, и Бунина возвращается в

Россию, живёт в селе Денисовка близ Урусова в доме своей племянницы: так всю жизнь и обреталась по чужим семьям да углам. Тяжёлый недуг не сломил поэтессу, хотя болела она долго и до последнего своего часа, преодолевая боль и скорби, работала.

*Любить меня иль нет, жалеть иль не жалеть,
Теперь, о ближние! вы можете по воле...
Едва из тела дух успеет излететь,
Нам жалость и любовь не нужны боле.*

Так писала она перед уходом в иные веси. В декабре 1829 года писательницы не стало.

Прошло чуть ли не двести лет с тех пор. Что представляет сегодня Урусово? Это красивое ухоженное село, с восстановленным Никольским храмом недалеко от места последнего упокоения Анны Буниной и ее родителей. Впрочем, есть сведения, что на самом деле они похоронены ближе к храму, где и положено быть фамильному склепу. Но и этот огороженный чугунной литой оградой пятачок — священное место. Под стройной, тихо шелестящей позолотелой листвой берёзкой — простой деревянный крест. Небольшой старинный — с настоящего места захоронения — памятник. И только трава, и только ветер здесь вольны расходиться во всю свою природную мощь...

Живут в Урусово русские люди с хорошей памятью, не упустившие своей земли, не разрушившие старого барского дома, где по сию пору размещается местная школа, не разгулявшиеся до безобразия в эпоху либерального разгула, бережно хранящие могилы своих предков.

На въезде в село вальяжно прогуливаются живописные индюки, почти в каждом дворе — живность. Может быть, потому, что работать в селе негде? И всё же порядок везде изумительный: палисадники ухожены, да с выдумкой, с малой «скульптурой» — из дерева и других материалов.

Тишина вокруг удивительная. Но вот мимо пробегают мальчуган. Зовут его Никитой, учится он во втором классе, где трое учеников...

И всё-таки они есть. И есть русское село Урусово. И три девчурки, вереницей, с рюкзачками-горбиками шагающие из школы, и этот самый Никитка, и другие ребята — это будущее Урусова. Им и их детям, внукам беречь и обихаживать село, сажать деревья в память о его прошлом, о славных земляках, живших здесь сто, двести, триста лет назад и творивших нашу историю и культуру.

А что до кедра с экзотическими елями, то им уже по полтора-двадцать лет. Растут они на территории усадьбы Петра Петровича Семёнова Тянь-Шанского, внучатого племянника Анны Буниной, в деревне Рязанка близ Урусова, которые он самолично сажал. Сейчас там музей Тянь-Шанского с дендрологическим парком в 12 гектаров. Дом, между прочим, натуральный, не какой-нибудь новодел. Всё остальное тоже натуральное: деревья, цветы, речка Ранова. Говорят, это единственная в Европе речка, текущая против того направления, куда устремлены все остальные реки материка. Людей бывает в музее много. Но собственно Урусово и могила Анны Буниной остаются в стороне.

Хочется верить, что когда-нибудь и туда будет проложена туристическая тропа. И найдутся желающие поклониться могиле первой русской поэтессы. Только бы село не исчезло: а то ведь сейчас оптимизируют школу, молодежь разъедется, старики отживут своё. И молиться в храме станет некому. И за могилами присматривать тоже. Не дай Бог, останется этот уголок только в стихах Анны Буниной.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Старость не орден, всем достанется, любит говаривать одна наша местная деятельница, уже, что называется, вышедшая в тираж. Во всех смыслах: афоризмы, которые она подслушивает или изобретает сама, распространяются самиздатом. И с возрастом этот вид творчества увлекает ее всё больше. Хотя про старость — тут она неправа: она мало похожа на награду..

— Бабушки чтобы не было! — категорично заявила невеста внука, когда ее привели знакомиться с жилищными условиями жениха.

И что с того, что бабушка приехала к старшему сыну из Казахстана, где продала свой дом, а деньги отдала сыну, чтобы он купил жильё попросторнее. С расчётом и на нее, оплатившую себе уголок под общей семейной крышей. Сын так и сделал. Купил дом побольше, но матери места в нем не оказалось.

«Бабушки чтобы не было...» К младшему сыну в Старый Оскол, где растут две дочери, а квартирka и без того тесная, она и не думала соваться. Вряд ли там ее встретят с распростертыми объятиями. И женщина, отдавшая по жизни все долги — вырастила детей, «досмотрела» маму, которая ушла в иные веси в 94 (!) года, схоронила сестру, — не почувствовала ни одной заинтересованной в себе души. Все сделали вид,

что это она САМА решила уйти в дом престарелых, САМА не захотела «притеснять» молодых и быть им обузой.

— Ну ладно — сноха, внуки, даже их невесты и жены. А как же сыновья? Неужели они спокойно дали вам уйти в казенный дом, на государственное попечение, словно вы ничем не заслужили внимания и заботы родных людей, не выложились в них до последней силушки, до последней копейки?

— А сын у меня — пластилин! Такой характер. Что ему в семье скажут, то он и сделает. Я уже в прошлом, и они ему роднее сделались, чем я. А что про второго сына говорить, если я ничем с жильем ему не помогла? Это же несерьезно: отдать деньги одному сыну, а жить у другого. Вот я и предпочла дом престарелых. Очередь выстояла, к депутату обращалась за помощью: сюда ведь попасть нелегко, старики по нескольку лет ждут места — так много стало теперь лишних людей...

«Лишней» оказалась и другая престарелая женщина, Галина Антоновна. И она тоже ни на кого не в обиде.

— Да на кого мне обижаться? Детей у меня не было, только племянники. А они напрямик говорили: у тебя же состояния нет, чтобы мы за тобой присматривали. Ты ничего нам не оставишь, за что же нам гнаться-то на тебя? И то правда. У нас тут одна старушка померла, а сын родный сказал, что хоронить ее не на что. Мол, где жила, оттуда пусть и провожают бабушку в последний путь. А все знают, что у него одних квартир по городу несколько штук. Так это ж сын, а у меня племянники. И то один смотрел за мной, ничего плохого не скажу, но сам заболел. Ему на сердце операцию сделали, инвалидность дали. И жена у него тоже больная. А тут и я слегла. Вот они и не справились, отдали меня сюда...

Да, подтверждают сотрудники дома для престарелых и инвалидов, Галина Антоновна действительно поступила очень слабая, не вставала, даже не шевелилась, не ела и ходила, простите, под себя. Племянник с женой, сами люди пожилые и нездоровые, уже опустили руки. Поместили бабушку в отделение «Милосердие», в реанимационную палату, где врачи, медсестры и санитарки обеспечили ей усиленное лечение и уход, кормили с ложки, хотя, если честно, уже и не чаяли вернуть ее к жизни.

Но совершили чудо: уже через месяц 85-летняя старушка начала ходить, ее перевели в женское отделение, и сегодня она с удовольствием ухаживает за цветами на территории, гуляет, общается и даже поет в хоре!

— Такая судьба, не обойдешь, не объедешь, — философски замечает она. — Иной раз и сама думаю: ну зачем, зачем я

живу на белом свете?! Для чего меня мама родила, а в 8 лет сиротой оставила? всю жизнь сердце за маму болит, что рано умерла она, в 35 лет, что не пришлось мне за ней поухаживать. Ну не было у меня детей, так хоть бы мама была, уж как бы я жалела ее, как старость ее покоила. А детям откуда же взяться, если Витечка мой на войне погиб...

С «Витечкой» они подружились в детском доме Ярославля, где росли вместе с другими сиротами. С ребяческих лет были они «жених и невеста». А потом «Витечка» ушел на фронт — и не вернулся. Так и осталась Галина Антоновна добровольно соломенной вдовой, а вернее невестой нелегальной, как монашка. Только вместо молитвы была у нее работа.

— Посмотрите, какие у меня руки! — растопыривает она тонкие, прозрачные, изуродованные артритом и трудами пальцы. — Это я с 14 лет прачкой работала. В детском санатории, куда меня после детдома определили. Что я еще умела? А так белье замочила, выкипятила — и три себе на стиральной доске (знаете, что это такое?), натирай во всю Ивановскую. Пальцы от горячего белья, от доски ребристой в кровь растерались. Но и это еще было ничего. В войну в город приходили эшелоны с ранеными и горы окровавленного, заскорузлого солдатского белья. Меня зачислили в банно-прачечный отряд эвакогоспиталя. Сколько я наших солдатиков отмыла, в каком они состоянии прибывали — страшно сказать. Кто без сознания, кто в лихорадке горячечной: бегут, рвутся под танки или от танков... Господи, сколько боли, сколько горя...

А белье, коробившееся от крови, подолгу вымачивали в огромных чанах, кипятили и опять стирали, стирали, стирали...

Всю жизнь отработала Галина Антоновна в интернатах, детских домах. В разные времена была прачкой, санитаркой, кастеляншей, поваром. В социальном учреждении коротает она старость. И всё-то никак не поймет, ну зачем, зачем она живет на белом свете...

Василий Аксенов, наоборот, себе цену знает. Сорок лет (!) он был машинистом поезда. Водил грузовые, пассажирские составы, управлял паровозом, тепловозом, электровозом. Начал учиться на помощника машиниста во время войны, в эвакуации. А впервые самостоятельно повел поезд уже в 21 год. Не успевал отдыхать после рейса, как снова в путь — то сменщик заболел, то дополнительный рейс назначат. Так и проморгал жену: первой дочери у них не стало, а вторая... Вторая не твоя, заявила жена. И он ушел...

Перемогался «по чужим дорогам и углам», пока сестра не пригласила его в Липецк. Она боялась одинокой старости,

но в 1998-м вернулась из Азербайджана ее дочь с мужем-военнослужащим. И Василия Ивановича попросили...

Ему предложили место в элитном доме для заслуженных ветеранов, расположенном за городом, в санаторной зоне. Там он шесть лет прожил в... новом браке: женился на тамошней нянечке. А когда она завершила свой земной путь, перевелся в обычный дом для престарелых и инвалидов, но в городе: здесь с транспортом легче и родственников можно чаще навещать.

Молчаливый, серьезный дядька пришел с пакетом наград и трудовой книжкой: в рейсе, объяснил, разговаривать было недосуг, там главное — внимание, сосредоточенность. В трудовой книжке меня заинтересовала запись 1955 года: «Награжден министерской премией 1566 рублей за безаварийную работу». Василий Иванович долго вспоминал, что можно было купить за эти деньги. Много чего, сказал неопределенно...

А награды в целлофановом пакете обнаружили редкостные. Старая медаль «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны» с барельефом Сталина. Медаль «За трудовое отличие», на обратной стороне которой написано: «Труд в СССР — дело чести». Почетный железнодорожный знак «Ударнику сталинского призыва» и так далее. Куда их денут потом?

— Да выбросят на свалку, кому они нужны... — вступает в разговор еще один жилец стардома, Михаил Пушкин. — Это еще спасибо надо сказать, что с нами возьмется, а то бы тоже смели на свалку — и дело с концом...

Великий скептик, он оказался и большим шутником. Я, говорит, в юности пожилыми людьми считал тридцатилетних. А когда самому стукнуло тридцать, решил «отложить» пожилой возраст лет до сорока пяти. Однако и в пятьдесят, и в шестьдесят чувствовал себя еще достаточно бодро. И, честно говоря, так и не заметил, когда же я стал пожилым? А ведь недавно здесь, в доме престарелых, мне семьдесят пять отметили...

— Я, — признается Михаил Сергеевич, — совершил в жизни две роковые ошибки, которые привели меня сюда. Первая, что я ушел от жены и сына, польстившись на невероятную и бурную любовь. Будучи инвалидом детства, у меня одна нога короче другой, был очень мнительным. Мне казалось, что жена словно ждет от меня благодарности за то, что вышла за меня замуж. Где-то в глубине души я хотел ей доказать, что стою женской любви и внимания. В другом браке у меня родилась дочь, а ее мать ушла к молодому.

Вторая ошибка, что я согласился продать нашу с дочерью квартиру, когда она строила дом. Считалось, что в доме у меня будет своя часть жилплощади. Но меня лишили независимости. Мне приходилось втихаря, чтобы не раздражать дочь и зятя, пробираться к холодильнику и, открыв его, гадать, что можно съесть, а что мне не полагается...

Михаил Сергеевич решил вопрос просто: он много лет руководил районным райсобесом — и был вхож не только в дома для престарелых, но и в кабинеты к их руководителям. Дайте мне комнатку, попросил он. Ну как тут не порадеть родному человечку и не поместить его Христа ради в богадельню...

Слава Богу, казенные дома у нас как для детей, так и для стариков очень приличные. Благоустроенные комнаты, тепло и свет, ковры и холодильники — всё есть. Их хорошо кормят, возят в театры и цирк, устраивают им концерты и праздники. И всё же они очень одиноки. Почему?

— У меня есть на этот счет своя теория, — откровенничает Михаил Сергеевич. — Это от чрезмерной любви. Когда всё отдаешь родным, печешься об их благе, не помня о себе, они тоже о тебе забывают. Я свою мать сам дохаживал, она умерла у меня на руках. И до конца жизни она была мне нужна, я любил ее. Поэтому она не могла чувствовать себя отверженной, одинокой. А нашу любовь родные отвергли — и мы стали лишними людьми, одиночками. И не верьте, когда старики, живущие здесь, хорохорятся. Да, здесь хорошо. Как может быть хорошо людям, которым стыдно за себя, за своих детей, за свое последнее холодное злое одиночество на этой земле, которое у всех на виду..

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ

— Думать надо было! А то нарожают — и ходят, кланчат, детьми своими прикрываются! — так говорили о ней не только за глаза, но и в глаза. Однако она не жалела, что взвалила на свой горб слишком тяжелую ношу..

Инвалидность надо выстрадать, сказал один мудрый человек, убогий с рождения. А то получают увечье по пьянке, а потом кичатся, лезут на рожон: все им должны. А никто никому ничего не должен, это судьба, и нести ее надо достойно. Но как осознать это простой деревенской девчонке, которой хотелось и любви, и семьи, и детей, а все брезгливо отворачивались от нее: горбунья...

И всё-таки Люда верила — придет её час. И появится в её жизни человек, который полюбит её просто потому, что... полюбит. И это случилось. Они познакомились в больнице, где

она регулярно лечила свой горемычный позвоночник. Олег лежал там после службы в армии, в Чечне. Почему-то они сразу потянулись друг к другу. И больше уже не расставались.

В их маленьком райцентре все друг друга знают. И наверняка ее мужу «добрые» люди не раз нашептывали: ты что, с ума сошел? Мало тебе красивых, здоровых девок?! Нашел на ком жениться...

Но об этом она думать не хотела. И когда забеременела, ни на миг не сомневалась: рожать — и только. Хотя жили скудно, в плохоньком разваливающемся домишке с печным отоплением, без газа и водопровода. Но когда-то выпадет ей еще такое счастье — ребенок!

Мальчик родился уродцем и прожил несколько часов. Можно было посыпать голову пеплом, можно было руки на себя наложить, можно было заказать себе мечтать о счастье, но она мечтала. И рискнула родить еще раз. Девочка появилась на свет крупная — больше четырех килограммов! И... здоровая. Назвали Машей. Жить бы да радоваться. Но именно в это время муж ушел. К другой женщине.

Конечно, она страдала: не готова была к тому, что «красивая и смелая дорогу перейдет» так скоро. Ведь после рождения дочки прошло всего полтора года. Ребенок и спас ее от отчаяния. Правда, жить в развалюхе с малым дитем да без мужика было очень трудно. Поэтому когда к ней «прибился» Володя, она не слишком протестовала. С ним стало легче. Одно плохо: пил. Она уговаривала, выговаривала, грозилась выгнать, убеждала закодироваться. «Я что, алкоголик?» — сопротивлялся он. Даже её беременность не произвела на него впечатления.

— Если ты не пойдёшь лечиться, я сделаю аборт, — поставила она его и себя перед выбором. Он вообще ушел. Она поехала в город на аборт.

Врач осмотрел её. И сказал:

— Ты только подумай: тысячи здоровых красивых мужчин баб не могут забеременеть, годами лечатся, идут на искусственные оплодотворения, платят суррогатным матерям, а тебе, плохонькой, горбатенькой, Господь даёт хорошего здорового ребенка! Как награду за твои страдания, за твою немощь. А ты хочешь убить этого ребенка?!

Побольше бы таких врачей. Но тогда она так не считала: он заставил ее поменять решение, пересмотреть всю ее дальнейшую жизнь, осложнившуюся донельзя.

Вторую дочь, Настю, она опять родила сама, без всяких кесаревых. Девочка была помельче, чем старшая сестричка, три с половиной килограмма. И тоже хорошенькая и здоро-

вая. С двумя детьми стало еще тяжелей. Но помогли люди: кто продуктами, кто одежкой, кто деньгами. Да и сама Людмила, цепкая, подвижная, не сдавалась и со всем справлялась. И воду таскала из колонки, и печку топила, и кое-как сводила концы с концами.

Самое страшное — с жильем был беспросвет. Никакой ремонт не мог спасти этот отслуживший своё дом. Отец второй дочки помогал чем мог, но не деньгами: на работу он так и не устроился, да и не найти её, эту работу, в селе. Поэтому когда в ее жизни появился третий мужчина, Сергей, она тоже не стала его гнать. Ей ли, в ее положении, кочевряжиться? А он словно прикипел к ней. Они поженились.

Попался он на краже металла, который воровали с напарником. Это, кстати, распространенный способ зарабатывания денег в глубинке, где больше заработать простому человеку бывает попросту нечем. И отделался бы он условным сроком — тем более она опять была беременна! — если бы по молодости, за драку, не имел бы уже одну судимость.

Его посадили. А ей опять пришлось думать: и еще говорят, что она не думала! Да она перед каждым ребенком голову себе ломала: Господь дает ей детей, значит, так Ему угодно. Рожать или брать грех на душу? Муж из тюрьмы слезно умолял в письмах сохранить ребенка, просил ждать его, обещал вернуться и помогать. Как было пойти на убийство? И она родила. Мальчика. Ваню.

По закону уже после второго ребенка ей выделили материнский капитал: и это уже была надежда. Кроме того, как многодетной молодой маме, в рамках одной из социальных программ ей полагалась субсидия на приобретение жилья. Она даже домик себе присмотрела. Конечно, не новый, но крепенький, а главное, с газом и водопроводом, где не проваливался пол и ничего не падало с потолка. Она уже видела их в этом доме, уже договорилась с хозяйкой. Но время шло, а ничего не менялось.

Материнского капитала на дом не хватало. Продавать общий участок первый муж не торопился: ждал деньжатоного покупателя. Он ведь в развалюхе не жил. А Людмиле был край переселяться: наступала очередная осень, а там и зима, которую они в таких условиях не переживут. Поэтому она соглашалась на любую сумму. Но даже продать отдельно свою долю, чтобы выручить недостающие на дом деньги, она не имела права без согласия Олега.

Участок был хороший, в самом центре села. И предприниматель на него нашелся, магазин хотел строить. Но зажадничал, давал за землю мало, Олег артачился, она плакала.

От безвыходности начала ходить по кабинетам чиновников. Чего только ни наслушалась: и что на детские пособия

надумала жить, и что на жалость давит, ну и прикрывается, конечно, ребятишками и болезнями. Честно говоря, когда я услышала эту историю, мне показалось, что хотя бы с мужчинами она могла быть поосторожнее. Я за детей, но чем теперь помочь им, живущим практически на улице?

— А ты хоть чем-нибудь, но помоги... — неожиданно сказал мне один дядька, бывший чиновник областного масштаба, а ныне пенсионер и поэт, приходящий ко мне то рифму уточнить, то строку выровнять и случайно услышавший наш с Людмилой телефонный разговор.

— Да чем же я им помогу! — не выдержала я. — Государство не может помочь, чиновники отворачиваются, мужья попрятались. Да и на чью помощь сейчас вообще можно рассчитывать: люди что, этого не понимают?

— Знаешь, — ответил он спокойно, — простые люди продолжают верить государству, власти. Они же слышат: надо поддерживать многодетные семьи, только двое-трое детей спасут Россию, выведут ее из демографического кризиса. Они слышат правильные слова, надеются на материнский капитал, жилищные программы, ипотеки, пособия, субсидии. А потом оказывается, что не надо прикрываться детьми и делайте, что хотите. Тут ведь и психика может не выдержать, надо обязательно поддержать эту женщину, а то ещё натворит что-нибудь. Да и детей жалко...

«Дадим ей квартиру, — сказал голос в трубке, — пусть поживет, пока участок продается. Потом деньги с Олегом поделят, домик купит — и съедет». Люда обрадовалась. Однако обещания остались в воздухе. Мы уже строили дальнейшие планы по спасению детей в приближающемся предзимье, и вдруг...

— Я детей твоих пожалел, — сказал ей покупатель участка. И дал за него требуемую сумму. Люда в несколько дней разобрала нехитрую мебелишку и переселилась. Сама — полтора метра росточком, с бараньим, как она шутит, весом — опять собрала шкафчики, обустроилась в домике. И счастлива: в тепле, с водой — красота. Девчонки — чудо, бутуз в семь месяцев уже ходит! Надо крестить, но ждут папу...

Всё у них пока благополучно. Но сколько их еще, простых русских людей, продолжают верить государству и власти. И злость берёт, что всё ещё верят, и страшно, что верить перестанут...

РАЗЛЮБЕЗНЫЕ «БАУШКИ»

— А давайте поставим памятник бабушке Пушкина Марии Алексеевне! — такое предложение прозвучало в липец-

ком селе Корневщино на праздновании очередной — 212-й — годовщины со дня рождения великого русского поэта.

Вот уже 20 лет собирается весь «пушкинский», как я говорю, Липецк на этом выдающемся, по своей сути, пятачке перед сельской малокомплектной школой, которая чудом, а вернее усилиями патриотов своей малой родины, выживает под угрозой ОПТИМИЗАЦИИ! Чем же знаменит этот пятачок? А тем, что Пушкин произрос как раз из этой плодородной одухотворенной земли и до сих пор живет здесь живой полнокровной жизнью.

В этом селе, как раз неподалеку от школы, была усадьба Пушкиных, где родилась и до 28 лет ждала своего суженого будущая бабушка поэта Мария Алексеевна. И не просто ждала: на этой земле она научилась говорить, любить, рукодельничать, сызмала впитывала в себя красоту природы, изумительную, с певучим усилением конца фразы интонацию речи: народной, крестьянской. Слушала сказки, легенды и сказания о разбойнике Кудеяре и других выдающихся личностях непокорного, вольного Черноземья. Здесь она купалась в русском народном фольклоре, который донесли и до нашего времени тамошние старухи-сказительницы и певуны, исполнительницы старинных русских песен, передаваемых из поколения в поколение от бабушек к внукам.

Лишь недавно сошли со сцены пушкинского праздника эти удивительные, колоритные бабки в местных народных костюмах, но доколе жили — дотоле и пели, неугомонные. А потом и водочки пригубливали за незабвенного «Сашу», который непременно («Да мне моя бабушка сказывала!»), ну буквально «анадысь», проезжал по селу и был «дюже любезнай, чернявенькай такой...» И праздник теперь потерял не только эту «живую музыку», живой русский дух, но и многих участников-уроженцев и жителей села. Среди которых, «бают», есть и потомки... Ганнибала: ну просто вылитые Александры Пушкины: «темненькия и губастенькия»...

По правде говоря, отчаянный Осип Ганнибал явился в Липецк с инспекторской проверкой железоделательных заводов. Непонятно, почему он вдруг прикипел сердцем к этой уездной, не слишком выдающейся лицом и приданым, да и немолодой по тогдашним меркам девице Марии Пушкиной. Судьба, одно слово. Неотвратимость рождения первого поэта России Александра Пушкина, видимо, довлела над ними. «Они сошлись — вода и пламень...». После рождения вскоре умершего первенца на свет появилась Наденька, мать поэта. И вскоре уже Осип Ганнибал навсегда покинул свою жену и даже умудрился скрепить второй брак, при живой-то жене...

Итак, Мария Алексеевна. Разлюбезная «баушка», как называл ее поэт. Не всё Арине Родионовне, няньке поэта, петь хвалы за его воспитание. Во многом именно от бабушки еще в глубокоом детстве воспринял он «сказанья старины глубокой», формировался как поэт и гражданин. И лишь сейчас впервые, после очередного замечательного праздника во дворе школы, где пестуют и любят Пушкина не в силу обстоятельств, а от всей души, где установлен бюст поэту, где ежегодно и по старому, и по новому стилю празднуется его день рождения, как большой семейный праздник, с непременноми костюмированными представлениями и инсценировками, стихами и старинными бальными танцами, гостеприимным застольем, вдруг возник вопрос: а что же бабушка? Где она-то в этом пышном изъявлении чувств к поэту, возвращенному ее любовью, ее личностью, ее родовой сущностью?

И сразу вспомнилась своя мама, бабушка наших с сестрой детей, которую я навещала как раз накануне пушкинских дней. Господи, как трудно было расставаться с этой трогательной, словно облетающий одуванчик, старушкой, с седыми как пух волосами вокруг головы, темными от трудов и годов ручками, которыми она бережно обнимала меня на прощанье. И уже только мы с сестрой помним свою маму молодой и красивой, жадной до любой работы, до жизни и красоты...

Больше 30 лет управлялась она на заводе с огромными прессами — и не было ей равных в усердии и выносливости, терпении и безропотности, с которыми она днем и ночью трудилась на производстве, отнявшем у нее здоровье, пальцы на руках, силу ног, искалеченных многолетней работой на этих железных монстрах. А потом она спешила домой к детям, а затем и к внукам. Именно она ставила их на ноги и на крыло, учила ходить, самостоятельно орудовать ложкой, пить из кружки, говорить слова, а фразы придут потом.

И все трое выполняли ее «программу-минимум» на все сто. До сих пор они помнят бабушкины каши и кисели, блины и пирожки, все ее шутки-прибаутки, басни-побасенки, поговорки-пословицы, частушки и припевки, которыми щедро сдабривала она свою речь. Лишь позже осознали мы, что это ее псковская, великолукская родина жила в ее говоре, в том фольклорном наследии, питавшем уже нас, ее детей и внуков, на чужой стороне: в Литве. Там прожила она свою жизнь, переехав в город Шяуляй с отцом-железнодорожником сразу после войны. Ее мать оставила ей в приданое, как шутили родственники отца, сестру-мальшку, трех лет от роду, а сама ушла в мир иной от скоротечной чахотки в 39 лет.

Слава Богу, наши дети выросли с бабушкой, с моей мамой, ставшей ныне оккупанткой в том городе, где она на совесть работала, где сажала каштаны на главных его аллеях, восстанавливала вместе с другими русскими и нерусскими из руин здания за зданием, улицу за улицей. Всеми нитями судьбы связана она теперь с Литвой — жизнью, родными могилами, воспоминаниями. И сколько теперь таких разбитых, разлученных семей на Руси! А сколько нас оторвано ныне не только от бабушек, но и от разбросанных по всему свету могил этих мудрых старух, сохранивших для нас живую Русь и веру!

Не случайно, нет, не случайно все дружно подхватили эту идею — поставить памятник бабушке Пушкина на прародине поэта, в селе Кореневщино Добровского района (названия-то какие!) Липецкой области. И представители власти, и чиновники, и ученые, и крестьяне, и поэты, и прозаики — вдруг все в какой-то момент стали внуками и внучками! Завспоминали, заговорили каждый о своем и все вместе... О Пушкине и о себе... О языке и книгах... О колыбельных и сказках... Ну да, этот памятник встал бы здесь во славу всех бабушек России, благодаря которым, их молитвами и трудами Русь еще, быть может, и держится...

Сегодня все мамины внуки — вдалеке. Один живет в Испании. Другой в Вильнюсе. Третья — в Липецке. Разбросаны по миру и правнуки. Она тоскует. Она любит. Но так старается не разжалобить никого ни слезами, ни словами. Уходит прочь от автобуса, чуть согнувшись и не оглядываясь. Но я знаю, она плачет...

Семенит своими большими ножками домой, где по всей квартире развешаны, расставлены, в рамках и без них, семейные фотографии. Внуки-малыши с открытыми — в ожидании «птички» — ротенками... Внуки-первоклассники с приглаженными вихрами... Внуки-женихи с гордыми осанками... Внуки-отцы с драгоценными кружевными конвертами на руках... Вот и моя дочь взрослая, давно уже на выданье... Все они выпестованы бабушкой. И счастье тем, у кого были и есть именно такие бабушки.

А какими бабушками будут нынешние молодые? — думала я, вглядываясь в лица девочек на Пушкинском празднике. Памятник бабушке во всяком случае подвигал бы их на семейное усердие, на осознание того, что рожать детей и воспитывать внуков на Руси — не худший удел. А то всё на Европу глядим, где в 16 лет выпихивают детей из гнезда и смотрят, что из них выйдет. Ну а что из этого выходит, мы уже, к сожалению, знаем...

Матушка Мария появилась в трапезной Задонского Богородице-Тихоновского женского монастыря тихо, незаметно. Тёмной мышкой в своём глухом одеянии она проскользнула к кафедре, прошуршала какими-то листами и взяла в руки... гитару. Через минуту-другую полился её чистый нежный голос, и сама она словно преобразилась...

Лицо засияло, глаза залучились, и весь облик её приобрёл живые, яркие черты и краски. Духовным песнопением назывался этот импровизированный, по случаю приезда гостей в монастырь, концерт. Что само по себе для обители, живущей по «формуле»: молитва — труд — молитва, явление чрезвычайное.

Несколько раз в году позволяет настоятельница монастыря игуменья Арсения такую «волю», по большим праздникам. На этот раз, правда, песнопение состоялось исключительно из уважения к гостям, которые приехали в монастырь поздравить настоятельницу с эпохальным событием в ее жизни и в истории обители: возведением в сан игуменьи.

Для женщин это высший сан в церковной иерархии. И монахиня Арсения, двадцать лет возглавляющая сестринскую общину и поднимающая монастырь из руин, заслужила его не только своим фактическим положением руководителя обители, но также истым послушничеством на доверенном ей поприще, за радения свои во благо монастыря похвал не принимает.

— Да что мы можем, слабые женщины... — тихо и мудро возражает новопосвящённая игуменья. — Видите, какой храм восстанавливаем, колокольню подняли, территорию благоустраиваем — да разве бы мы справились без Божией помощи? Сила Божия проявляется в немощи...

Я помню, каким был монастырь, когда работы по его восстановлению только начинались. Правда, уже были расчищены «авгиевы конюшни», в которые превратились все помещения и сама территория обители за шесть с лишним десятилетий со дня ее закрытия. В начале 90-х очень многое для освобождения женской обители от мусора, нечистот, ржавого железа и другого хлама сделали насельники Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря. Приходилось чуть не раскопками заниматься, чтобы добраться до искомым объектов.

В них в разное время размещались детский дом, колхоз, МТС, совхоз, товарищество, фермеры. И все они оставляли после себя тонны мусора, разрушенные, разбитые помеще-

ния. От колокольни и главных ворот оставались руины, в трапезной с церковью во имя св. Александра Невского размещались мехмастерские, соборный храм Вознесения Господня служил складом...

Настоятельница обители игуменя Арсения приехала в Задонск в 1991 году из Риги. По благословению. Осмотреться. И осталась здесь навсегда. Было тяжело. Но помогали братья и сестры из других монастырей (сейчас в Задонске, одном из районных центров Липецкой области, четыре монастыря — два мужских и два женских), другие подвижники. И сегодня уже восстановлены Святые врата, четырехъярусная колокольня из красного кирпича, святой источник, купель. Всюду цветы, красота...

А в храме такой свет, такое уходящее ввысь пространство, такое благоухание от свечей, масел, икон, святых мошей, что — кружится голова...

— Даже в разрушенных церквях и соборах может звучать молитвенное пение под куполами... — рассказывает настоятельница. — И в нашем храме такое пение слышали рабы Божии...

Аж дух захватывает. Представляете, заходите в храм рано поутру, еще до общей молитвы, — и слышите под самым куполом церковное хоровое пение...

И сразу вспоминаются рассказы об истории монастыря, обязанного своим возникновением святителю Тихону Задонскому. Отстранившись в 1768 году от управления Воронежской епархией, он любил уединяться для молитв в тиши. Здесь, у слободы Тюнинской, а кто-то называет это место урочищем, он и «ископал» родник, который самолично и обустроил. В память о великом русском чудотворце люди берегли источник, а позднее поставили здесь церковь. Уже в 1814 году рядом с храмом жили 30 отшельниц, а через век их уже было около 130. Монастырь рос и укреплялся до самой революции.

В 1920-м обитель возглавила монахиня Мелитина, десять лет стойко державшая бразды правления монастырем. Последние 69 сестер отказались добровольно покинуть его стены — и были арестованы за сопротивление. Их отправили в ссылку. А настоятельницу монастыря Мелитину расстреляли в Елецкой тюрьме. Возможно, голоса этих несломленных монахинь и звучат сегодня под куполом храма, словно эхо из прошлого, в котором они горячо и самозабвенно молятся перед Богом за Россию и за нас с вами...

*Когда я перейду небесную границу,
Когда мирская пыль с моих стряхнетя ног,*

*Я буду там за вас по-прежнему молиться:
«Храни вас Бог! Храни вас Бог!» —*

трепетно выводила матушка Мария своим молитвенным голосом, аккомпанируя себе на гитаре. И словно иные голоса взывали к нам сверху, и мы плакали светло и чисто, не стыдясь своих слёз, своих чувств, своего душевного раскаяния за сделанное и несделанное. Нас было немного, всего несколько человек гостей, и мы тоже зажили, задышали в такт, в лад с этими песнопениями, с этим душевным, духовным ритмом монастырской жизни, которая показалась такой притягательной для сердца, жаждущего покоя и отдохновения...

— Не думайте, что жизнь в монастыре легка. В шесть молитва, потом послушания, потом опять молитва, вечером крестный ход. И так каждый день, — развеяла наше благодушие игуменья Арсения. — Здесь остаются только те, кого вымолили предки для спасения своего рода, по воле Божией. И они передадут эстафету следующим молитвенникам, из будущих поколений. И те тоже придут в монастырь, чтобы в свою очередь вымалить у Бога спасение для людей, для земли нашей...

Из личного общения с сестрами самые сильные впечатления оставили два разговора. Один — с монахиней, приглашающей нас к столу.

— Заходите, присаживайтесь, откушайте нашего творожку, сметаны, молочка — всё вкусное, домашнее...

— А где вы домашнее берёте? — спрашиваю недоуменно.

— Так сами всё делаем — коровок растим, кормим, доим, готовим.

Ах, вот оно что! Обитель для них — дом, что же тут непонятного?! А при доме огород, сад, курятник, хлев, выпасы, планируют и свой пруд завести, рыбку выращивать: монастырский уклад мясо есть запрещает.

Привозят только... кагор: бочковой! Скажу по секрету, ложечкой этого церковного нектара никто не обошелся. Вкус — изумительный...

А второй разговор — с матушкой Марией. Под действием кагора я осмелилась к ней подойти и спросить, на стихи каких поэтов она поет песни...

— А я авторов не запоминаю, — ответила она доверительно. — Им Бог дает, а я пою...

Господи, как просто, как емко выразила она суть искусства, дара! Талант, это когда Бог дает выразить то, что другим хочется читать, петь, слушать, чему хочется внимать...

Садимся в машины, и в окошко вижу: игуменья серьёзно и торжественно осеняет крестом каждую машину и — напоследок — медленно, с достоинством кланяется... Господи, какое счастье для России — эти ее духовные скрепы: монастыри, где ни на миг не прерывается соборная молитва, в которой слышны голоса тех, кто жил до нас, и которую подхватят, продолжат идущие следом...

СЛЁЗЫ МЛАДЕНЦЕВ

Он был офицером-подводником, североморцем, служил на атомном подводном крейсере. Уволился в запас по выслуге лет в 1991-м. О том, что привело его в монастырь, можно только догадываться. Времена были сложные, мировоззренческие. Наверняка существовали и какие-то личные мотивы, подтолкнувшие отца Стефана к этому решению. А еще все рассказывают об одном происшествии, с которого начался отсчет его новой жизни...

Сейчас я уже не помню, а может, и не знаю подробностей этой истории, но будто бы та лодка, где служил тогда еще Юрий Киселев, потерпела аварию. И в предчувствии возможной гибели ему открылись иные смыслы и тайны жизни, после чего он дал себе обещание в случае, если лодка спасется, встать на путь духовного служения.

Как бы то ни было, в сорок лет пришел он в Задонский Богородицкий мужской монастырь. И там остался. Это сейчас у нас своя — Липецкая и Елецкая — епархия, а тогда мы принадлежали к Воронежской епархии. И нынешний владыка архиепископ Никон в те годы только зачинал восстанавливать в Задонске знаменитую в былые годы мужскую обитель. Впрягся в эту работу и отец Стефан, пришедший в монастырь в 95-м.

Более восьми лет прослужил он в Задонском монастыре. За это время были возрождены не только храмы и помещения Богородицкого мужского монастыря, но и другие обители и храмы Задонска. Там теперь три монастыря, а всего в епархии, самой молодой в РЦП, уже девять святых обителей.

С образованием новой епархии игумен Стефан получил и новое послушание — стал ее пресс-секретарем. Перевод в Липецк в 2004 году стал для него неожиданностью, но поскольку владыка Никон — старец и духовный отец Стефана, то и послушание было воспринято им как воля Божия.

Мне всегда казалось, что должность эта для отца Стефана очень обременительна. Он — живой, жаждущий реальной работы во славу Божию — должен был заниматься «бумаж-

ной», организационной, издательской деятельностью. Постоянные хлопоты, разъезды, участия в мероприятиях, сопровождение, связи со СМИ и общественностью — во всём этом можно было утонуть. А он умудрялся писать стихи...

Когда мы несколько лет назад принимали его в Союз писателей России, слышались и недовольные голоса. Мол, монах, мол, духовное лицо, мол, пусть и стихи, но ведь духовного, религиозного содержания: при чем тут творческий Союз писателей? Но, слава Богу, он стал нашим собратом и по перу, по Союзу. Однако видимся мы редко. Потому что основной запал своей души и время он растрчивает на самое главное для него дело — строительство нового храма в поселке Дачный, что под Липецком.

И вот мы едем к нему. Церковь с колокольной, воскресная школа, часовня уже стоят, идут, по сути, уже благоустроительные работы во дворе. Когда мы приехали, отец Стефан отдыхал перед вечерней службой. Но вышел навстречу, энергичный и улыбчивый, хотя и постаревший, уставший, какой-то более благостный, что ли, чем раньше. Ну, в первую очередь, потому что поседел, выцвел от забот и слишком горячего во всем участия. Когда-то рыжие колоритные его волосы стали почти бесцветными, а улыбка — умудренно-грустной. Отсюда и благость. Но когда заговорил — обнажилось много знания и много печали, а сквозь смирение просачивалась горечь от того, что доподлинно известно только ему, а нам и без того ясно...

Он слишком прост, слишком безыскусен и нетерпим, чтобы мириться с тем, что происходит в России, в церкви, в приходе, и слишком предан Богу, чтобы не смиряться, не полагаться на волю Божию. В конце концов отца Стефана освободили от должности пресс-секретаря, и он остался только на приходе. Местом покаяния называет он свою церковь Пресвятой Троицы в Дачном. Но когда ему только сказали, что храм будет строиться здесь, он удивился: в черте города есть и более многочисленные поселки, а Дачный в стороне, да и одно слово — Дачный.

Но вскоре понял: как раз на этом месте много лет работала мощнейшая «фабрика» по убиению младенцев еще в материнской утробе — областной абортарий. За без малого тридцать лет — с 1959 до конца 80-х — здесь были погублены души и жизни по меньшей мере 40 тысяч неродившихся людей. А если учесть, сколько прервано родов, жизненных цепочек во времени — то и вовсе не счесть погубленного народу. Вот так с легкой руки Маргарет Зангер и изводили Россию. Сейчас в демографической войне мы почти проиграли,

и только церковь еще пытается бороться с абортами доступными ей способами и возможностями.

Отец Стефан издал книгу «Спасется через чадородие» — о грехе аборта и его последствиях, в том числе и духовно-нравственных. Ради цифровой и фактурной ее стороны ему пришлось побывать даже в женской консультации, с гинекологом беседовать. В книге молитвы, стихи самого автора. А подвигнуло его на книгу письмо одной молодой женщины, которая написала в монастырь о том, как родные принудили ее сделать аборт. Это письмо отец Стефан воспринял как крик души, и ответил на него, с благословения владыки Никона, такой необычной для священника, но очень нужной книгой. И построил храм на месте покаяния.

— Начинали с нуля, с пустыря? — наивно спрашиваю я.

— С леса! — отвечает он. — Сначала надо было выкорчевать деревья, которые здесь выросли за прошедшее время.

Поначалу и служили на свежем воздухе. Потом в местном доме культуры (!). После пожара в его здании на месте будущей церкви поставили сторожевую будку — она тоже сгорела. Тогда установили железнодорожный вагон. В нем, не вмещавшем всех желающих причаститься и исповедоваться, и проводились службы.

Часовня во дворе установлена в честь 14 тысяч младенцев, в Вифлееме избивенных, и в память о тысячах убитых нерожденных наших детей.

Когда закладывали камень в основание часовни, неожиданно пошел дождь.

— Чудо Божие! — сказал кто-то.

— Слезы младенцев, — добавил другой...

За эти незримые слезы каются теперь тысячи прихожан, иные из которых приезжают в храм из дальних пределов Руси.

Тянутся в храм и дети. В воскресной школе созданы все условия, чтобы туда хотелось приходиться и не хотелось уходить. Здесь дети получают основы нравственного, духовного воспитания, учатся быть людьми в полном смысле этого слова.

— Да, всё это так, — соглашается иеромонах Стефан. — Но главное, для чего еще эта воскресная школа служит, знаете?

Пытаемся предположить, что же еще может быть главнее.

— Здесь продлевается детство ребенка! Они поют, музицируют, спектакли ставят — у нас уже целая костюмерная есть. Занимаются рукоделием, выжиганием на дереве, даже авиамодельный кружок мы открыли. Хочу, чтобы они научились печь блины, вязать, штопать носки наконец — чтобы жизнь

настоящую узнавали, а не телевизионную и компьютерную. Русь чтобы узнавали — мы ездим с ними по святым местам, на природу. Дети должны быть детьми, а современное просвещение уже с пеленок развращает и опустошает их...

И тут отец Стефан чуть приоткрыл дверцу в свое детство: неблагополучные отношения родителей, с шести лет — детские дома, мальчишеские шалости и дерзости. Рядом с ним не оказалось такого мудрого взрослого, каким он стал с помощью Божией. Вот и болит у него душа за всех детей — рожденных и нерожденных.

— Пойду на земле поработаю — сказал он на прощание. — Пока погода позволяет. Засадим аллеи, проложим дорожки, лавочки поставим — чтобы в храм могли молодые родители с колясками приезжать. И слушать здесь молитвы и песнопения, пока служба идет...

Продолжение следует

ИЗ ПОРОДЫ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ

К 65-летию Владимира Юдина

Откровенно беседуя с бывальыми людьми, читая книги о Великой Отечественной и мемуары бывших белогвардейцев, я убедился, что победу в войнах обеспечивают не столько маршалы, сколько офицеры разных званий, поднимающие людей в смертельные атаки, удерживающие боевой дух и порядок при вынужденных отступлениях, не поддавшись отчаянию. О таких людях я писал в своих книгах, о таких людях слышал немало историй.

В начале 60-х я работал в советском посольстве в Берне, примыкавшем небольшим парком к реке Ааре, за которой тянулись пустые поля и горы. Место было тихое, уютное, располагавшее к глубокой мысли и полезному действию.

Я впервые стал членом довольно большого и сложного коллектива, состоявшего из представителей разных служб. Но как-то стихийно доверился судьбе и не протестовал, когда на меня, свежего новичка, опытные и ленивые, прямо скажем, мидовские чиновники взвали-

ПОДВИЖНИКИ

ли непосильное бремя работы. Ежедневно я просматривал около 30 газет, выуживая из них все, что полагалось, а позднее исполнял еще и обязанности помощника посла.

Кроме этого, мне поручили прием рядовых швейцарских граждан. Дело было не столько хлопотное, сколько «чреватое». Здесь действовала и вражеская разведка, здесь был контроль и наших спецслужб, нередко приостанавливавших дипломатическую карьеру.

Для меня же это было новым окном в неведомый мир. Навсегда запомнилась встреча с русским эмигрантом-стариком, который обратился с какой-то пустяковой просьбой. В разговоре я выяснил, что он воевал в армии Колчака. Для советских людей того времени это были сплошь враги, за связи с которыми следовали репрессии властей, боявшихся правды о Белом движении.

Эмигрант, отвечая на мой вопрос, рассказал об истории своего спасения. Их потрепанная дивизия на заключительном этапе добровольно сдалась под гарантию полной амнистии. Но с ними поступили столь же коварно и подло, сколь и с Колчаком: «беляков» (русских солдат, крестьян, священников, городскую молодежь, офицеров, даже медицинский персонал) загоняли на старые баржи, набивали ими трюмы до отказа и топили в самых глубоких местах Камы.

Он спасся из крошечного ада (где люди задыхались от недостатка воздуха) только потому, что некий офицер, предупредив окружающих, взорвал в своей руке гранату у самого люка. И погиб, конечно, геройской смертью. Этот человек, мой эмигрант, и еще десяток пленных, выбравшись на палубу, попрыгали в воду. Но красные уже опомнились. Заработали их пулеметы... Дважды раненный, этот человек, в ту пору еще сильный молодой мужчина, сумел добраться до берега...

Я рассказываю об этом только потому, чтобы подтвердить мою мысль о настоящих русских офицерах, заботившихся прежде всего о подчиненных им людях...

Вот к таким же бесстрашным «офицерам» патриотического движения в СССР, непрерывно возраставшего и крепнувшего в годы «перестройки», я бы отнес и Владимира Юдина, которого знаю очень давно. Однажды я попросил прислать его фотографию. Открытое, волевое русское лицо, цепкие, пронизательные глаза, добродушная усмешка, — все то, что и ожидал я увидеть.

Владимир Александрович родился в кубанской станице Губской в семье потомственного казака, унаследовав непопристость и непримиримость к насилию и несправедливости.

Окончил сельскую среднюю школу, поступил на филфак Армавирского пединститута. Отслужив в армии и окончив вуз, учительствовал в средней школе, побывал в длительной заграникомандировке. Защитив кандидатскую диссертацию, устроился в Тверской университет на кафедру журналистики. К 1980 году он защитил докторскую диссертацию по русскому историческому роману и стал зав. кафедрой университета. Был принят в Союз писателей России.

Первые контакты с ним у меня были, вероятно, в середине 80-х. Я знал, что он развивается как литературный критик и литературовед. И скорее чувствовал, чем знал, как ему приходится сложно, — по тем нервным, но неуступчивым и честным статьям, которые он писал во множестве, в том числе и обо мне.

Я пребывал тоже в пылу борьбы и не мог уделить нужного внимания коллеге: рушилась, уходила из-под ног почва тысячелетнего Русского государства, повсюду копошились уже тараканами гробокопатели, и всякое промедление грозило общей необратимой бедой, тем более что диссидентство находило неофициальное покровительство и защиту на всех этажах практической власти, с которой соприкасался литератор: в редакциях газет и журналов, в издательствах, на телевидении и радио. К тому же именно диссиденты нашептывали высшей власти о том, кого следует награждать и кого держать в черном теле.

Это был гигантский механизм использования государства и его официальной идеологии в антигосударственных целях, как это бывало и прежде в истории многих государств и народов, окуриваемых ядовитыми парами «интернациональной солидарности», безбрежного «человеколюбия» и «свободы для всех»...

Честные и благородные советские литераторы (разных национальностей), может быть, быстрее прочих отошли от зомбирующей «интернациональной» идеологии, ловко внедренной в систему с самого начала захвата власти в России и в качестве якобы единственного инструмента, способного гармонизировать национальные отношения. Никакой гармонизации, понятное дело, не было и в помине. «Интернационализм», как и «классовая борьба» и «диктатура пролетариата», использовался лишь для прикрытия негласной тотальной власти над русским и другими народами, но с определенной системой подкупов, отбора лояльных и беспощадным подавлением прозревших и несогласных. Вот подлинный источник всех репрессий — «технологический».

Как Владимир Юдин шел к своим высотам, мне неизвестно. Но опыт его рос, раздвигая кругозор. Мы вновь соедини-

лись в переписке, когда он уже работал помощником Сергея Бабурина в Государственной думе России, будучи уже лауреатом литературных премий М.Шолохова и В.Пикуля. Наиболее примечательные его книги вышли в 1990—2010 гг. Все в защиту русской духовности и культуры.

Талантливый писатель пытался опереться на своих собратьев, достигших уже определенного признания и веса, писал, используя в качестве повода их юбилеи, но закрепиться в своеобразной и внутренне разношерстной столичной среде так и не смог. Зато он стремительно продвигался в своем понимании человека, времени и его проблем, особенностей литературного мастерства.

В его книге «Родина — всему начало» (Москва, «Вече», 2010 г.), которую он мне прислал тотчас же после ее появления, меня взволновали не столько статьи о В.Ганичеве, Ю.Бондареве, А.Иванове, В.Шукшине или В.Пикуле, содержащие много драгоценных деталей и глубоко верных замечаний, сколько новые трактовки Белого движения, стало быть, новое понимание сущности «Русской революции» 1917 года.

Нравственная закаленность профессора Юдина более всего видна мне в его статьях и интервью по проблемам образования. Тут он никому не дает спуска и не делает реверансов в сторону марзаматической «политкорректности».

Педагог и воспитатель (кстати, заслуженный работник высшей школы РФ), он хорошо знает, во что выливаются стремления лишить образование в России его лучших традиций.

Поддерживая самые прогрессивные идеи об эффективном национальном устройении России, он гневно протестует против русофобии: «Необходимо просветительство, надо доказать массе людей, что без борьбы с русофобией мы в конечном счете потеряем всё: работу, дом и даже Родину... Нет ничего опаснее для гражданского общества, чем униженное национальное достоинство государствообразующего народа». Для В.Юдина, как и для меня, самым главным была судьба славянства, судьба России, судьба Беларуси, судьба нашей духовности.

Я убедился: это, по характеру, спокойный, уравновешенный человек, не без лоска современной политической культуры. Это натура типично русская, отзывчивая, музыкальная, но взрывная: в крайних ситуациях он так же не пожалеет себя во имя общего блага. И потому я постоянно ощущаю этот его святой человеческий потенциал, эту братскую православную простоту, которая прямо предполагает честность и справедливость.

В России полно сегодня, конечно, и иных русских. Но это люди конъюнктурные, лишенные исторической православной традиции любви к Отечеству. Стало быть, и русскими их можно называть лишь с большой натяжкой.

Главное достоинство книги — ее ориентация на молодежь. Она вполне могла бы изучаться на курсе «Моя Родина — Россия», если бы он преподавался в школе и в вузах. Прекрасно знающий ученическую и студенческую аудиторию, В.Юдин без обычного пустословия учит патриотическому, гражданскому и вместе с тем государственному подходу к русскому языку, к родной истории, к ее корифеям, к русской земле-кормилице, обнажает корни «перестройки» и замыслы разрушителей России, вплоть до валютных махинаций.

В заключение этих заметок хочу привести его мнение о сущности современного положения русских людей в России: «Под флагом борьбы с фашизмом идет борьба с русской национальной идеей, предпринимаются попытки свертывания национал-патриотического движения в стране... Необходимо просветительство, надо доказать массе людей, что без борьбы с русофобией мы в конечном счете потеряем всё: работу, дом и даже Родину...»

Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет с 65-летием члена редколлегии нашего журнала, многолетнего «молодогвардейского» автора и соратника по борьбе Владимира Александровича Юдина. Ученый-литературовед, профессор, критик, историк, Владимир Юдин в своих ярких публицистических работах неизменно держит твердую патриотическую позицию, убедительно раскрывает духовную высоту русской культуры, срывает маски с внутренних врагов России и настойчиво просвещает читателей в национальных вопросах. Его статьи — это золотой фонд нашего журнала. Желаем ему прежней остроты пера, творческого долголетия и крепкого здоровья.

РУХНУВШИЕ ПЛАНЫ «ГОСПОДИНА МИРА»

К 200-летию БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!..

М.Ю. Лермонтов, «Бородино»

Важнейшим событием политической жизни Европы в начале XIX века явилась война 1812 г., в которой русский народ выступил как надежный защитник своей государственности и пламенный борец за национальную свободу. Война народов нашей родины против наполеоновской агрессии была освободительной, национальной. Потому и получила определение — *о т е ч е с т в е н н а я*.

В войне 1812 г. столкнулись две самые крупные европейские державы того времени: Франция и Россия. Известно, что в 1789 г. во Франции победила буржуазная революция под лозунгом «Свобода, равенство и братство». В интересах крупной буржуазии был совершен переворот «18 брюмера» (9 ноября) 1799 г. и установлена новая буржуазная монархия в 1804 г. Во главе ее стал Наполеон — по меткому определению историков, деспот внутри своей страны и тиран-завоеватель по отношению к соседним народам.

План Наполеона — создать мировую империю — отвечал интересам крупной буржуазии и поначалу успешно осуществлялся: к концу первого десятилетия XIX века почти вся

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Европа была подчинена Франции. Диктатор решительно перекраивал карту Европы, не считаясь ни с историческими, ни с национальными особенностями покоряемых народов. Наполеоновский режим сковал национальное развитие этих стран. Они постепенно превращались в придаток Франции в роли марионеточных держав или наполеоновских сателлитов. Такая же участь ждала и Россию в случае ее поражения. «Нам нужно единое европейское законодательство, — говорил Наполеон, — единая кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы. Из всех народов Европы я должен сделать единый народ, а из Парижа столицу мира» («Ученые записки ЛГУ», 1936, №19, т. IV, с. 60). Громогласно декларируя свои захватнические планы, Наполеон поистине стал провозвестником нынешнего Европейского Союза с его единым территориальным и экономическим пространством, единой валютой, антинациональной космополитической идеологией и агрессивными глобалистскими амбициями...

Однако на пути к мировому господству у Наполеона стояла Россия. Победа над Россией в войне 1806—1807 гг. явно вскружила ему голову и вселила надежды на осуществление задуманного плана.

После поражения русской армии у Фридланда Александр I предложил Наполеону мир. Французский император с удовольствием принял это предложение, но главным условием мира поставил включение России в систему континентальной блокады, то есть Россия должна была выполнять роль сырьевой базы для Франции, поставщика живой силы для его армии, т.е. фактически утратить государственную самостоятельность...

Заклучив выгодный мир в Тильзите, Наполеон хорошо понимал, что Россия не пойдет на полное разорение и, следовательно, предстоит новая война. Он приступил к идеологической, экономической и военной подготовке нового русского похода. Ряд лет потратил на то, чтобы путем экономического и политического давления на европейские страны составить всеевропейскую коалицию. Ее участникам он сулил все блага, и, прежде всего, русскую территорию. «Через пять лет я буду господином мира; остается одна Россия, но я разобью ее!» — громогласно заявил Наполеон. И это не звучало простой угрозой, ибо целью наполеоновских приготовлений было политическое раздробление и экономическое поражение России.

Задачей Наполеона, писал русский посол в Париже князь А.Б. Куракин, является — поставить Россию в то положе-

ние, «в котором она находилась до славного... царствования Петра Великого, — одним словом, превратить ее в чисто азиатскую державу, лишив того положения одной из первых держав, которое она сейчас занимает» («Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы Министерства иностранных дел. М., 1962, т. VI, с. 145).

Таким образом наше Отечество стояло перед реальной угрозой потери национальной независимости и государственной целостности. Но Россия начала XIX века была весьма серьезным противником. Она уже вступила на капиталистический путь развития. В стране существовала промышленность, способная обеспечить военные потребности страны. Новые отношения проникали также и в область сельского хозяйства, которое поставляло на внутренний и внешний рынки хлеб, масло, сало и другие сельскохозяйственные продукты. Много было сделано для укрепления военной мощи страны. Русская армия имела первоклассное вооружение, ее организация и боевая подготовка стояли на уровне современных требований. Армию возглавляли генералы и офицеры, прошедшие суровую школу войны под руководством выдающихся полководцев Суворова и Кутузова. По своей военной подготовке и ратной доблести русская армия не только не уступала противнику, но и превосходила его.

Русское правительство представляло себе всю опасность агрессии Наполеона, и ему пришлось затратить немало усилий, чтобы избежать полной изоляции в предстоящей войне. Русская дипломатия добилась того, что против наполеоновской Франции вместе с Россией выступали Англия, Швеция и Испания. Успешное окончание войны России с Турцией выключило последнюю из числа потенциальных союзников Наполеона. Все это позволило России избежать войны на три фронта.

Не дремала на политическом фронте и дипломатия Наполеона. К середине 1812 г. французский диктатор завершил дипломатическую подготовку новой войны против России. Предстоящая агрессия изображалась им как наступление «просвещенной европейской цивилизации» против «варваров Севера».

Для большой войны Наполеон поставил под ружье 1 млн. 200 тыс. солдат при 1372 орудиях. Для похода в Россию он смог использовать лишь половину — около 640 тысяч человек. Другую половину своих войск Наполеон был вынужден держать в Европе. Его армия была хорошо организована, отлично вооружена и обучена, однако слабой стороной был ее многонациональный состав, а также то, что мы сегодня на-

зывается идеологическим обеспечением. Солдаты насильственно включенных войск поработанных Наполеоном стран Европы вовсе не хотели умирать за чуждые им интересы французского захватчика, да и молодые французские солдаты не понимали, зачем им нужно идти в далекую Россию... Это была уже не та армия, с которой Наполеон громил полуфеодальную Европу. Ее не вдохновляли воспоминания о победах французов у Маренго, при Аустерлице и Иене. Об этом, в частности, доносили Наполеону маршалы Дарю и Рапп: «Эта война непонятна французам, непопулярна во Франции, не народна» («Военный сборник», 1901, № 1, с. 70).

По этой причине Наполеон не мог рассчитывать на длительную войну. Ему нужны были молниеносные удары и блистательные успехи. (Вот у кого почерпнул бредовые идеи пресловутого «блицкрига» Гитлер). Для этого необходимо было скрыть передвижение войск к русской границе и достичь внезапности в нападении. Вот почему Наполеон требовал от своего посла в Петербурге непрестанно **дезинформировать русских в отношении его истинных намерений**. В Европе распускались самые различные слухи о сосредоточении войск на берегах Северного моря и т.п. Действительные же намерения Наполеона состояли в том, чтобы нанести удар в сердце России — по Москве. «Если я возьму Киев, — говорил Наполеон, — я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце» (В. Харкевич. «Война 1812 г. От Немана до Смоленска». Вильно, 1901, с. 64).

Наполеон был уверен в успехе. Еще никогда он не собирал столько войск и так тщательно не готовился к войне. Между тем, прекрасно сознавая неизбежность грядущей войны, русский император Александр I всеми силами пытался сохранить мир: «Мои чувства, так же как и политика, остались неизменными, и я ничего так не хочу, как избежать войны между нами» («Внешняя политика России». М., 1962, т. VI, с. 400).

Россия не собиралась нападать на Францию. Русское правительство с беспокойством следило за военными приготовлениями Наполеона. И как ни старался диктатор разубедить русских в отсутствии захватнических планов, никто этому не верил. Однако правительство России не все сделало для того, чтобы подготовиться к борьбе. Оно надеялось, что ни Австрия, ни Пруссия не станут воевать на стороне Наполеона, и, следовательно, французская армия не будет превышать 250—300 тысяч человек. Увы, этого не случилось.

..Наступило 12 (24) июня 1812 г. Наполеон обратился к своим солдатам с воззванием, в котором, не объясняя при-

чин захватнической войны с Россией, обещал всем несметное обогащение в Москве. Накануне, 10 (22) июня, посол Наполеона генерал Ж.-А.-Б. Лористон вручил в Петербурге управляющему министерством иностранных дел А.Н. Салтыкову ноту, в которой говорилось, что Наполеон «считает себя в состоянии войны с Россией». Так началась Отечественная война России с Наполеоном, невиданная, с одной стороны, по своему размаху русского патриотизма и жертвенности во имя родины, а с другой — жестокости и насилия во славу глобалистских планов тирана-поработителя.

На этом фоне странными по меньшей мере выглядят попытки наших доморожденных либеральных историков и публицистов героизировать и романтизировать Наполеона, явно подзабывших ту объективную, уничтожающую оценку, которую дал ему Л.Н. Толстой в романе «Война и мир». К примеру, назойливо популяризируется в СМИ журнальная коллекция «Наполеоновские войны», в самом названии которой легко прочитывается восхищение «гением» Наполеона.

Как же к юбилейному 2012 году всевозможным охотникам перечеркивать нашу национальную героическую историю нейдет, как можно выше поднять ореол «непобедимого» (?) Наполеона и пройти равнодушно мимо отважных, героических действий русских войск, партизан, военачальников, всего народа, ценою огромных кровавых жертв разгромивших агрессора и спасших Россию и всю Европу от владычества тирана...

Поднялась, по определению великого Льва Толстого, дубина народной войны, которая решительно разрушила захватнические планы «цивилизованного» европейского агрессора: «Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силою и, не спрашивая ничьих вкусов и правил... не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Между тем, еще задолго до решающих сражений с русской армией под командованием М.И. Кутузова Наполеон нередко демонстрировал отнюдь не талант полководца, а скорее авантюристические наклонности и самовлюбленное презрение, как к русским «дикарям», так и к своим военачальникам. Маршалы Наполеона требовали остановки для приведения в порядок армейских тылов. Бертье, Дюрок и Дарю указывали Наполеону на всю опасность дальнейшего наступления в глубь России. Маршал Дарю сказал Наполеону: «Не только ваши войска, государь, но мы сами тоже не понимаем ни целей, ни необходимости этой войны». Он ука-

зал, что более 5 тысяч солдат, и среди них около 1,5 тысячи французов, без боя сдались в плен к русским. Он указывал на растущее в тылу французской армии движение протеста, однако Наполеон не внимал никаким разумным доводам.

Начиная войну против России, он исключал возможность выступления против его армии народных масс. Он даже считал возможным, что вслед за вступлением французов в пределы России против русских поднимутся литовцы, белорусы и украинцы. Но эти расчеты рухнули. На защиту всей страны встали все народы России, ибо в лице Наполеона они видели лишь жестокого завоевателя, принесшего разорение, разруху и кабалу.

Освободительная война приняла всенародный характер. Крестьяне и горожане либо уходили вслед за армией, либо скрывались в лесах и оттуда вели вооруженную борьбу. Партизанские крестьянские отряды истребляли мелкие отряды противника, которые направлялись для заготовок хлеба и фуража. «Все против нас; все готовы либо защищаться, либо бежать...» — писал участник войны Роос (А.М. Васютинский. Французы в России. Сборник документов. М., 1912, ч. I, с. 90).

Активность партизан вынуждала французов держать большие силы для охраны тыла и коммуникаций. Наполеон нервничал и приказывал своему начальнику штаба Бертье еще более усилить охрану. И было от чего. Французы встречали на своем пути не покорное безмолвие, а восставший народ, не желающий надевать ярмо на свою шею. Тогда наполеоновская администрация резко усилила террор, но достигла обратных результатов. Чем больше французы грабили и жгли, чем дальше в глубь страны они заходили, тем сильнее поднимался протест против них. Особенно активно стали действовать крестьянские партизанские отряды после того, как французы вступили в Москву. Широкою известность приобрели отряды Ермолая Четвертака, Герасима Курина и Федора Самуся, насчитывавшие от трех до восьми тысяч крестьян каждый.

Большую роль в войне сыграло народное ополчение. Сначала оно стало возникать стихийно, но затем правительство взяло на себя организацию и вооружение ополчения, которое формировалось прежде всего из крестьян, но затем в его составе появились и рабочие, и мещане, и казаки. Ополчение стало серьезной боевой силой. Петербургское, новгородское, смоленское и московское ополчения пошли на усиление армии, другие же ополчения были использованы Кутузовым для охраны прилегающих к театру войны губерний и для блокады французов в Москве. Благодаря ополчению силы Кутузова численно почти утроились.

Как известно, из русского дворянства также вышло немало героев, прославивших себя в качестве полководцев, организаторов и руководителей войсковых партизанских отрядов. Выдающуюся роль сыграли Денис Васильевич Давыдов, Александр Никитич Сеславин, Иван Семенович Дорохов, Адам Петрович Ожаровский, которых очень высоко ценил Кутузов.

30 тысяч убитых, раненых и взятых в плен французов — таковы итоги «малой войны», внесшей большой вклад в разгром наполеоновской армии.

...Отечественная война 1812 г. сыграла огромную роль в истории России. Победа над армией французских захватчиков спасла народы нашей страны от порабощения, а Русское государство — от расчленения. Каждый солдат и офицер был готов жертвовать жизнью для защиты родины. Все участники войны были награждены медалью «В память 1812 года». В приказе по армии говорилось: «Враги ваши, видя его (знак или медаль. — В.Ю.) на груди вашей, да вострепещут, ведая, что под ним пылает храбрость, не на страхе или корыстолюбии основанная, а на любви к вере и отечеству и, следовательно, ничем непобедимая...» (М.И. Кутузов. Сборник документов. Воениздат, 1955, т. IV, ч. 2, с. 633).

Тысячи солдат были награждены «Военным орденом», а офицеры и генералы — золотым оружием и орденами. Многие полки получили георгиевские знамена и серебряные трубы, ряд полков — право носить на киверах особые знаки «За отличие».

Война тяжелым бременем легла на страну. Многие села и города были уничтожены. Однако народы России были готовы нести любые жертвы для защиты своей родины, что послужило ярким примером и в последующие послевоенные времена.

Военная стратегия фельдмаршала М.И. Кутузова носила отчетливо выраженный национально-патриотический характер. Ее сила заключалась в том, что она отвечала национальным интересам России, которая вела справедливую освободительную войну. Справедливый характер отечественной войны делал русскую армию более сильной в морально-волевом и патриотическом отношении.

Отечественная война 1812 г. оказала также огромное влияние на политическую жизнь Европы. Своей победой русский народ положил начало освобождению других европейских народов от власти французских захватчиков. Французские войска потеряли веру в своего «непобедимого» полководца. Наполеон уже не мог создать в короткий срок новую армию, способную добиться успехов на полях сражения.

В дни Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) Советскую Армию вдохновляли славные подвиги наших мужественных предков. И к тем знаменам, которые русские войска захватили у французов в 1812 г., Советская Армия прибавила знамена гитлеровской армии. Советское правительство учредило в дни Великой Отечественной войны ордена Александра Невского, Александра Суворова, Павла Нахимова и Михаила Кутузова, которыми награждались за выдающиеся подвиги наши генералы и офицеры. Статуты этих орденов — замечательное наследство, завещанное нам историей.

Слава 1812 г. возбуждает у нас гордость за своих предков и любовь к героическому прошлому нашей прекрасной Родины.

Надеюсь, к памяtnому 200-лeтнему юбилею этой знаменательной даты соотечественники увидят новые художественные и документальные фильмы, прославляющие историю России, научная общественность порадует нас очередными открытиями в области исторических знаний, деятели культуры, литературы и просвещения приложат максимум усилий по укреплению духа патриотизма и высокой нравственности в молодежной среде, ставя в пример замечательные слова великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, вынесенные в эпиграф этой статьи.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Сергей ЧЕПРОВ (г. Бийск Алтайского края)

ЛУНЫ ДРОЖАЩИЙ СЛЕД

* * *

И скромней времена,
И помельче награды.
Но... чем дальше война,
Тем пышнее парады.

От сегодняшней боли
Душу прошлым мы лечим,
Потому что нам боле
И гордиться-то нечем.

К ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

За сто лет, как вышло на поверку,
Что имели там — находим тут:
Вновь верха поплевают сверху,
И низам опять невмоготу.

И никто надежды не лелеет,
Песен не поет: мол, не с руки...
Лица все угрюмее да злее
И по кухням громче шепотки...

Заглянул к соседу между прочим,
Разузнать, как жив да как здоров...
Глядь, а он в сарае вилы точит...
И к чему, коль нет давно коров!?

А потом ворона прокричала
Так, что сиганул щенок с крыльца:
«Есть у революции начало.
Нет у революции конца!»

* * *

Скажу «Россия» и представлю
И скорбный лик, и вечный стон...
Плач в небе журавлиной стаи,
Печальный колокола звон...

Как будто горю нет предела.
Многострадальная земля.
То скорбь Христа с креста слетела
И пала в русские поля.

* * *

В реке луны дрожащий след,
Чуть слышный шепот леса...
И этот чистый, дивный свет
Из-под земли, с небес ли?

Как все устроено мудро:
Речушка, лес, опушка
И деревушка под горой
Со старою церквушкой...

В лесной тиши, в ночной глуши
Смотрю на это чудо...
Ни фонарей здесь, ни машин.
Но дивный свет — откуда?

Ты в книжках не ищи ответ.
Несовершенно знание.
А этот чистый, дивный свет —
Есть Родины сиянье.

РОССИЙСКАЯ ГЛУБИНКА

Здесь слова грубого не скажут,
Не отведут при встрече глаз.
Здесь здороваются с каждым,
Хотя и видят в первый раз.

Здесь быть бы живу, не до жиру.
Весь пот — в крестьянской полосе.
Коль дом поставить — целым миром,
И как гулять — деревней всей.

И не объять здесь неба сини,
Где места нет для лжи и зла.
Вот здесь живёт душа России,
Чиста, свободна и светла.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Как нашим языком не поразиться,
Коль охнет бабка, притворяя дверь:
«Мычит, собака, а не поросится...»
Попробуй, догадайся, что за зверь.

Вот так сведя дословность и условность,
Порою забредёшь в такую тьму!
Друг друга понимая с полуслова,
Мы сами не понятны никому.

Какой же нужен изошрённый разум,
Чтоб объяснить попробовать суметь
Такую восхитительную фразу:
«Всё руки не доходят посмотреть».

* * *

На берегу моей реки
Лишь ветра свист да птичий грай,
Да тополя, как старики,
Уже увидевшие край

И отошедшие от дел,
Светлеют в мудрости лицом.
Ни лодки на такой воде,
Ни рыбака под деревцом,

Ни даже дыма костерка...
Лишь тополя, достав до звёзд,
Как будто внуков на руках,
Качают груз вороньих гнёзд.

РЫНОК

Каких бы ни случилось бед
С рожденья до поминок,
Теперь на всё один ответ:
— А что хотите? Рынок!

Бесплатно лишь слюна течёт,
Раскатывая губы.
А здесь расчёт. И дружба в счёт,
И состраданье — в рубль.

Мне не постичь, ну хоть убей,
Премудростей «Клондайка»,
Мы, русские, иных кровей,
Не из «купи-продай-ка».

Открыта русская душа,
Ты хоть во что оденься.
Коль надобно — бери. Не жаль.
Какие к чёрту деньги!

* * *

Пока глаза глядят — по свету —
Набросив на плечо суму,
Куда бреду я или еду —
Известно Богу одному.

Все сносно. Хоть не очень сладко.
Я пыль ли, дождь смахну со щек...
В суме моей стихов тетрадка
Да Слово Божие еще.

Покуда есть в суме горбушка,
Бреду, насколько хватит сил.
Я нищий. Но не побирושка.
Здесь Бог нас четко разделил.

СКВОЗЬ БЕСКОНЕЧНЫЕ ГРАНИЦЫ

ДЕРЖАВНЫЙ ДЕНЬ

Поздравить чтобы победителей
с Великим днем,
Державным днем,
мы не в дома своих родителей,
а на могилы к ним придем.

Разложим на газетной скатерти
снедь
да забудем про вино:
пускай порадуются матери,
что мы не пьем уже давно.

Тюльпаны,
нами принесенные,
росу уронят поутру.
Замрем,
Победою спасенные,
замрем на праздничном ветру.

На солнце вспыхнут звуки медные
и вознесутся в облака.
И там, на площади,
победные
слова промолвит сын полка —

одним останется единственным
из тех, кто слышал ближний фронт.
А те, кто был в огне неистовом,
уже уйдут за горизонт.

За горизонт,
где синь закатная
и остывающая мгла,
куда тропинка безвозвратная
сквозь всю Россию пролегла...

* * *

Ложится облачная тень
на озаренные равнины.

Печальный день,
высокий день —
сорокоуст,
сороковины.

Душа уходит навсегда,
летит,
ведома Божьим Духом.
И ей в сопутницы — звезда,
и небо облачное — пухом...

БРАТЬЯ

Мы — братья младшие героев,
мы после встали на крыло.
Нас время берегло от горя
и от сражений отвело...

А в небе бой гремит, неистов,
и старший брат на смерть идет,
и вышней мезью — на фашистов —
летит горящий самолет!

И нескончаем век мятежный:
в стране — разрыв, а ветер снежный
доносит беловежский смрад.
И вновь на площади Манежной —
протест. И первым — старший брат!

И что гадать, кто сделал больше,
кто меньше сделал для страны?..
А жизнь — как вскрик прощальной боли,
как вздох надорванной струны.

А жизнь то стихнет, то кружится,
то ввысь уносит свой напев
и тенью мраморной ложится
на поднебесный барельеф.

ЧАСОВЫЕ ПОЯСА

Мой друг старинный, ты далече...
Струит закат сплошную тень.

Тебе звоню я: «Добрый вечер!»
Ты отвечаешь: «Добрый день!»

Темнеет мир, но есть сиянье,
оно в волнении твоём,
как с давней родиной слиянье,
как долгий взгляд за окоём.

Ах, зарубежье, зарубежье!
Богата жизнь, а не мила,
как во дворце, где безмятежье
и вместо окон — зеркала.

Кому-то в них не наглядеться,
под потолок чело задрав.
А нам — почуять ветер детства
в дыханье рощиц и дубрав.

А нам — склонить в раздумье лица
и в водах окских отразиться,
родные слыша голоса
сквозь бесконечные границы
и часовые пояса...

ОГОРОДНАЯ ОДА

Не пишу о природе,
не строчу про любовь —
вечеру в огороде
поливаю морковь.

Сказки венского бора
соловьям не пою —
день-деньской до упора,
я картошку полю.

И соседке умело
не курю фимиам.
Коли дело приспело —
воли нету словам.

Но окажется снова
сердце в Божьей горсти —
и рождается Слово!
И — трава не расти!

КОТ МАКСИМ

Мой постаревший рыжий кот
давно живет в деревне,
обходит важно огород,
влезает на деревья

и смотрит, как растет заря
над тихую водою,
и паутины сентября
летят мечтой седою.

Максим вздыхает:
«Жизнь прошла
и, в общем, не сложилась.
А ведь была любовь, была —
и голова кружилась.

Ах, этот вольный месяц март
еще назад полгода!
И нескончаемый азарт!
И теплая погода!

Осталось только вспоминать
о полосатой Ксюхе.
Но что теперь дрова ломать,
когда она не в духе?»

Максим шагает, не спеша,
по грядкам опустелым
и чтоб не мучилась душа,
не прочь заняться делом.

Заняться делом он не прочь —
адю, кошачьи страсти!
Да вот не знает, чем помочь
прабабушке Настасье.

И ходит он в густой тиши,
за листопадом следом,
и помогает от души
пока лишь за обедом.

И думу думает Максим:
«Вернуться, что ли, в город?»

Как был я там неотразим!
Как был силен и молод!»

...Свой день заканчивает он
прогулкою по крыше.
Потом — чердак и долгий сон...
Спокойной ночи, мыши!

Евгений АРТАМОНОВ (г. Рязань)

РАССЕКАЯ ТЬМУ

* * *

В. Хомякову

Глухи и смутны времена,
Набиты смрадом до отказа.
Идет негласная война
По очень тайному указу.

Крадется тьма со всех сторон,
Витийствуют безбожьи силы.
Но русский дух не покорен
У свежерытой могилы.

Надежду обнимает он,
Любовь и вера — за спиною.
Церковный колокола звон
Всему чужому — стал стеною.

* * *

А у нас на далекой Тамбовщине,
Там, где памятник волку стоит,
Как же много сейчас безотцовщины,
Стариков, неприглядных на вид!

На Тамбовщине семечки вкусные,
А картошка — царица полей.
И у девушек волосы русые,
Но печальны глаза у парней.

Нас не кормит земля наша матушка.
Про реформы лишь слышим в Кремле.
Ведь богаты мы были, ребятушки,
На родной черноземной земле.

Всех волков будто полымем вымели:
Все подмял перестроечный шторм.
Почему же вы, серые, вымерли?
Не от наших ли сладких реформ?

А бывает так грустно минутками.
Тянет выпить, и тянет чудить.
На Тамбовщину еду попутками —
Буду там я волков разводить!

* * *

Зрела Русь, рассекавшая тьму,
Под особой славянской метой.
И Господь возвестил: «Быть народу сему
До скончания Белого Света!»
Шла потом за напастью напасть:
То князья нас терзали, то ханы.
Где святых наших кровь пролилась,
Ближе к небу мы строили храмы.
Выживали всему вопреки,
Умирили с улыбкой и стоя!
От Днепра и до Волги-реки
Была грешною Русь и Святою.
Наш язык выходил из глубин,
Единился и рос высотой.
Вызревал среди буйных годин
Нас от бед заслоняя собою.
Наш язык полон Божеских Сил.
И стараньем врагов не заглушен,
И идут впереди средь небесных светил,
Два великих — Есенин и Пушкин!

БАБУШКЕ

Сбылись твои слова,
Моя старушка.
Ты говорила,
Крестик теребя:
«Уж целый год,
Как жизнь моя — подушка.

Ах, внучек мой,
Увижу ли тебя?..»

Ты в мой приезд
Раскидывала карты.
И выпадал
Всегда «казенный дом».
Я столько лет
Уже считают старты
И оставляю финиш на потом.

Прости меня
За жажду видеть много,
За то, что рано
Из дому уйдя,
Я не увидел
Со своей дороги,
Как выносили
Из дому тебя.

Я не могу
Тебя представить в белом,
Ушедшую навек
В земную твердь.
Мы нашу жизнь
Как будто пишем мелом.
И нашу жизнь
Легко стирает смерть.

* * *

О юности часто мечтаю.
Да кто мне ее возвратит?
Она, видно, ходит по раю
И с Богом теперь говорит.

Далек этот жизненный праздник.
Вот будни берут меня в плен.
У времени я не избранник
И лучших не жду перемен.

Бунтует мой дух, не смиряясь,
А плоть причитает: «Смирюсь!»
Я тихо приветствую старость,
Но к юности в строй становлюсь.

Татьяна КАСАТКИНА,
доктор филологических наук

ДОСТОЕВСКИЙ О ВСЕМИРНОСТИ И ВСЕЧЕЛОВЕЧНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Тот, кто не понимает своего назначения, всего чаще лишен чувства собственного достоинства.

Ф.М. Достоевский

В своей знаменитой речи, произнесенной 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности, Ф.М. Достоевский сказал о том, что «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... Ибо что такое сила русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности?» Целые исторические бездны отделяют нас сегодня от этих слов, ставших своего рода духовным завещанием великого писателя. Остаются ли они сегодня актуальными? Внесло ли время в них коррективы, и в чем они заключаются? А может быть, они сегодня уже не соответствуют реалиям, в которых живет русский народ?

Достоевский определил «силу духа русской народности» как

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

«стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности». Слово «дух» здесь нужно подчеркнуть. Далее будет понятно, почему.

Это — и другие подобные высказывания Достоевского — слишком часто вызывают его оппонентов на следующие ответы: 1) Достоевский не знал русского народа, те, кто знал русский народ, во времена Достоевского писали о нем нечто совершенно иное; 2) сейчас русский народ — это уже совсем не тот народ, что во времена Достоевского.

В сущности, конечно, это не два суждения, а одно — «то, что писал о русском народе Достоевский, не имеет отношения к тому русскому народу, который нам известен». И тогда встает вопрос: а *какой* народ известен нам и *какой* — Достоевскому? Понятно, что фактор времени здесь уже не имеет значения: *разный* русский народ был известен не только Достоевскому и его потомкам, но и Достоевскому и его современникам. Глядя на один и тот же народ, мы и Достоевский видим разное. Очевидно, разница не в том, на что мы глядим, а в том, *как* мы смотрим.

И тут чрезвычайно интересно еще одно обстоятельство — Достоевский прекрасно видел русский народ и так, как его видим мы. Более того — если мы проследим, как Достоевский пишет о современном ему *актуальном* состоянии русского человека — мы удивимся тому, насколько все даваемые им характеристики могут быть отнесены как раз к человеку сегодняшнего дня, *нашему* соседу и современнику. Достоевский констатирует, что человеку пореформенной эпохи XIX века свойственны: 1) уединение, 2) утрата общих, единных оснований и ценностей, 3) стремление к богатству, принимаемому теперь за единственную несомненную опору и действенную силу в жизни, поставление комфорта и удовлетворения суетных и страстных желаний превыше всего, возведение их в ранг *целей* человеческой жизни (в то время как они не более чем *условия* существования).

Вот лишь несколько цитат. «Право, мне всё кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего обособления. Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. *Всякий откладывает всё, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств.* Всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается. Если не действует, то хотел бы действовать. Положим, ужасно многие ничего не начинают и никогда не начнут, но всё же они оторвались, стоят в сторонке, глядят на оторван-

ное место и, сложив руки, чего-то ждут. *У нас все чего-то ждут.* Между тем ни в чем почти нет нравственного соглашения; всё разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уж на единицы. И главное, иногда даже с самым легким и довольным видом». «Самолюбия у нас много, а уважения к собственному мнению никто не имеет». «Нынче, как и прежде, все проедены самолюбием, но прежнее самолюбие входило робко, оглядывалось лихорадочно, вглядывалось в физиономии: “Так ли я вошел? Так ли я сказал?” Нынче же всякий и прежде всего уверен, входя куда-нибудь, что всё принадлежит ему одному. Если же не ему, то он даже и не сердится, а мигом решает дело; не слышали ли вы про такие записочки: “Милый папаша, мне двадцать три года, а я еще ничего не сделал; убежденный, что из меня ничего не выйдет, я решил покончить с жизнью...” И застреливается. Но тут хоть что-нибудь да понятно: «Для чего-де и жить, как не для гордости?» А другой посмотрит, походит и застрелится молча, единственно из-за того, что у него нет денег, чтобы нанять любовницу. Это уже полное свинство».

Можно возразить, что это Достоевский пишет скорее про общество. Но вот он сетует на размах народного пьянства: «Ведь иссякает народная сила, глохнет источник будущих богатств, беднеет ум и развитие, — и что вынесут в уме и сердце своем современные дети народа, взрослые в скверне отцов своих? Загорелось село и в селе церковь, вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли. Примеры эти пока еще ничтожные, ввиду неисчислимых будущих ужасов. ...*Вещи сложились именно как бы с целью искоренить в человеке всякую человечность...* Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу, а что всё, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, — всё вздор: «Вот она где, значит, настоящая сила, вот она где всегда сидела; стань богат, и всё твое, и всё можешь». Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой. А она носится и проникает всё мало-помалу. Народ же ничем не защищен от таких идей, никаким просвещением, ни малейшей проповедью других противоположных идей».

Именно этот народ Достоевский и объявляет — не только в Пушкинской речи, но и задолго до нее — спасителем России

и соединителем человечества. Вспоминая стихотворение Некрасова «Влас», Достоевский пишет: «Современный Влас быстро изменяется. Там внизу у него такое же кипение, как и сверху у нас, начиная с 19 февраля. Богатырь проснулся и расправляет члены; может, захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил. Рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие. Соображают иные, серьезные, но несколько торопливые люди, и соображают по фактам, что если продолжится такой “кутеж” еще хоть только на десять лет, то и представить нельзя последствий, хотя бы только с экономической точки зрения. Но вспомним “Власа” и успокоимся: в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с невероятною силою обличения. Очнется Влас и возьмется за дело Божие. Во всяком случае спасет себя сам, если бы и впрямь дошло до беды. Себя и нас спасет, ибо опять-таки — свет и спасение воссияют *снизу*...».

Через несколько лет, в февральском выпуске «Дневника писателя» 1876 года, Достоевский попытается разъяснить видимое противоречие. «Я вот, например, написал в январском номере “Дневника”, что народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату, “варвар, ждущий света”. А между тем я только что прочел в “Братской помочи” (сборник, изданный Славянским комитетом в пользу дерущихся за свою свободу славян), — в статье незабвенного и дорогого всем русским покойного Константина Аксакова, что русский народ давно уже просвещен и “образован”. Что же? Смутился ли я от такого, по-видимому, разногласия моего с мнением Константина Аксакова? Нисколько, я вполне разделяю это же самое мнение, горячо и давно ему сочувствую. Как же я соглашаю такое противоречие? *Но в том и дело, что, по-моему, это очень легко согласить, а по другим, к удивлению моему, до сих пор эти обе темы несогласимы.* В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от *наносного варварства*. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив *человеческий образ*, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и *красоту своего образа*. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так

часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же и в народе мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают! Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит, утверждает, что в ней-то и заключается l'Ordre и свет цивилизации, и несчастный кончает тем, что верит тому искренне, слепо и даже честно. *Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать.* А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; *они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом,* и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если при том и так много грязи, то русский человек и тоскует от нее всего более сам, и верит, что всё это — лишь наносное и временное, навajдение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь *вечный свет*.

Кстати, полагаю, что в российских политических событиях конца 2011 года, когда люди вышли на улицы, возмущенные *нечестностью* (!), и это после стольких лет циничной обработки характеров и умов наших современников, — и в том, *как* они это сделали, — вполне проявились все те же простодушие и честность, искренность и широкий, незашоренный никакими навязываемыми идеями ум. Ну и тоска от обступившей и накопившейся грязи, конечно, в окончательность торжества которой, что примечательно, оказался абсолютно неспособен поверить русский человек, несмотря на запредельное давление обстоятельств...

Далее, в том же выпуске «Дневника писателя», в замечательной зарисовке «Мужик Марей», Достоевский старается наглядно продемонстрировать самую суть своего *видения*. Перемещая фокус текста между двумя событиями: своей встречей в 9 лет с мужиком Мареем, успокоившим мальчика, до дрожи перепуганного криком: «Волк бежит!» — по сути, защитившим его от его собственного страха, и своим пребыванием в 29 лет на каторге, среди пьяных, празднующих Пасху¹, вызывающих в нем страх и омерзение, он показывает, как, если только раз удастся по-настоящему увидеть сияющее любовью сердце человека из народа, — начнешь неизбежно и неизменно узнавать его в любом, самом страшном, самом неприглядном облики. Он рисует нам образы ужасных, отвратительных каторжников, в каждом из которых

скрыт все тот же Марей, глядящий на своего барчонка с материнской любовью, нежностью, готовностью защитить, прийти на помощь. А в глубине образа Марая, *материнская улыбка*² которого трижды, рефреном, упоминается Достоевским на протяжении рассказа, сияет образ Марии, материнский покров Которой осеняет всю русскую землю. Образ человека у Достоевского здесь оказывается трехсоставным: *наносная грязь*, то, что первое бросается в глаза, что отталкивает и пугает; *человеческий облик*, то, что так ясно бывает видно в лучших представителях народа, но, раз увиденное, узнается во всех под слоем наносной грязи, и — открывающийся за этим обликом *Божественный лик, красота* — свет, *вечный свет*, бьющий из глубины раскрывшегося навстречу ближнему в сочувствии и сострадании человека.

Человек у Достоевского принципиально не сводим к самому себе, он — проход, тоннель, пропускающий в мир Божество, дающий присутствовать вечному в тленном и временном, а если человек своим усилием по самообособлению все же сводит себя исключительно к себе самому, то появляются такие герои Достоевского, как Лужин и Ракитин — плоские и *неинтересные*, скучные существа, намеренно и сознательно окопавшиеся в бастионе своей наносной грязи... но таких — исчезающе мало в его романах.

Без понимания способа видения Достоевским реальности нельзя понять в полноте его Пушкинской речи, нельзя понять, как он видит русский народ. Нельзя понять, почему то, что он говорит, имеет отношение отнюдь не к утопическому социализму, а к христианскому мистицизму.

Ибо структура народной личности, как она видится Достоевскому, повторяет структуру личности человеческой.

Русский народ потому предназначен к особой роли, потому способен, по мысли Достоевского, стать всеобъединяющим для всего человечества, что он обладает качествами, делающими его структурно и функционально аналогичным Христу — а потому наиболее подходящим быть «носителем Христа» в этом мире. Он сам своим самоназванием выбрал такую судьбу: «Он назвал себя крестьянином, то есть христианином, и тут не одно только слово, тут идея на все его будущее». А суть Христа в том, что Он собирает в Себе, в Своем теле-Церкви, все человечество воедино. Христос как бы является матрицей³, соединяясь с которой каждый человек (и каждый народ) в полноте проявляет свою личность, являющуюся одним из аспектов Христа. И никто не исключен из лона Всеобъемлющего Синтеза⁴ — каждый (и человек, и народ) важен для его окончательного осуществления,

и важен именно в своей уникальности, в своей непохожести на других, потому что именно эта *непохожесть* и есть тот аспект личности Бога, *который более нигде не проявлен*.

Вот как Достоевский описывает природу Христа в центральной для понимания его философской мысли черновой записи, сделанной над гробом умершей первой жены («Маша лежит на столе...»): «Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в Я Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его окончательной природы, то есть в Христа. (Синтетическая натура Христа изумительна. Ведь это натура Бога, значит, Христос есть отражение Бога на земле.) <...> Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем <...> и в различных разрядах (в доме Отца Моего обители многи суть)». Христос здесь — единая природа («натура») обоженного человечества, соединяющая в Своем Лике все бывшие отдельными лица, не просто складывающаяся из них, но возвращающая каждому способность ощущать всех остальных как себя самого («Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем»). Достоевский описывает здесь окончательный итог преображения человечества, его судьбу уже не во времени, но в вечности — но ведь и *окончательное* осуществление миссии русского народа он тоже видит «в конце концов» — и неизменно просит подчеркнуть это «в конце концов».

Уникальность русского человека и состоит, по мнению Достоевского, в способности принять и признать, извинить и оценить любую непохожесть — и, как это уже было реализовано в высшем проявлении сути русского человека, в Пушкине (способном «воплотить в себе с такой силой гений чужого <...> народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания»), — *вжиться* в эту непохожесть, тем самым воссоединив ее с единой природой человечества, раздробленного на лица и нации, разные, не понимающие друг друга, и в своем *правом* стремлении к единству видевшие прежде только один путь — *неправедно* исключить, уничтожить, сравнять эту разность. Или — как это теперь проявляется в идее мультикультурализма — признать эти разности и оставить их существовать в отделенных друг от друга, замкнутых в самих себе резервациях, сохранить их как разрозненные части, вне контакта и воссоединения.

На исключительную роль в человечестве, на роль объединителей человечества, по мысли Достоевского, претендовало множество народов. Но они видели себя завершением человечества, замковым камнем свода, куполом. Они ощущали

свою национальную идею как *исключительную*, такую, для которой все остальные народы с их частными идеями должны были послужить лишь материалом (а порой и — *расходным* материалом).

Такова, по Достоевскому, идея французского социализма (восходящая в самой основе своей еще к идее Римской империи) — идея насильственного единения человечества без Христа, адепты которой провозгласили своим лозунгом: «Свобода, равенство, братство — или смерть» — то есть вместо Посредника-Христа, соединяющего людей любовью, дающего им почувствовать другого как себя самого, поставили посредником разделяющий людей карающий закон, замещающий и вытесняющий собой любовь. (Ныне мы видим, как идея эта развилась и захватила мир — и как закон претендует на то, чтобы *всеобъемлюще* определять собою отношения людей — даже супругов, даже родителей и детей. Как закон, своим давлением и угрозой, стремится заставить их *любить*...)

Такова и германская идея своей предназначенности к *руководству* миром: «германец, верящий слепо, что в нем лишь обновление человечества <...>, уверен <...>, что никто не может стать вместо него в главе мира и его возрождения. Верит он этому гордо и неуклонно; верит, что *выше* германского духа и слова нет иного в мире и что Германия лишь одна может изречь его. Ему смешно даже предположить, что есть хоть что-нибудь в мире, даже в зародыше только, что могло бы заключать в себе хоть что-нибудь такое, чего бы не могла заключать в себе предназначенная к руководству мира Германия».

В таком же духе были восприняты и высказывания Достоевского о русском народе. А. Градовский в статье, на которую отвечает Достоевский в выпуске «Дневника писателя» 1880 года, посвященном «Пушкинской речи», писал: «Еще слишком много неправды, остатков векового рабства засело в нем (то есть в народе нашем), чтоб он мог **требовать себе поклонения** и, сверх того, *pretendовать еще на обращение всей Европы на путь истинный*, как это предсказывает г-н Достоевский».

Но Христос — камень в *основании* здания, здание человечества не завершается Им, но на Нем зиждется. И русский народ — не купол над народами (полагающий предел их росту), но *чаша* для народов, предоставляющая им бесконечный простор для самоосуществления. Национальная идея русского народа не *исключительна*, она состоит именно в том, чтобы *включить* в себя все национальные идеи *без исключе-*

ния. Она не есть то, что полагает естественный конец всякому развитию, но есть то, что дает ему единственно возможное основание для реализации себя в полноте. О русской идее Достоевский напишет: «Мы первые обьявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, участь у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю»⁵.

Русская идея не в том, чтобы править человечеством или завершить его, а в том, чтобы *служить* человечеству и нянчить его («Братья Карамазовы» пронизаны идеей человечества как Божьего дитятки, возрастающего на земле: «все — дитё», — скажет Митя Карамазов), растить его, как сад, становящийся в перспективе единым многоцветным деревом.

Недаром именно русским святым — старцем Силуаном Афонским — в XX веке было представлено видение христианской иерархии как *перевернутой* иерархии, той, где купол становится чашей, где то, что мыслилось верхней точкой *устремления*, оказывается нижней точкой *опоры*⁶. Вот как описывает этот опыт старца архимандрит Софроний:

«Христос, как Творец, т.е. причина, по-славянски — вина бытия, и в этом смысле, как “Виновник” бытия мира, взял на Себя тяготу — грех всего мира. Он — вершина опрокинутой пирамиды, вершина, на которую давит тягота всей пирамиды бытия. <...>

Христианин идет вниз, туда — в глубину опрокинутой пирамиды, где сосредоточивается страшное давление, где взявший на Себя грех мира — Христос.

Когда сердца касается благодать Божия, тогда в нем начинает действовать сила любви Христовой, и влекомая этой любовью душа действительно опускается на глубину опрокинутой пирамиды, стремясь ко Христу, уподобляясь Ему. В пределах своих сил человек берет на себя тяготу братьев. <...>

На дне опрокинутой пирамиды, глубочайшее дно-вершина которой взявший на Себя грех и тяготу всего мира, по любви к миру распятый Христос, совсем особая жизнь, совсем особый свет, особое благоухание. Туда любовью увлекается подвижник Христов. Любовь Христова своего избранника мучает, тяготит и делает его жизнь невыносимо тяжелой,

доколе не достигнет она своего последнего желания, и пути к достижению этой последней цели она избирает необычные.

“Молиться за людей — это кровь проливать”.

И мы видели и свидетельствуем, что блаженный старец Силуан, молясь за людей, за мир, за все человечество, за всего Адама, в этой молитве отдал свою жизнь.

Такая молитва есть покаяние за грехи людей, и, как покаяние, есть взятие на себя тяготы их, и, как молитва за весь мир, есть в какой-то мере несение тяготы мира».

Спасение всегда приходит снизу, потому что Христос — внизу..

Достоевский задолго до архимандрита Софрония описал сам процесс переворота пирамиды, превращения купола в чашу, момент, когда личность, стремившаяся вверх, вдруг осознает всем существом, что верх — это низ, что первые — это последние, что осуществившему в себе в полноте свою личность, свое предназначение остается только одно — отдать эту личность всем: «Что же, скажете вы мне, надо быть безличностью, чтобы быть счастливым? Разве в безличности спасение? Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека».

Русский народ зачастую упрекают в отсутствии личности. То, что кажется этим наблюдателям безличностью, — есть слабое мерцание самого высшего развития личности, свет этой необычной личности — не личности-аспекта, не личности-ветви, но личности-матрицы, личности-ствола — прорывающийся сквозь густую наносную грязь. Русский народ является, по сути, для Достоевского зерном начинавшейся в истории, но и по сию пору не реализованной «новой,

неслыханной дотоле (т.е. до пришествия Христова — Т.К.) национальности — всебратской, всечеловеческой, в форме общей вселенской Церкви».

Неумение русского народа отстаивать свои национальные и свои личные интересы (и даже если такие попытки делаются — всегда как бы стыдиться этих попыток, всегда чувствовать, что нет в этом ни правоты, ни правды) происходит отсюда же — ветвь может захотеть отъединиться и обособиться от ствола, ствол не может захотеть отъединиться от ветви. Ствол не так прекрасен и ярок по сравнению с ветвями, ствол как бы не проявлен, ствол самоотдается ветвям. Русский народ был стволом империи и на этом стволе пышно расцвели личности — и национальные, и человеческие. Можно сказать, что он играет служебную роль... Можно сказать, что он играет роль несущую... но — лишь *в конце концов* — «это подчеркните». Можно сказать, что это проигрышная позиция. Но «тем-то и сильна великая нравственная мысль, тем-то и единит она людей в крепчайший союз, что измеряется она не немедленной пользой, а стремится их в будущее, к целям *вековечным*, к радости *абсолютной*».

Мы видим здесь, что Достоевский всегда говорит о полной реализации мерцающих в народной личности потенций — в вечности, не во времени. Но вечность — это не бесконечно далекое будущее, это — осуществление истинного смысла личности, всегда готовое к проявлению в настоящем (Достоевский называл это «Золотой век в кармане»). Текущее мгновение бытия — это всегда открытый для нас выход в вечность. Каждое текущее мгновение, каждое совершаемое действие может стать нашим самоосуществлением — явлением нами окружающим не наносной грязи, но красоты вечного света. Этот выход из мгновения в вечность редко удается реализовать нациям в целом, но гораздо чаще — личностям. Именно поэтому Достоевский придавал огромное значение «единичным случаям», поступкам отдельных людей, часто ни для кого не заметным, в которых как бы концентрировалась и являла себя душа народа.

В первом выпуске «Дневника писателя» за 1876 год он пересказывает следующую историю: *«Герои, — вы, господа романисты, все ищете героев, — сказал мне на днях один выдавший виды человек, — и, не находя у нас героев, сердитесь и брюзжите на всю Россию, а вот я вам расскажу один анекдот: жил-был один чиновник, давно уже, в царствование покойного Государя, сперва служил в Петербурге, а потом, кажется, в Киеве, там и умер, — вот, по-видимому, и вся его биография. А между тем, что бы вы думали: этот скромный и молчаливый*

человек до того страдал душой всю жизнь свою о крепостном состоянии людей, о том, что у нас человек, образ и подобие Божие, так рабски зависит от такого же, как сам, человека, что стал копить из скромнейшего своего жалования, отказывая себе, жене и детям почти в необходимом, и по мере накопления выкупал на волю какого-нибудь крепостного у помещика, — в десять лет по одному, разумеется. Во всю жизнь свою он выкупил таким образом трех-четыре человека и, когда помер, семье ничего не оставил. Всё это произошло безвестно, тихо, глухо. Конечно, какой это герой: это «идеалист сороковых годов» и только, даже, может быть, смешной, немелкий, ибо думал, что одним мельчайшим частным случаем может побороть всю беду; но все-таки можно бы, кажется, нашим Потугиным быть подобнее к России и не бросать в нее за всё про всё грязью». Я помещаю здесь этот анекдот (кажется, совсем не идущий к делу) лишь потому только, что не имею поводов сомневаться в его достоверности. И, однако, вот бы нам каких людей! Я ужасно люблю этот комический тип маленьких человечков, серьезно воображающих, что они своим микроскопическим действием и упорством в состоянии помочь общему делу, не дожидаясь общего подъема и почина».

Достоевский здесь не только показывает проявление души народа в жизни и подвиге одного человека, он на протяжении всего «Дневника писателя» будет подспудно настаивать на том, что когда один человек дает возможность явиться свету народной души в своих никем не замеченных действиях, в своей тихо, без общественного шума и одобрения прошедшей жизни, это становится началом просветления всей нации, впущенный в одном месте свет распространяется неудержимо — и через двадцать лет после скромных и незаметных — но *зачинающих* — действий этого «человечка» вся страна освобождает крестьян...

И кто знает, сколько таких начинающих действий «маленьких человечков» мы не замечаем сегодня вокруг нас...

Для западников (а разделение нас на западников и славянофилов, тысячу раз похороненное, увы, никуда не ушло и до сих пор) русский народ есть косность, косная *материя*, бесформенная и безвидная, которую должно оформить внешним образом наложенными на нее европейскими идеями. Достоевский называет попытки такого оформления развратом, подчеркивая, что он вовсе не утверждает этим, что европеец развратен, а говорит лишь, что такое внешнее натягивание мертвых форм на совсем иную, живую, несущую в себе собственные формы сущность — есть разврат (то есть *разворот*, утрата своего истинного пути).

Для Достоевского русский народ есть *дух*, становящийся колыбелью любой формы. Нельзя сформировать личность внешним образом, наложением на нее внешних форм, скорлуп, мертвых слепков *другой* личности — личность есть про-рвавшееся из глубин человека видимое присутствие в нем Бога, видимое присутствие того аспекта Божества, который именно ему дано воплотить. Не может ствол влиться в формы ветвей. Внешняя форма есть маска, не просто скрывающая лицо, но искажающая истинный облик. Достоевский будет говорить о *безличности* как раз не народа, а западника, русского скитальца; безличности, являющейся следствием его отрыва от народной души: внешние формы не создадут личности, а связь с исходящим из глубин формирующим духом *почти* утрачена. Но в стремлении западника *послужить* Западу, в его способности понять и признать правду, иногда *глубоко внутренне* принять западные формы, *переволлотиться* в них, Достоевский видит как раз остаточное действие направляющего народного духа.

Суть Христа в том, что Он посредник — посредник между Богом и человеком, открывающий человеку красоту и милость — человечность — Божества, а Богу — божественность человека. Суть Христа в том, что он — Любовь, а любовь и Есть — посредник между двумя или многими; тот, кто показывает им их единство, скрытое в их разности и другое, дополняющее единство, проистекающее именно из их разности. Суть русского народа, по Достоевскому, — в том, что это народ-посредник, умеющий увидеть, принять и объяснить, явить всем остальным каждую национальную личность в ее красоте и правде. Вот что имеет в виду писатель, вопрошая: «Почему же нам не вместить *последнего* слова Его?». Последнего — то есть выражающего не один из Его аспектов, а самую суть, стержень Его существа.

В.В. Путин в своем четырехчасовом телевизионном общении с гражданами в 2011 году, как бы обидевшись за принижение мирового значения России, произнес: «Россия никакой не мост (имелось в виду — между Востоком и Западом. — Т.К.), она самостоятельная сила».

Но самостоятельная сила самых мощных духовных сил нашего мира — именно в том, что они — мосты и двери, связующие звенья между разным, которое должно стать единым, не утратив всего своего многообразия и многообразия. Христос сам про Себя говорит, что Он — путь и дверь. Богоматерь мы прославляем как небесную лестницу и мост, переводящий нас от земли на небо. Так и величайшее значение России, по мысли Достоевского, в том, что она — чаша

миру и мост между мирами. И отказаться — внутренне отказаться — от этого значения для нее — все равно, что отречься от себя самой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чрезвычайно символично, что все это происходит на Пасху — именно в Воскресение Христово, для глаз Достоевского, в глубине ветхого, изуродованного человека, ставшего, по-видимому, *гробом из наносной грязи*, открывается, воскресает внутренний человек, проводник Божественного света, — и Достоевский отныне навсегда сохранит это двойное видение.

² Достоевский подчеркивает здесь в русском мужике *женственную* божественную сущность, поскольку уникальность русского народа по отношению к европейским народам, по Достоевскому, в том, что тем свойственно покорять и господствовать, а ему — возвращать и пестовать, что в земном плане скорее выражено в женском способе отношения к окружающему.

³ Здесь бы можно представить себе нечто вроде вала с винтами, на которые насаживается единственно подходящая для каждого винта насадка, и насадка эта только в соединении с валом начинает функционировать именно так, как ей глубинно свойственно... или, еще лучше — могучий ствол, к которому прививают самые разные ветви кустов и деревьев, каждую к своему, сродному ей месту, и они начинают цвести и плодоносить, впервые обретая свою истинную красоту, мощь и изобилие.

⁴ «Всеобщий синтез» — так Достоевский называет Бога, в лоне которого совершается обновление мироздания.

⁵ Это, по видимости, поэтическое описание на самом деле очень *технологично*. Здесь подробно и технически точно описан процесс собирания тела Христова (целиком вошедшего в человечество) из разрозненных и часто противостоящих друг другу его аспектов — личностей и народов.

⁶ Кстати, неотразимые, по мнению ряда философов, и разделяемые Достоевским, по мнению ряда литературоведов, постулаты Ивана Карамазова имеют вид неотразимости, только если читатель (или слушатель) принимает первоначальную посылку и считает Бога точкой устремления. Алеша, первоначально поставленный Иваном «на свою точку», вырывается из под гипноза «неотразимых» рассуждений как раз потому, что ухватывает ложь (абсолютизацию одного из аспектов правды) первоначальной посылки и указывает на Бога как на точку опоры.

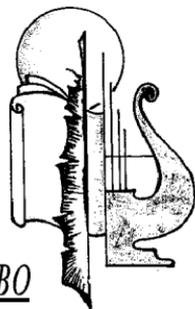
РАССКАЗЫ О ХУДОЖНИКАХ

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕРОВ (1834—1882)

Перов был внебрачным сыном выходца из Эстонии барона Григория Карловича Криденера. Родился в Тобольске, где Криденер служил прокурором. Родители Василия Григорьевича обвенчались уже после его рождения, поэтому добиться, чтобы сын носил фамилию отца, было невозможно: закон того времени не признавал внебрачных детей.

Прокурор Криденер дружил с ссыльными декабристами, писал сатирические стихи, вольнодумствовал и вообще сильно досаждал тобольским чиновникам. За сатиру в адрес большого начальника Криденера понизили по службе, а потом и вовсе выжили из города. В поисках новой службы Григорий Карлович объехал множество мест и наконец обосновался под Арзамасом.

Чего только не повидал в детстве Василий Перов! Всё это оставило неизгладимый след в его душе. Очень рано, лет с пяти, мать начала учить его грамоте, потом передала учителю — невзрачному, но умному и веселому дьячку. Особенные успехи мальчик делал в чистописании, и за это дьячок прозвал его «Перов». Так и стало «Перов» второй фамилией будущего художника.

ИСКУССТВО

В десять лет Василия отдали в арзамасское уездное училище, а через три года — в арзамасскую живописную школу Ступина. Школа была замечательная! Александр Васильевич Ступин «явился первый заводитель дела необыкновенного». Он окончил Академию художеств, никогда не терял с Академией связи, и все, кто учился в его школе, получали разносторонние и обширные знания. Перов был одним из лучших учеников Ступина, но однажды, поссорившись с товарищем, объявил, что не намерен сносить оскорбления, бросил школу и пешком вернулся домой. Ему шел семнадцатый год.

В деревне Перов ходил на охоту, пристрастившись к ней на всю жизнь, ставил силки на птиц, ежась в прохладе раннего утра, слушая еще робкие лесные звуки; научился любить и понимать природу. С карандашом и красками Василий не расставался. Писал портреты друзей, написал портрет отца — к тому времени уже сильно больного. Кисть набирала уверенность, и Перов решил поступать в Московское училище живописи. Родители не перечили, только матери все казалось, что художество — занятие не мужское, картинами не прокормишься. И все-таки поехала вместе с сыном, устроив его на постой к смотрительнице женского монастыря Марье Любимовне.

Добрейшей души оказалась эта женщина. Перов три года прожил в приюте, пока Марья Любимовна не умерла. Отец не мог выслать ему денег, и Марья Любимовна кормила его на свои скромные средства. Когда наезжало начальство, она прятала Василия под кровать. После смерти Марьи Любимовны Перова взял к себе преподаватель училища Егор Яковлевич Васильев, улыбочивый и бескорыстный холостяк, отдав ему угол в своей квартире.

Летом Перов уезжал домой. Отца уже не было в живых, семья очень нуждалась, но Василий не бросал занятия живописью. Вернувшись в Москву, был полон волнующих замыслов и пытался воплотить их в своих картинах.

Обстановка в России была напряженной. Все еще существовало крепостное право, и лучшие умы государства открыто выступали за его отмену. Перов стал первым живописцем, который осмелился резко и прямо показать социальный гнет и несправедливость русских людей. Две его картины были удостоены медалей, и художник получил право на заграничную поездку от Академии художеств.

Зимой 1862 года Василий Григорьевич уехал в Париж. По дороге он познакомился с музеями Берлина, Дрездена, бывал в мастерских художников. Но интересовала и жизнь простого

народа. Здесь, в Европе, он убедился, что бедным живется несколько не лучше, чем в России. Каждый раз, когда голод в альпийских долинах становился невыносимым, савойские бедняки посылали своих ребятишек в города. На ярмарках, в гостиницах, на шумных торговых улицах мальчишки из горной Швейцарии (Савойи) попрошайничали или зарабатывали тем, что водили на поводке дрессированных сурков, которые умели вынимать из коробки «счастливый билетик» и танцевать. Была даже мода на мальчиков-савояров с сурками — танцующие зверьки нравились светским дамам, но рассчитывать уличные артисты могли лишь на мелкую монетку, выброшенную из окна.

Такого мальчика Василий Григорьевич изобразил на своей картине «Савояр», желая привлечь общественное внимание к этим обездоленным детям, вызвать к ним сочувствие. Мальчик устал, присел отдохнуть в уголке на каменном парапете, да так и уснул, не выпуская из рук флейту, под которую целыми днями танцует его сурок. На мальчишке рваная одежда, стоптанные башмаки... рядом упала шляпа. Голова мальчика слишком большая для его тела, что говорит о сильном истощении. Сурок с выпавшей шерсткой на шее и голове (тоже от нехватки пищи), приткнулся к его плечу.

Василий Григорьевич не случайно изобразил две эти живые души на фоне холодных городских стен: нищета, горе, бесправие — результат равнодушия общества.

Жизнь в Европе стала его тяготить. То и дело на глаза попадались голодные люди, добывавшие себе пропитание. Одни таскали весь день шарманку, наполняя механическими мелодиями городские улицы, другие выступали в дешевеньких балаганах; а были и просто бродяги, оборванные и грязные. Перов написал об этом несколько картин и просил высшее академическое начальство «уволить от чужих краев», разрешить вернуться домой: «Посвятить себя на изучение страны чужой я нахожу менее полезным, чем по возможности изучить и разработать бесчисленное богатство сюжетов как городской, так и сельской жизни нашего отечества».

Просьба Перова была удовлетворена.

«Тройка»

Перов был человеком с большим сердцем. Был зрячим и не боялся говорить о том, что видит. Страдал за людей, загнанных нуждой, и старался помочь им хотя бы кистью: картины увидят все слои общества, и всем мысль художника будет ясна, доступна, и будет стыдно сидеть сложа руки, каждый захочет ис-

править, залечить страшные раны общества. Его ужасала беззаботность богатых, когда рядом столько нищих, ряды которых всё пополняются крестьянами из разорвавшихся деревень. Оборванные ребятишки, отданные по сиротству в подмастерья, были уже типичной московской картиной. Зимой в легкой одежде, в ветхих солдатских ботинках, таких, что ступни ног примерзают к подметкам, дети колют дрова, топят печи, с тяжелыми санками ходят на реку за водой. Был случай, когда на глазах Перова трое детей не смогли удержать бочку с водой — сани катились вниз, бочка опрокинулась и превратила скат в сплошную ледяную гору. Закоченевшими руками дети водворили бочку на место и вновь направились к проруби.

У художника родился замысел написать картину «Тройка».

В лютый мороз, по крутому взвозу, занесенному снегом, напрягая свои слабые силенки, тянут дети обледенелые сани, на которых стоит бочка с водой. Тянут рывками, отчего вода все время расплескивается, делая дорогу еще более скользкой. За день им нужно совершить несколько таких ходок — вода нужна для бытовых нужд и для скотины.

Работая над картиной, Перов подыскивал мальчика-«коренника» — тип, который бы отвечал художественному замыслу. Как-то в весенний солнечный день он оказался у Тверской заставы. Мимо шли богомольцы на поклонение Сергию и московским чудотворцам: в весеннюю пору народ во множестве тянулся к монастырям, отыскивая помощи или ища разгадки своим сомнениям. У самой заставы художник заметил старушку с мальчиком. Подошел ближе к мальчику и невольно был поражен тем типом, который искал!

Перов завел со старушкой разговор, спросил, между прочим: откуда они и куда идут? Старушка ответила, что они из Рязанской губернии, добираются к Троице-Сергию и хотели бы переночевать в Москве, да не знают, где приютиться. Художник вызвался показать им место ночлега. Отправились вместе. Старушка шла медленно, немного прихрамывая. Василий Григорьевич обдумывал, как бы начать с ней объяснение? Не придумав ничего лучше, предложил денег. Старушка пришла в недоумение и не решалась брать. Тогда, уже по необходимости, Перов сразу высказал ей, что хочет написать с мальчика портрет. Старушка ничего не поняла, но все-таки согласилась посмотреть мастерскую художника.

В мастерской Перов показал ей картину, растолковал, в чем дело, но старушка перепугалась! Стала отказываться, ссылаясь на то, что им некогда, что «списывать с человека» — это великий грех, а, кроме того, она слыхала, что от этого люди не только чахнут, но даже и умирают.

— Это неправда! — стал уверять Перов, — Это сказки! Цари и архиереи позволяют писать с себя портреты, а святой евангелист Лука сам был живописец. Есть много людей, с которых написаны портреты, но они не чахнут и не умирают.

Старушка колебалась. Он привел ей еще несколько примеров и предложил хорошую плату. Она подумала и, наконец, согласилась.

Сеанс начался немедленно. Старушка поместилась тут же неподалеку, рассказывая о своем житье-бытье, посматривая с любовью на сына Васеньку. Из ее рассказов можно было заметить, что она вовсе не так стара, как Перову показалось с первого взгляда; лет ей было немного, но трудовая жизнь и горе состарили ее прежде времени. Тетушка Марья, так ее звали, рассказывала о своих тяжелых трудах, о болезнях и голоде, о том, что схоронила своего мужа и детей и осталась с одним-единственным Васенькой...

Поблагодарив ребенка за труд, Перов рассчитался со старушкой, проводил до места ночлега и попросил, чтобы завтра они вновь явились к нему. На другой день он окончил голлову «коренника».

Прошло около четырех лет. Перов забыл и старушку и Васю. Картина давно висела в галерее Третьякова. Раз в конце страстной недели, рано утром, Перову сказали, что какая-то деревенская старуха ожидает его в передней. Он вышел и увидел перед собой маленькую, сторбленную женщину. Она стояла, опираясь на длинную клюку; неестественной величины лапти были покрыты грязью. Василий Григорьевич спросил, что ей нужно? Старушка долго безучастно шевелила губами, бесцельно суетилась и, наконец, вытащив из кузова яйца, завязанные в платочек, подала художнику, прося принять их и не отказать ей в великой просьбе. Но едва художник задал вопрос, в чем суть ее просьбы, как мгновенно лицо старушки всколыхнулось, губы нервно задергались, маленькие глазки часто-часто заморгали, она начала какую-то фразу, долго и неразборчиво произносила одно и то же слово и не имела сил досказать этого слова до конца.

— Батюшка, сынок-то мой, — начинала чуть не в десятый раз, а слезы текли и не давали ей говорить.

Перов подал ей воды. Она отказалась. Предложил сесть — она осталась на ногах, и все плакала, утираясь мохнатой полкой своего заскорузлого полушубка. Наконец, наплакавшись и немного успокоившись, объяснила, что сынок ее Васенька прошлый год заболел оспой и умер. Похоронив Васю, распродав весь скарб и проработав зиму, она скопила деньжонок и пришла к художнику, чтобы купить карти-

ну. Она не винила художника в смерти сына, нет, на то воля Божия, но Перову самому казалось, как будто в ее горе отчасти виновен и он. Заметил, что старушка думала так же, хотя и не говорила.

Дрожащими руками она развязала платочек с завернутыми в него сиротскими деньгами, но Василий Григорьевич объяснил ей, что картина давно уже продана. Тогда старушка стала просить, нельзя ли хоть посмотреть на нее? Василий Григорьевич сказал, что посмотреть она может, и попросил явиться на другой день.

Она пришла рано утром. Вместе отправились к Третьякову. Художник попросил у Павла Михайловича разрешения показать старушке галерею, и тотчас его получил. Пошли по богатым комнатам, увешанным картинами, но старушка ни на что не обращала внимания. Придя туда, где висела «Тройка», Перов предоставил ей самой найти ту картину, на которой изображен ее сын. Старушка обвела комнату своим кротким взглядом, и — стремительно направилась к «Тройке»! Приблизившись к картине, остановилась, всплеснув руками, и как-то неестественно вскрикнула:

— Батюшка ты мой! Родной ты мой, вот и зубик-то твой выбитый! — И с этими словами она, как подкошенная, пала на колени.

Предупредив слугу, чтобы не беспокоил ее, Перов поднялся в кабинет к Павлу Михайловичу. Пробыв у него около часа, вернулся. Следующая сцена представилась ему: слуга, с увлажненными глазами, прислонившись к стене, показал на старушку и быстро вышел. Старушка стояла на коленях и молилась на картину. Она молилась горячо и сосредоточенно. Ни приход художника, ни шаги ушедшего слуги не отвлекли ее внимания. Так продолжалось еще часа полтора. Перекрестившись и поклонившись еще несколько раз до земли, старушка, наконец, проговорила:

— Прости, мое дорогое дитя, прости, мой милый Васенька! — встала и, обернувшись к Перову, начала благодарить, кланяясь в ноги.

Переполненный состраданием к ней, Василий Григорьевич пообещал написать портрет Васи. Через год он выполнил свое обещание. Украсил портрет позолоченной рамкой и выслал старушке в деревню. Спустя несколько месяцев, получил от нее письмо. Она сообщала, что лик Васеньки повесила к образам и молит Бога о его упокоении и о здравии художника.

«Мало слов, а горя реченька!..» — думал Перов, читая ко-
рытые строки.

Картина «Странник», написанная Перовым в 1870 году, прототипом которой стал бывший крепостной Христофор Барский, явилась обвинительным приговором царскому правительству. После отмены крепостничества крестьяне так и не получили веками ожидаемой свободы. Им только предоставили право идти на все четыре стороны или втридорога выкупать у помещиков самую захудалую землю. Европа приветствовала «великую российскую реформу», Россия же пополнилась целой армией нищих.

— Я к вам с великой просьбой, — пришла однажды к Перову Вера Николаевна Добролюбова. — У своих знакомых я видела на дворе старика. Он колол дрова. Ему восемьдесят четыре года. Бывший крепостной целого десятка господ, к которым он переходил из рук в руки. Теперь же — свободный человек, то есть брошенный человек, ходит по дворам и отыскивает работы. Я предлагала ему денег, но он не берет: «Не пришла еще пора жить Христовым именем». Вы, Василий Григорьевич, вхожи к меценату Шукину, он, говорят, выстроил приют для бедных людей. Нельзя ли вам попросить его о приюте для этого несчастного?

Перов обещал, и на другой день к нему, постучав, вошел старик благородного и даже аристократического вида. Наклоненная несколько набок голова, сосредоточенные и уже потухающие глаза, борода, напоминающая цвет подержанного серебра... Имя старика было Христофор Барский. Вместе они отправились к Шукину.

— А! Господин художник! — встретил меценат. — Очень рад! Садитесь, пожалуйста.

— У меня к вам дело, — объяснил свой визит Василий Григорьевич. И рассказал о Барском.

Тронутый положением старика, Шукин дал слово непременно поместить его в приют.

— Впрочем, не знаю, есть ли там теперь свободные места? Если нет, придется подождать недельку-другую.

Дело, казалось, было решено.

Прошло больше месяца. Барский за неимением места в приюте, помещен в него не был, но ходил туда аккуратно, как было велено, в ожидании благ земных. Наступила зима. Он по-прежнему работал у кого-нибудь на дому: носил воду, сгребал снег... Кашлял, хрипел, ночуя где в сенях, где в сарае, а за особую милость — на кухне. В приют же за это время уже приняли несколько мещан и даже одного промотавшегося купца. В феврале Перов снова отправился к Шукину вместе с Барским.

— А! — хозяин вперевалку подошел к Барскому. — Как же ты, любезный, до сего времени не в приюте?

Барский низко поклонился ему и закашлялся. Спустя минуту, тяжело дыша, ответил:

— Все еще места нет, ваше степенство... До сего времени еще не освободилось ни одного места... Вот какое горе... Не допустите, батюшка, умереть мне на улице, — и он упал к ногам Щукина, так что тот отпрыгнул в сторону.

— Встань, встань, старик! — зачистил Щукин. — Я тебе говорю, встань! Не люблю я, чтобы мне поклонялись. Богу надо поклоняться, а не человеку. Умирать тебе, любезный, рано. Еще мы с тобой проживем на славу! Помещу я тебя в приют, помещу! А когда ты там отдохнешь, соберешься с силами, мы выберем тебе старушку помоложе, сосватаем вас, да и женим! И будете вы жить в удовольствие, не выпуская друг друга из объятий. Чего доброго, еще и дети пойдут. Не правда ли? — весело подмигнул Перову.

Перов молчал. Лакей во фраке, стоявший возле двери, фыркнул, прикрыв рот ладонью.

— Ну-с, — повернулся к старику Щукин, — сейчас напишу письмо, и будь уверен, что завтра же ты будешь в приюте. Только смотри, любезный, уговор: старух моих не развращать!

Лакей уже бесцеремонно хохотал, а Барский смотрел в пол и беззвучно шевелил губами.

— Дождитесь письма и прямо отсюда в приют, — пристился со стариком Перов. Но тот не шевельнулся: он, по видимому, не слышал его.

А наутро случилось то, чего Перов никак не ожидал: Барский пришел к нему сказать, что в приют не пойдет.

— Почему же?..

— А вот почему, — старик закинул голову, глядя на художника в упор. — Мне, сударь, как вам известно, восемьдесят четыре года. Лет семьдесят я гнул спину и претерпевал всякого рода несправедливость и оскорбления. Лет семьдесят честно служил господам, и остался на старости лет нищ и убог, как вы сами изволите видеть. Встретила меня милосердная барыня Вера Николаевна, сжалилась над моим положением и указала мне путь через вас, государь мой, обратиться к известному всем господину Щукину. Были мы с вами у него, и вы изволили видеть, что это за благодетель и что за человек. Я его молил о помощи, а он насмехался надо мной. Шел я к нему с любовью и надеждой, а вышел с тоской и отчаянием. С тоской о том, сударь, что не кончилось еще рабство, и, должно быть, никогда не будет ему конца! Семьдесят лет, сударь, издевались надо мною разные господа мои, я был

в их глазах не человеком с разумом и чувством, а какой-то вещью. И что я узрел вчера? Снова нужно вступать в это рабство, видеть и слышать, как издеваются над полумертвым...

Барский полез за пазуху, вынул письмо Щукина и отдал Перову.

— Возьмите, сударь, возвратите его господину благодетелю.

Он ушел, но Перову всё еще слышались его слова. Столько достоинства было в них, столько духовной силы! Было ясно, что Барский предпочтет бродяжничество, нищенство, но никому не позволит забавляться своей бедой.

«Птицелов»

1870 год был самым тяжелым в личной жизни Перова: умерла жена и двое старших детей, остался один младший сын. Смириться с этим было невозможно. Боль утраты лишала художника сил, он терял веру в жизнь. Спасали только друзья, природа и редкие светлые воспоминания.

Писать картины-протесты он больше не мог: властям, чтобы стыдиться своих безобразий, надо иметь достоинство, а его как не было, так и нет. Перов обратился к повседневной жизни маленького человека, к его простым заботам и радостям. То один, то с художником Прянишниковым он бродил по московским окрестностям, стараясь успокоить больное сердце и одновременно отыскивая подходящие темы. Как-то по осени они заметили в лесу старика. Он лежал на траве, тихонько насвистывая в дудочку, приманивая шегла; рядом со стариком сидел мальчик.

Ловля птиц на Руси была старинной забавой. Птиц ловили под осень, зиму держали дома, наслаждаясь их пением, а на Благовещение выпускали. Об этом красивом и трогательном обычае — выпускать птиц — написал А. С. Пушкин:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

Василий Григорьевич взялся за картину «Птицелов». Ему ли не знать того душевного трепета, когда сидишь в засаде и

ждешь, что в западенку угодит доверчивая пичуга. Сколько он переловил их в деревне под Арзамасом! Даже ловить не всегда хотелось, а только бы слушать и слушать их пение. Что-то удивительно свое, русское, сладко шемащее было в трелях соловушки или жаворонка. Божьи создания, кочующие в заморские края, — как они радовали своим возвращением весной!

Душевно, бесхитростно написал «Птицелова» Перов. Поздняя осень, порывистый ветер, отставной солдат в истертой шинели лежит возле дерева, и мальчик рядом — сосредоточенный, похожий на маленького Васю Перова. Кажется, что сейчас зазвенит стеклянная трель щелга: «пить-пить-пить, по-пить», и воздушная птичка с желтыми зеркальцами на темных крылышках перелетит с ветки на ветку. Полюбопытствует на полную зернышек западенку, спустится к ней, приглядится — и вот уже запуталась в сетке!

Картина получилась очень поэтической, передавая зрителю что-то сердечно-простое и трогательное. Пейзаж для нее написал Алексей Кондратьевич Саврасов. «Много ли наших картин можно сравнить с нынешним «Птицеловом»? — восхищался Владимир Васильевич Стасов. — Ведь это точь-в-точь будто отрывок из лучшего и талантливейшего, что есть в охотничьих очерках Тургенева!»

За «Птицелова» Перов получил звание профессора.

«Охотники на привале»

Среди жанровых работ, представленных Перовым на Первой передвижной выставке, наибольший успех имели «Охотники на привале». Все три героя картины — известные московские врачи, страстные охотники и друзья Перова. В образе рассказчика Перов изобразил Дмитрия Павловича Кувшинникова.

Квартира Кувшинникова в Малом Трёхсвятительском переулке была местом, где собирались писатели, художники, артисты. Здесь впоследствии часто бывали Чехов, Левитан, Репин... Кто же не помнит чеховскую «Попрыгунью», где автор вывел Кувшинникова под фамилией Дымов. Однако же сам Кувшинников не столько интересовался искусством, сколько уважал интересы своей жены.

— Ты, Дымов, умный, благородный человек, — говорила она, — но у тебя есть один очень важный недостаток. Ты отрицаешь и музыку и живопись.

— Я не понимаю их, — говорил он кротко. — Я всю жизнь занимался естественными науками и медициной.

— Но ведь это ужасно, Дымов!

— Почему же? Твои знакомые не знают естественных наук и медицины, однако же ты не ставишь им этого в упрек. У каждого свое. Я не понимаю пейзажей и опер, но думаю так: если одни умные люди посвящают им всю свою жизнь, а другие умные люди платят за них громадные деньги, то, значит, они нужны. Я не понимаю, но не понимать не значит отрицать».

С Перовым Кувшинников близко сошелся через своего друга Бессонова. Потом они часто охотились вместе. Во время привалов Кувшинников рассказывал охотничьи байки. Василий Владимирович Бессонов со скептическим юмором чесал за ухом, а их коллега, двадцатилетний Николай Михайлович Нагорнов, принимая охотничьи преувеличения за чистую монету, слушал с восторженным удивлением.

В 1962 году дочь Нагорнова писала исследователю творчества Перова:

«Кувшинников был одним из ближайших друзей моего отца. Они часто ездили на охоту по птице. У отца была собака, и поэтому собирались у нас: Дмитрий Павлович, Николай Михайлович и Василий Владимирович. Они изображены Петровым в «Охотниках на привале». Кувшинников рассказывает, отец и Бессонов слушают. Отец — внимательно, а Бессонов — с недоверием...»

После того, как картина появилась на выставке, имя Дмитрия Павловича Кувшинникова стало популярным не только в медицинских, но и в литературных, художественных и театральных кругах. С Бессонова Перов написал отдельный портрет, который потом экспонировался на Всемирной выставке в Париже вместе с полотном «Охотники на привале». А портрет Нагорнова, написанный Левитаном в 1893 году, находится в экспозиции Третьяковской галереи.

«Охотники» полюбились абсолютному большинству зрителей своим добродушием и строгой поэзией осеннего пейзажа, который принадлежит кисти Саврасова. В творчестве Перова это полотно сыграло роль связующего звена между его сатирическими и острокритическими произведениями. Здесь художник стремился ближе подойти к человеку, проникнуть в круг его нехитрых интересов. Художественные методы Перова и развитие заложенных им начал продолжили И. Е. Репин, И. Н. Крамской и отчасти В. И. Суриков. Достижения Перова в области психологического анализа были одинаково значительны и для исторической живописи и для портрета.

В Московском училище живописи бедностью удивить было трудно — неимущих студентов хватало. Но бедность Исаака Левитана была несравнима ни с чем. О его в полном смысле бродяжничестве знали все. Порой ему негде было ночевать, он прятался в классе за какой-нибудь мольберт, за штору, чтобы не попасться на глаза сторожу. Сторож Землянкин, прозванный учениками «нечистой силой», обходил на ночь всё здание училища; Левитана, по настроению, он брал либо к себе в каморку и поил чаем, либо выгонял на улицу и захлопывал дверь.

«Не имею никакой возможности внести за право учения...» — обращался Исаак Левитан в совет училища. И часто в галерее Третьякова, где юные художники копировали полотна, смотрел на «Тройку» Перова так, словно написано было о нем самом.

Весной Левитана трудно было застать в мастерской, он пропадал на природе. Алексей Кондратьевич Саврасов, обводя глазами учеников, спрашивал:

— Где Левитан, давно его нет. Он, очевидно, в Сокольниках...

Возвращаясь из похода, Исаак признавался своему другу Косте Коровину:

— Как ни пиши, природа все равно лучше. — И слышалось в его признании неверие в возможность передать на холсте тонкость живого пейзажа.

Случалось, в Сокольники ходили вместе с Коровиным, тоже влюбленным в пейзаж.

— Смотри, — показывал Исаак, — смотри...

Угасала заря, и солнце малиновым цветом клало яркие пятна на стволы больших сосен, бросая в лес синие тени.

— Я не могу, как это хорошо! Это как музыка. Но какая грусть в лучах, в последних лучах! — Левитан плакал.

Коровин не выносил слез.

— Довольно реветь! — прикрикивал на Исаака.

— Константин, я не реву, я рыдаю! — отвечал он.

Коровин любил солнце, цветы, раздолье. Однажды у пригорка, где внизу блестел ручей и цвел шиповник, горя на солнце, сказал другу:

— Давай поклонимся шиповнику, помолимся?

И оба встали на колени.

— Шиповник! — улыбнувшись, начал, Левитан.

— Радостью славись ты солнце, — продолжил Коровин.

— Ты даришь нас красотой весны своей...

— Мы поклоняемся тебе...

Друзья запутались в импровизации, и, посмотрев друг на друга, расхохотались.

Кроме Кости Коровина близким другом Исаака был его однокашник Николай Чехов. Они жили в одной гостинице, названной каким-то шутником «Восточными номерами», хотя это были самые захудалые меблированные комнаты, где у «парадного входа», чтобы плотней закрывалась дверь, были приспособлены на веревке три кирпича.

— Я бы расстался даже с любимой женщиной, если она равнодушна к природе, — говорил Исаак Николаю. — Этот тон, эта синяя дорога, эта тоска в просвете за лесом, это ведь — я! Мой дух!

Левитан часто впадал в меланхолию. Это было от унижительного безденежья, неприютности и сиротства. Вроде бы все толкало Исаака на дорожку горя и обиды, но он выбрал иное. Ощущение высшей красоты не позволяло сводить счеты с кем бы то ни было. Все, что замечают в природе люди в минуты душевных волнений, когда рождается потребность выразить это именно так, не отходя ни на полшага от себя, стало его сутью. И у предшественников Левитана, особенно у Саврасова, природа несла человеку свое сердце, но только он делал это так доверчиво, от всей своей нежной сути, так интимно.

Левитан подружился с Антоном Чеховым, который бывал у своего брата в «восточных номерах». К Антону, хоть и юному в ту пору, но уже известному своими рассказами, публиковавшимися в газетах, сразу являлись какие-то студенты и горячо с ним спорили.

— Если у вас нет убеждений, — нападали они на Чехова, — то вы не можете быть писателем!

— У меня нет убеждений, — отвечал он.

Студенты были, очевидно, недовольны им. Они хотели управлять, поучать, влиять, руководить. Они знали всё, всё понимали. А ему это, по-видимому, было скучно.

— Кому нужны ваши рассказы?.. — кричали студенты. — К чему они ведут? В них нет ни оппозиции, ни идеи! Развлечение, и только.

— И только, — соглашался Чехов.

Чтобы не слушать их, он уходил с Левитаном, Коровины-ми братом Николаем на прогулку за город.

— Антон, — говорил ему Левитан. — Вот у меня тоже так-таки нет никаких убеждений... — Он в это время писал «Осенний день». Поздняя осень, облачное серое небо, уходящая в даль дорожка, пожелтелые липки и высокие темные сосны —

одиночество и тоска. Художник ли смотрел на природу или она на него? Может быть, это он отражался в ее широко открытых глазах... Но о живописи Левитан говорил так же мало, как Чехов о литературе. Он скучал, когда о ней говорили.

Николай Чехов, наблюдая за его работой, советовал:

— Пусти по дорожке человека. Мотив одиночества будет подчеркнут.

Левитан считал, что и так все понятно. Но Николай Чехов настаивал, и художник наконец согласился. Николай вписал в картину Исаака фигурку женщины в темном платье, картина получилась откровенней. Она, пожалуй, самое большое высказывание Левитана о своей жизни. И все же он терзался сомнениями: «Хорошо ли я сделал, может быть, никого не надо было на холст? Может, пусть остался бы просто пейзаж?» Он хотел, чтобы «он сам был слышен», не оставляла надежда быть услышанным. Странно переплетались в этом юноше тоска одиночества, страх перед жизнью и жажда жизни.

Когда картина была выставлена, ее купил Павел Михайлович Третьяков, своей покупкой открыв для Левитана широкую дорогу. Восемнадцатилетний художник почувствовал почву под ногами, понял, что его талант востребован, и что бедность и страх перед жизнью наконец от него отступят.

«Березовая роща»

Весной 1885 года Исаак Левитан поселился в деревне Максимовке близ Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой, у горшечника Василия, горького пьяницы, пропивавшего буквально всё, что добывал. По соседству было имение Киселевых — Бабкино, и там гостила семья Чеховых. По вечерам Антон, Николай и Михаил прогуливались к Левитану и подтрунивали над его незадачливым выбором жилья. Но Левитану это ничуть не трогало. Гораздо сильнее его донимали приступы какой-то непонятной тоски, и тогда он с ружьем уходил из дому, пропадал неизвестно где и не возвращался до тех пор, пока жизненная радость не осеняла его снова.

Случилось так, что в один из своих походов Левитан попал под проливной дождь, и у него поднялась температура. Жена Василия прибежала в Бабкино просить Антона Чехова к больному. Братья надели сапоги, взяли с собой фонарь и, несмотря на кромешную тьму и ливень, отправились спасать друга. В Максимовке они кое-как добрались до дома горшечника, кроша сапогами раскиданные по всему двору черепки. Решили сделать «сюрприз» — не постучавшись и не окликнув, вломиться к Левитану и направить на него фонарь.

— Черт знает, что такое!.. Какие дураки! Таких еще свет не производил!.. — вскочил с постели Левитан.

Всем стало смешно, расхохотались, и Левитан как-то сам по себе выздоровел. А через несколько дней он перебрался в Бабкино, заняв отдельный маленький флигелек. Михаил Чехов по этому поводу написал стихи:

*А вот и флигель Левитана,
Художник милый здесь живет,
Встает он очень-очень рано
И тотчас чай китайский пьет.
Позвав к себе собаку Весту
Дает ей крынку молока
И тут же, не вставая с места,
Этюд он трогает слегка...*

На этот флигель Антон Чехов приделал вывеску: «Ссудная касса купца Левитана». Исаак не остался в долгу. На окне, перед которым стояла швейная машина — чеховский письменный стол, он нарисовал аляпистую рекламу: «Доктор Чехов принимает заказы от любого плохого журнала. Исполнение аккуратное и быстрое. В день по штуке».

Антон Павлович радовался, что меланхоличный Левитан не испортил бабкинской веселой компании. Наоборот, после Антона Чехова он оказался самым изобретательным. И тот, и другой были талантливые актеры, и веселый день начинали или Чехов, или Левитан. Иногда по стовору оба. Да и все жители Бабкина составляли как бы небольшую труппу комедиантов. С раннего утра за чайным столом уже начинались невероятные рассказы, выдумки, хохот, который не затихал до вечера.

Бабкино сыграло выдающуюся роль в художественном развитии Левитана. В семье владельцев усадьбы Киселевых царил культ искусства. В гости приезжали известные музыканты, писатели и актеры. Киселевы были связаны узами близкого знакомства с Петром Ильичом Чайковским, в Бабкино нередко проводились музыкальные вечера. И, конечно же, исключительно красивая природа вокруг. Левитан «чуть не сошел с ума от восторга, от богатства материала». С упоением работал он над этюдами и картинами.

«Исаак и Николай Чехов с утра до вечера были за работой... Левитан иногда прямо поражал меня, так упорно он работал, и стены его «курытника» быстро покрывались рядами превосходных этюдов... Скоро их стало некуда вешать. Левитан любил природу как-то особенно. Это была даже и не

любовь, а какая-то влюбленность... Искусство было для него чем-то святым... Левитан знал, что идёт верным путём, верил в этот путь, верил, что видит в родной природе новые красоты... Все Бабкино следило с восхищением за подвигом художника», — рассказал в своей книге «Вокруг Чехова» Михаил Чехов.

Здесь, в окрестностях Бабкино, Левитан сделал много набросков, которые доработал через несколько лет. Один из них — «Березовая роща», которую он окончил в Плесе. Будто движутся тени по светлой траве, будто живая листва нависла зеленым шатром, — художник построил картину на игре освещения и движении. Еще нигде Левитан не подходил так близко в своей живописи к импрессионизму, подходил самостоятельно, не зная работ французских художников и не видя иных проявлений импрессионизма, кроме этюдов его сверстника Константина Коровина. В самом деле, в этой работе импрессионистичны и «пятнистость» изображения, и «порхающее» движение. Антон Павлович, увидев «Березовую рощу», с удовольствием заметил Левитану: «Знаешь, на твоих картинах даже появилась улыбка».

Она действительно есть в «Березовой роще», — такая редкая в творчестве Левитана... И навеяна эта улыбка скорее всего той счастливой жизнью в имении Бабкино, которая выпала на долю обоих художников в первый и в последний раз.

«Над вечным покоем»

Волга была как прекрасная царевна, окруженная тайной. Никогда еще Левитан не чувствовал такое божественное нечто, разлитое во всем и непостижимое разуму. Они плыли на пароходе вместе с Софьей Петровной Кувшинниковой. Пароход шел по излучине реки, и вдруг, словно годами, веками поджидая Исаака Ильича, выступила из-за поворота взобравшаяся на холм маленькая деревянная церковь. Чем ближе подходил пароход, тем явственней различалось, что она старым-стара. Пароход бежал мимо, и она как будто поворачивалась, глядя ему вслед, смиренно готовая к тому, что тот, кого она ждала, пренебрежет ею. Но Исаак Ильич и Софья Петровна уже лихорадочно собирали вещи.

Плѣс — так назывался городок, где они вышли. Путешественников приютила хозяйка, которая им сразу понравилась. Плѣс тоже понравился. Как-то удивительно хорошо тут было, и они не знали, откуда возникало ощущение счастья: от песен ли, которые доносились с улицы по вечерам и казались порождением Волги, или от забавного случая, что про-

изошел с Левитаном, когда он за городом писал этюд? День был праздничный, после обедни в церкви женщины возвращались в соседнюю деревню и с любопытством останавливались возле художника: постоят, посмотрят и проходят. Но вот приплелась дряхлая подслеповатая старушонка. Тоже остановилась, шурясь от солнца, долго смотрела на Левитана и его работу, потом истоиво перекрестилась и, вынув из кошелька копеечку, осторожно положила ее в ящик с красками. Бог знает, какие мысли явились у нее в тот момент, но Исаак Ильич усмотрел в поступке нищенки Божий перст.

И действительно, Волга, до того казавшаяся ему неприступной, вызывавшая глубокое страдание, что не сможет он, не сумеет выразить бесконечную красоту ее, сокровенность ее тайны, стала раскрываться ему навстречу. Левитан работал с таким рвением, словно боялся, что в этом милом краю побыть ему дано недолго, он не успеет написать все, что поражало его вокруг.

Софья Петровна уговорила батюшку Якова отслужить молебен в церкви на холме, той самой, что так очаровала их с Левитаном, когда подплывали к Плёсу. Завозились на церковных карнизах потревоженные голуби, ударил раз, другой, словно откашливаясь после долгого молчания, колокол, не весть откуда взялись три древние старушки, крестившиеся двуперстным знамением. Левитан был в сильном волнении и попросил Софью Петровну показать, как и куда ставятся свечи. Вспыхнули огоньки. Из темноты, дотоле скрывавшей иконостас, выступили строгие и добрые лики святых, они словно испытующе вглядывались в тех, кто потревожил их покой. И как будто даль времени, прожитого здесь людьми, их суровых забот и тайных упований — замаячила тогда перед глазами художника.

Побывав в церкви, растрогавшись до слез молитвой, которую назвал м и р о в о й («Не православная и не другая какая молитва, это мировая молитва...»), Левитан страстно потянулся к цельности, естественности и богатству духовной жизни, очищенной от мелких житейских сует. Он задумал написать картину «Над вечным покоем». Несколько лет он работал над ней по заготовленным в Плесе этюдам. И когда она появилась на выставке, это был образ вечно земной красоты, вечно порыва духа.

Левитан и прежде говорил, что красоте, разлитой в природе, можно молиться как Богу и просить у нее вдохновения и веры в себя. Но здесь эта мысль была выражена особенно сильно, и к ней добавилось новое — почувствованная художником зыбкость и кратковременность бытия, что эту крат-

ковременность всегда надо помнить и не размениваться на погрешности, как бы красиво они ни назывались: «признание», «слава», «избранность»...

Картина вызвала много восхищенных толков. Даже те, кто был равнодушен к пейзажу, смотрели с восторгом. А те, кто в искусстве был равнодушен к религиозным мотивам, соглашались, что величие этой картины как раз и заключено в маленькой церквушке на фоне безбрежия и бездонности.

«Я так несказанно счастлив! — писал Исаак Ильич Третьякову, купившему у него «Над вечным покоем». — В этой картине я весь, со всей своей психикой, со всем моим содержанием, и мне до слез было бы больно, если бы она миновала Ваше колоссальное собрание».

«Март» и «Золотая осень»

Однажды зимой Татьяна Куперник по дороге в Мелихово, где жил Чехов, заехала к Левитану посмотреть его новые работы. Когда он узнал, куда она затем направляется, стал длительно вздыхать и говорить, как ему тоже хотелось бы съездить к Антону Павловичу.

— За чем же дело стало? Раз хочется — то и надо ехать. Поедьте со мной сейчас?

— Так вот и ехать... А вдруг это будет некстати? — Левитан заволновался, зажегся. И вдруг... решился.

Бросил кисти, вымыл руки, и через несколько часов они уже подъезжали по зимней дороге к низенькому мелиховскому дому.

Залаяли собаки на колокольчик, выбежала на крыльцо сестра Антона Павловича, Мария Павловна. Вышел закутаный по глаза Антон Павлович, в сумерках взгляделся в прибывшего мужчину, маленькая пауза, и — оба кинулись друг к другу, крепко схватили друг друга за руки, и... заговорили о самых обыденных вещах: о дороге, погоде, будто не было полутора лет разлуки.

Левитан рассказал Чехову, что летом гостил в имении Островно в Тверской губернии, много писал, не жалея ни себя, ни красок, и много путешествовал по окрестностям.

— Иногда во время путешествий вдруг остановлюсь и стою томительно долго, как будто жду чего-то, — улыбнулся он.

Антон Павлович закашлялся. Он хворал, при кашле появлялась кровь, но он ни за что не желал называть болезнь своим именем — чахотка, и, заметив, как вздрогнул Левитан, сказал:

— Чертовский кашель создал мне репутацию человека нездорового, при встрече с которым непременно спрашивают:

«Что это вы как будто похудели?» Между тем, в общем я совершенно здоров. Хочется роман писать длиною в сто верст.

Но Левитана нельзя было обмануть. Он сам хворал, врачи нашли у него расширение аорты, и он постоянно носил возле сердца сырую глину. Встреча друзей оказалась и радостной и печальной. Левитан сказал, что весной собирается в Островно. Это имение принадлежало светской львице Турчаниновой (Чехов позже изобразит Островно в рассказе «Дом с мезонином»). Антон Павлович пообещал навестить друга.

Весной Островно утонуло в зелени! Весенняя природа — прекрасная, юная, обращала Левитана в восторг и в какое-то тихое, отрадное чувство единства со всеми. Для него открылись новые, яркие краски, он почувствовал смелость в обращении с красками, кисть получила размах и уверенность. К тому добавился еще приезд семнадцатилетней Люлю (Юлии Турчаниновой), в которую Левитан влюбился.

«Трогательно прекрасны были бледное лицо, тонкая шея, тонкие руки Мисюсь, ее слабость, ее праздность, ее книги. А ум? Художник подозревал у нее недюжинный ум, его восхищала широта ее воззрений. Мисюсь встречала и провожала его, смотрела на него нежно и с восхищением. Он победил ее сердце своим талантом. А ему страстно хотелось писать только для нее, и он мечтал о ней, как о своей маленькой королеве, которая вместе с ним будет владеть этими деревьями, полями, туманом, зарею...» — Чехов в рассказе «Дом с мезонином» изменил имя Люлю на Мисюсь.

Рядом с Люлю в Левитане будто прибывало сил, и он, подаваясь молодому задору, написал «Март», где всё нарастает, где руки-ветви раскинуты, как объятия для счастья, где все полно ожиданием чуда... и где выглядывает угол того самого дома с мезонином.

Но прошло лето. Исаак Ильич тихо бродил по лесу, собирая грибы, осторожно спускался по глубоким лощинам, мягко ступал по голубовато-зеленому мху, останавливался отдохнуть возле тоненьких березок, которые, казалось, прислушивались к его трудному дыханию с таким же испугом, как Люлю. Ему тяжело было наклоняться за грибами, но он, шутил:

— Это еще не самое главное удовольствие, которое привязывает нас к жизни.

Глядя сверху на уютно устроившийся в траве гриб, немного похожий на церковь в лесу, напевал:

*Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел, и розами венчался,*

*И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой...*

Но каким багряным пламенем горела осень! — последняя вспышка жизни. Как грустен был аромат палых листьев! Левитан любовался всем этим, как драгоценностью, с которой надо расстаться. «Какая тайна мира — земля и небо! — думал он. — Что делается в лесу, какая печаль!»

Исаака Ильича уже давно называли русским живописцем, создателем пейзажа настроения, умеющим раскрыть тончайшие состояния природы. Но для него самого природа по-прежнему оставалась загадкой, как была загадочна и вся жизнь. В «Золотой осени» буйство красок, последних красок перед стылостью и морозной онемелостью впереди; лебединая песня природы, когда вложено в мелодию самое потаенное. Облака тихо скользят в лазури, еще яркое солнце, но... близко безмолвие и пустые леса.

«Озеро Русь»

Картина «Озеро» — стала последним крупным произведением Левитана. По свидетельству Сергея Глаголя, художник полагал назвать ее «Русь». Давно Левитан хотел написать о Руси — так, чтобы при одном взгляде на полотно было ясно, какое это могущество, раздолье, размах! Левитан четырежды побывал за границей, объездил почти всю Европу, но остался верным только России. «Воображаю, какая прелесть теперь у нас на Руси — реки разлились, оживает все... Нет лучше страны, чем Россия! Только в России может быть настоящий пейзажист», — писал он домой.

И наставлял молодых художников: «Пишите по-русски, как видите. Зачем подражать чужому, ищите свое... Многие в поисках новых тем едут далеко и ничего не находят. Ищите около себя, но внимательно, и вы обязательно найдете и новое и интересное».

Начав работу над «Русью», Исаак Ильич представлял, как будет сложно передать огромное ее содержание на относительно небольшом холсте. Он постоянно поправлял, переделывал картину, отчего она так и осталась незавершенной, но и то, что он сделал — ошеломляет. «До такой изумительной простоты и ясности мотива, до которых дошел в последнее время Левитан, никто не доходил до него, да не знаю, дойдет ли кто и после», — высказался Антон Павлович Чехов.

Картина «Озеро» обращена не в прошлое, а в будущее России. Художник подал пейзаж из глубины — на зрителя, со-

здав впечатление, что полотно имеет продолжение за рамой. Решая художественную задачу, Левитан соединил радость лета с осенним богатством красок — золото листьев и синь воды с летним солнечным освещением, украсив этим образ его любимой страны. Мотив облаков с их движением и отражением в воде стал важной частью пейзажа. Их пышные белые караваны, широкий водный простор, разнообразие берегов — во всем изобилие, щедрость, спокойная и свободная мощь.

Левитан специально обратился к сюжету озера. Здесь природа выступает в размахе пространства, что давало возможность не описательно, а пейзажно выразить ширь России, вызвать у зрителей чувство свободы и счастья. Картина действительно производила сильное впечатление на тех, кто смотрел ее, наполняла души людей верой в добро и в радость. Это самое значительное полотно Левитана.

В 1900 году Исаак Ильич умер от болезни сердца. «Великий труженик, великий мастер, — говорил о нем художник Юон, — великий поэт природы, до конца почувствовавший неизъяснимую прелесть слова «родина», он в картинах своих сумел передать любовь к ней, не приукрашенную ничем, прекрасную в своей непосредственности».